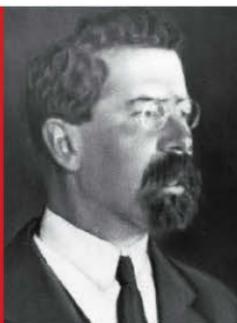
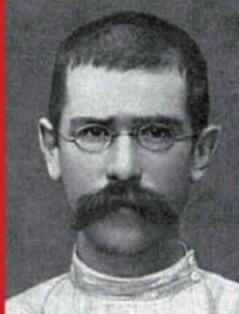

Т.П. Коржихина

ИЗ НЕЛЕГАЛОВ В КОММЕРСАНТЫ

Очерк о жизни и деятельности
В.П. Ногина

Российский государственный гуманитарный
университет

Т.П. Коржихина

**Из нелегалов
в коммерсанты**

Очерк о жизни и деятельности
В.П. Ногина

2-е издание (электронное)

*Москва
2019*

УДК 354+94
ББК 63.3(2)6-8
К66

Текст печатается в авторской редакции

*Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом РГГУ*

Коржихина, Т. П.

К66 Из нелегалов в коммерсанты. Очерк жизни и деятельности В. П. Ногина [Электронный ресурс] / Т. П. Коржихина ; Рос. гос. гуманитарн. ун-т. — 2-е изд. (эл.). — Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf : 184 с.). — М. : Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 2019. — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10".

ISBN 978-5-7281-2226-5

Очерк посвящен жизни и деятельности народного комиссара торговли и промышленности в первом составе Советского правительства В. П. Ногина. В книгу вошли также вступительная статья о жизни и научном творчестве доктора исторических наук профессора кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций ИАИ РГГУ Т. П. Коржихиной (1932–1994) и хронологический указатель ее трудов.

УДК 354+94
ББК 63.3(2)6-8

Деривативное электронное издание на основе печатного издания: Из нелегалов в коммерсанты. Очерк жизни и деятельности В. П. Ногина [Текст] / Т. П. Коржихина ; Рос. гос. гуманитарн. ун-т. — М. : РГГУ, 2018. — 164 с. — ISBN 978-5-7281-1903-6.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-7281-2226-5

- © Коржихина Т. П., 2018
- © Шаповалова Л. Д., предисловие, вступительная статья, хронологический указатель трудов, комментарии, список сокращений, 2018
- © Сенин А. С., вступительная статья, 2018
- © Простоволосова Л. Н., хронологический указатель трудов, 2018
- © Российский государственный гуманитарный университет, 2018

Содержание

<i>Предисловие к изданию</i>	7
<i>А.С. Сенин, Л.Д. Шаповалова</i>	
Татьяна Петровна Коржихина (1932–1994)	9
<i>Введение</i>	17
«Мне будущее кажется достойным жизни и искупающим все невзгоды»	21
Выбор пути	47
Из нелегалов в коммерсанты	73
<i>Примечания и комментарии</i>	111
<i>Приложения</i>	143
Хронологический указатель трудов	143
Литература о жизни и деятельности Т.П. Коржихиной	159
Список сокращений	161

Предлагаемая работа написана доктором исторических наук профессором Историко-архивного института РГГУ Т.П. Коржихиной (1932–1994) в годы перестройки, когда активно шел процесс реабилитации репрессированных в советские годы лиц и возвращения их имен в отечественную историю. И хотя главное действующее лицо предлагаемого очерка Виктор Павлович Ногин избежал участи многих своих товарищей, уйдя из жизни в 1924 г., тем не менее повышенный интерес общества к истокам советской государственности, к эпохе революции и ее непосредственным участникам был характерен для второй половины 1980-х годов.

Интересно, что в начале 1990-х годов общественный запрос перемещается на другие темы и интерес к фигурам ленинской гвардии сходит на «нет». Уже в 1990–1991 гг. многие крупные издательства под разными предлогами не принимали работы о «пламенных революционерах». Переписка автора с Политиздатом о публикации работы явное тому подтверждение.

Конечно, на данном исследовании лежит печать своей эпохи. Это было время, когда в исторической науке только начиналось переосмысление многих ключевых проблем истории советского государства, активным строителем которого был В.П. Ногин. Однако в попытке преодоления существовавших стереотипов, в научной новизне исследования, в увлекательности изложения автору не откажешь.

Работа подготовлена к публикации коллегами и учениками профессора Т.П. Коржихиной – доктором исторических наук, профессором кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций ИАИ РГГУ А.С. Сениным и кандидатом исторических наук, доцентом

кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций ИАИ РГГУ Л.Д. Шаповаловой. Текст печатается в авторской редакции. Некоторой правке в части уточнения имен и дат подверглись Примечания.

В книгу включен хронологический указатель трудов профессора Т.П. Коржихиной, включающий издания с 1955 по 1997 г., а также литература о ее жизни и деятельности.

*Л.Д. Шаповалова, канд. ист. наук,
доцент ИАИ РГГУ*

Татьяна Петровна Коржихина
(1932–1994)

Почти вся жизнь Татьяны Петровны Коржихиной связана с Московским государственным историко-архивным институтом. Здесь она училась, здесь ровно 30 лет студенты слушали ее лекции. К началу педагогической деятельности в 1965 г. у Коржихиной за плечами уже был немалый опыт работы в архивной отрасли. После окончания Московского государственного историко-архивного института в 1954 г. она была направлена на работу в распоряжение МВД Якутской АССР и назначена начальником архивного отдела министерства. Результатом работы в Якутии стала кандидатская диссертация «Создание советской государственности и государственного аппарата в Якутии (1917–1922 гг.)» (1964 г.) и ряд справочников и документальных публикаций по истории Якутии в начале XX века.

Спустя четыре года она вернулась в Москву и пошла работать в только что созданный Центральный государственный архив РСФСР (ныне ГАРФ). Здесь по ее инициативе был подготовлен первый, уникальный по тем временам справочник «Высшие органы государственной власти и центрального управления РСФСР», за который в 1962 г. она была награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

И все же, почему именно госучреждениям было отдано сердце Татьяны Петровны? Позднее она вспоминала: «С третьего курса у нас начались специальные предметы. В том числе и история государственных учреждений. Читал курс доцент Н.П. Ерошкин. Он был тогда молод, остроумен, каждая его лекция была событием. Он как-то

умел сочетать в лекции и строгую последовательность изложения материала, и концептуальность, и в то же время любовь к факту, вкус к деталям, даже анекдот. И из всех спецдисциплин “госы” мне понравились больше всего, хотя нам читались и такие курсы, которые давно уже в институте исчезли, например, “Экономическая география”, “История литературы” и многие другие... После курса Н.П. Ерошкина я уже поняла, что буду заниматься именно историей госучреждений» [91, С. 78–79]*.

Уже к началу 1970-х годов Т.П. Коржихина обладала обширными знаниями по истории советского государственного аппарата, блестяще читала лекции и вела семинарские занятия. Студенты с первых ее лекций чувствовали, что перед ними – профессионал, человек, знающий и любящий свое дело. Многие из них стремились защищать у нее дипломные работы. Т.П. Коржихина, не жалея времени, помогала молодым исследователям и часто определяла судьбу многих из них. К ее советам прислушивались аспиранты и докторанты института. Она внесла огромный вклад в формирование в Историко-архивном институте научной школы историков отечественного государственного аппарата. Ее первое большое учебное пособие по истории госучреждений СССР было опубликовано в 1974 г. и спустя десятилетие превратилось в учебник [25].

В 80-е годы Татьяна Петровна постоянно консультировала руководителей министерств, других государственных органов, научно-исследовательские организации, издательства, киностудии, была членом нескольких специализированных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций.

Наиболее плодотворным оказалось для Т.П. Коржихиной последнее десятилетие ее жизни. Оно совпало с началом перестройки в обществе, политики гласности. К запретному, скрытому в спецхранах, потянулись сотни исследователей. В этой ситуации тернистая тропинка к

* Здесь и далее ссылки на номер библиографической записи в Хронологическом указателе трудов Т.П. Коржихиной.

знаниям оказалась смыта девятым валом конъюнктурной и демагогической публицистики.

Т.П. Коржихиной удалось избежать соблазна писать во все вновь появившиеся газеты и журналы, рассказывать о пикантных исторических фактах с экрана телевизора. Но каждая ее статья в научных изданиях в эти годы не оставалась незамеченной [см.: 44, 65, 73, 86 и др.].

Во второй половине 80-х годов Татьяна Петровна сосредоточила свое внимание на концепции административно-командной системы управления (АКСУ). В вышедшем под ее редакцией сборнике статей «Административно-командная система управления: Проблемы и факты» она отмечала, что возникновение АКСУ связано со множеством экономических, политических, исторических, личностных и иных причин. Складывание именно такой системы произошло в условиях острейшей внутриполитической борьбы, в которой большинство приняло сторону тех, за кем была сила, а не истина. Т.П. Коржихина выделила следующие характерные черты АКСУ: 1) умаление роли Советов, отстранение их от власти, подмена лозунга «Власть трудящихся» лозунгом «Власть для трудящихся»; 2) «чрезвычайщина», т. е. совокупность принципов, методов, приемов управления, основанных на массовых репрессиях и административном принуждении; 3) гипертрофированная роль государственного аппарата, его увеличение и сращивание с партийным; 4) номенклатурный принцип назначения на руководящие должности [81].

В начале 1990-х годов Коржихина активно разрабатывала новые подходы к изучению политической системы советского общества. Одним из первых отечественных авторов она поставила вопрос о месте партийной номенклатуры во всех звеньях политической системы, в том числе в общественных организациях. Проблемам создания и функционирования номенклатурного механизма в советский период посвящен ряд статей и разделов в монографиях и учебниках.

В 1991 году она завершила работу над вторым изданием учебника по истории государственных учреждений.

В нем осуществлен новый подход к оценке Советского государства. Коржихина подчеркивает, что, не принимая буржуазного парламентаризма и отвергая принцип разделения властей, В.И. Ленин придерживался марксовской модели пролетарского государства – коммуны, совмещающей в одном органе законодательные, исполнительные и судебные функции («работающая корпорация»). Выбор был сделан в пользу республики Советов. Однако в силу ряда обстоятельств, среди которых Коржихина особенно выделяла общую культурную отсталость широких масс, советы не смогли справиться с громадным объемом властных и управленческих функций. По ее мнению, именно в силу этого на смену одной концепции государства пришла совершенно иная – в центр политической системы советского общества были поставлены не советы, а коммунистическая партия. Советы же оставались лишь в виде одного из рычагов управления государством в руках партии. Став монополюльно правящей, партия вступила на путь слияния с государством, что, в конечном счете, и привело к подчинению ей государственных структур и общественных организаций [87]. Опубликованный в 1994 году, учебник был награжден дипломом Росархива.

С конца 1960-х Т.П. Коржихина стала заниматься историей общественных организаций советского периода. В 1973 г. в журнале «Советские архивы» ею была опубликована статья о комплектовании государственных архивов СССР материалами общественных организаций. По существу речь шла не столько о совершенствовании работы государственных архивов, сколько об изучении новых сторон истории советского общества, в котором преобладало пренебрежительное отношение к так называемой гражданской истории. Абсолютное большинство исследований по отечественной истории XX века было посвящено историко-партийной тематике, а изучение конкретных общественных объединений, за исключением, разумеется, профсоюзов и комсомола, оставалось инициативой одиночек. Эта тематика не пользовалась поддержкой государственных структур, к тому же требо-

валась кропотливая и многолетняя работа в архивах. Это было своего рода подвижничество, столь характерное для Татьяны Петровны.

Актуализируя это направление исторической науки, Коржихина читала лекции по истории общественных организаций во всех центральных архивах Москвы и сумела заинтересовать этой темой многих архивных работников.

Первым подступом к обобщению накопленного материала стало вышедшее в 1981 году учебное пособие «Общественные организации СССР в 1917–1936 гг.», в котором она попыталась дать их классификацию, проанализировать политику правящей партии по отношению к существовавшим и вновь создаваемым обществам и союзам [37].

Через три года была опубликована новая работа «Общественные организации СССР. 1917–1936 гг. (Профсоюзы интеллигенции)», в которой рассматривалась история организации и деятельности профессиональных союзов учителей, научных, инженерно-технических и медицинских работников, деятелей искусства [42]. Оба пособия, изданные небольшими тиражами и быстро ставшие библиографической редкостью, не потеряли своей научной значимости, ибо сегодня данная проблематика практически не исследуется. В современной исторической науке возоблудала тенденция к обобщающим трудам, стремлению оценить весь советский период отечественной истории, его место в развитии мировых цивилизаций.

Логическим продолжением этого направления научного творчества Т.П. Коржихиной стала защита в октябре 1986 г. докторской диссертации, посвященной общественным организациям 1920–1930-х годов. Отличительная особенность метода автора состоит в том, что история общественных организаций органично вписана в контекст развития отечественной науки и культуры первой трети XX в. Для Т.П. Коржихиной характерен конкретно-исторический подход к оценке тех или иных союзов и обществ, их руководителей. Разумеется, сегодня лозунг

типа «Довольно “Сильвой” опошлять пятилетку» вызывает улыбку, а в 1928 г. он никого не шокировал и вполне вписывался в преобладающее настроение большинства деятелей культуры, когда, казалось, человечество, в лице страны Советов, осуществляет дерзкий прорыв в будущее, а прежняя культура должна уйти в прошлое, став лишь достоянием музеев.

Исследования Т.П. Коржихиной положили начало становлению в научной историографии проблемы общественных объединений в советском обществе. В ее трудах впервые была представлена общая история общественных организаций в 1917–1936 годах, исследована терминология, дана классификация и периодизация. Заложенная ею методика исследования общественных объединений используется и сегодня.

В начале 1990-х годов Т.П. Коржихиной была подготовлена монография «Извольте быть благонадежны!», посвященная творческим союзам в области литературы и искусства первой трети XX века [96]. Работа была опубликована профессором А.С. Сениным уже после смерти автора в 1997 г. Основной проблемой исследования стали взаимоотношения власти и искусства. Само название книги, восходящее к указу Екатерины II о создании первой в России общественной организации — Вольного экономического общества, глубоко символично. Оно уже на протяжении более двух столетий характеризует отношение власти к обществу. Вместе с тем Т.П. Коржихина подчеркивает, что власть опиралась на поддержку, подчас искреннюю, многих мастеров культуры. Особое внимание в работе уделено роли государственной идеологии в формировании официальной политики по отношению к творческим организациям, созданию органов цензуры, роли Агитпропа ЦК ВКП(б) и Наркомата просвещения РСФСР в становлении «пролетарского» искусства. Еще одной характерной особенностью монографии является богатейшая источниковая база. Впервые в научный оборот были введены многочисленные документы по истории творческих союзов, хранящиеся в ГАРФ, РГАЛИ, РГАСПИ, других архивах и рукописных отделах библиотек.

Исследования Т.П. Коржихиной по истории российской общественности вылились в спецкурсы «Общественные движения и общественные организации в России», «Власть и искусство: из истории общественных организаций в области литературы и искусства», ставшие одними из самых популярных на Факультете архивного дела.

Творческий потенциал Татьяны Петровны позволял ей одновременно работать по совершенно разным темам. Впрочем, она всегда придерживалась принципа, что специалист не должен сидеть всю жизнь на своей «делянке», не зная и не видя, что делается на других. Она писала о кооперации и военной реформе 1920-х годов, о сущности советского бюрократизма и о борьбе с алкоголизмом в годы нэпа, о профсоюзах интеллигенции и т. д.

В 1992–1993 гг. Т.П. Коржихина написала монографию о первом наркоте торговли и промышленности РСФСР В.П. Ногине. Она не рассчитывала на публикацию, ибо по российской традиции любви к крайностям в начале 1990-х стало не принято писать что-либо объективное об окружении Ленина. А ведь история о том, как революционер-профессионал стал в годы нэпа преуспевающим коммерсантом, весьма поучительна и сегодня...

Т.П. Коржихина стояла у истоков разработки теоретических проблем истории российской государственности. В 1993 г. она вместе с доцентом кафедры А.С. Сениным получила грант Международного фонда «Культурная инициатива» на подготовку принципиально нового вузовского учебника «История российской государственности». В первой половине 1990-х годов термин «государственность» замелькал в средствах массовой информации, постоянно был на устах политиков. Однако мало кто задумывался о его содержании. Коржихина полагала, что основными элементами государственности следует считать: 1) государственный строй (форма правления и государственного устройства; политический режим); 2) механизм управления страной, государственный аппарат; 3) государственную службу (служащих, приводящих этот аппарат в движение); 4) государствен-

ную идеологию, т. е. то, что придает государственной деятельности осмысленный характер. Анализ этих компонентов и была посвящена ее последняя работа [92]. Татьяна Петровна поставила последнюю точку в рукописи за десять часов до своей кончины.

Признанием заслуг Т.П. Коржихиной является наличие ее работ в Библиотеке Конгресса (США), в библиотеках западных университетов.

Татьяна Петровна прожила трудную, но, по ее словам, счастливую жизнь. Она посвятила ее любимому делу, ей удалось внести существенный вклад в изучение истории советского государства и общества, времени великого подвига и великой трагедии.

*А.С. Сенин, д-р ист. наук,
профессор ИАИ РГГУ*

*Л.Д. Шаповалова, канд. ист. наук,
доцент ИАИ РГГУ*

Эта книга рассказывает о жизни и судьбе Виктора Павловича Ногина. Он прожил 46 лет, но его жизнь вместила множество событий: 50 мест заключений, 7 ссылок, побег, эмиграцию, напряженные будни подпольщика и вершины власти – членство в Правительстве России, споры с Лениным, уход из Совнаркома, тихую «опалу», работу в кооперации и торговые переговоры в Англии и США – крупнейшего в мире покупателя хлопка с крупнейшими в мире бизнесменами – продавцами хлопка.

Так почему же все-таки Ногин? Еще одна «обыкновенная биография в необыкновенное время» (Аркадий Гайдар) – сочетание подвигов и трагедий, великой верности и великих разочарований? Причин много.

Это была судьба в какой-то мере типичная для своего времени и в то же время очень индивидуальная. Трагичная тем, что жизнь человека оборвалась рано, не дав ему возможности увидеть плоды своего замысла. Особенная тем, что, будучи включен в кровавую драму начала века, он ничем не запятнал себя. Сегодня жизнь этого человека интересна еще и тем, что в нэповские времена он стал предпринимателем в самом широком смысле этого слова – бизнесменом, нэпманом, организатором, зачинателем восстановления русской текстильной промышленности, коммерсантом-профессионалом. Умным коммерсантом, создавшим один из лучших в начале 20-х годов синдикатов – Всероссийский текстильный синдикат. Он

был прирожденный организатор, и везде, где бы он ни работал, он тащил на себе громадный воз организации, будь то кооперация или текстильная промышленность. Из ссылки и тюрем он вынес сдержанность долголетнего пленника, молчаливость перед слишком громкими словами. Свойство таких людей – оставаться в тени, неумение и нежелание делать политическую карьеру, добиваться личной популярности и власти, что было так характерно для многих лидеров большевиков, таких как Троцкий или Зиновьев, Луначарский или Каменев.

Вместе с тем всю жизнь В.П. Ногина сопровождали некоторые загадки, а любая тайна имеет притягательную силу. Одну из них обозначил в своих неопубликованных воспоминаниях о Ногине «рядовой партии» некто А.К. Пайкес, который с удивлением и недоумением закончил их словами: «Владимир Ильич почему-то недооценивал его...» А почему недооценивал? Не мог простить ему выход из состава Совнаркома через десять дней после революции? Но ведь другим – Каменеву, Зиновьеву, Рыкову – простил. Или виной тому слишком самостоятельные суждения Ногина по ряду вопросов, его трезво рассудительные возражения Ленину и задолго до революции по вопросу о профсоюзах, и на VI съезде партии летом 1917 г. о курсе на вооруженное восстание, и, конечно, в те несколько первых дней после революции, когда решался вопрос о характере власти – однопартийное или многопартийное правительство из представителей всех социалистических партий? Теперь трудно ответить на этот вопрос.

Старая истина, говорящая о невозможности понять человека вне его эпохи, неопровержима не в отвлеченном, а в самом буквальном значении слова. Судьба Ногина – пример как раз такого рода. Воссоздание его жизни привлекает внимание не последовательным изображением ее этапов, а включенностью в водоворот событий.

Без правдивого, очищенного от мифов и эмоциональных перехлестов знания о прошлом своего Отечества невозможно сформировать личность гражданина, способного стать активным субъектом процесса демократических преобразований общества. А вся история складывается именно из действий личностей. Сегодня, захваченные политическими страстями, ошеломленные невероятной быстротой смены «идеологических» знаков, публицисты с легкостью необычайной, почти хлестаковской, из прежних «врагов» (Троцкого, Бухарина, например) делают то героев, то страдальцев. Тогда как необходимо как раз другое. Чтобы не превратиться из ученого исследователя в просто хроникера исторических событий, необходимо понять психологию исторических деятелей, всех, кто еще недавно был причислен и к сонму «чистых», то есть «верных ленинцев», и «нечистых», то есть «оппортунистов». Нельзя достичь истины, переписывая историю с другим знаком, вместо идеализации большевизма, идеализируя меньшевизм, монархизм и т. п. Всем этим людям, включившимся в революционную борьбу на переломе века, была свойственна совершенно особая психология. Все начинали с юношеской жадной справедливости, все они, по выражению Бориса Пастернака, были больны мыслью о глубочайшей несправедливости устройства мира и общества, «жили бунтом». И революция казалась им шансом добиться свободы, счастья, они готовы были увидеть в ней путь к абсолютному обновлению жизни, которого жаждала их душа. Они так долго ее ждали. А когда все свершилось, многие из них, как В.П. Ногин, не узнали свое детище. Одни пошли дальше, дальше... Другие застыли в немом ужасе, сполна ощутив деспотизм революции, ее жестокость. Революция несла в себе не только очищающее начало, но и испепеляющее. Она разводила людей не только по разные стороны баррикад, но раскидала их по разные стороны фронтов и границ. Взаимная непримиримость, порой до озлобления, затронула самые разные

слои общества. И судьба их сложилась по-разному. Но очень немногие из них смогли сохранить собственное достоинство и честь, не запятнав себя ни словом, ни делом в кровавых жестокостях революции. Таким человеком был В.П. Ногин. Он был делателем, созидателем, строителем. Тем и интересен.

«Мне будущее кажется достойным жизни и искупающим все невзгоды»

Он родился в Москве 2 февраля 1878 г. в семье приказчика мануфактурной фирмы и белошвейки. В 1892 г. окончил городское училище в г. Калязине Тверской губернии. 15-летним мальчиком поступил в контору Богородско-Глуховской мануфактуры, затем перешел в красильню, где и проработал три года. С 1896 г., переехав в Петербург, стал работать подмастерьем в красильне на фабрике Паля за Невской заставой.

Фабрика была старая, основана в 1837 г. немцем-колонистом в селе Смоленском рядом с огромным болотом. Рабочие это место называли «Сахалином», позднее оно вошло в состав города и стало Шлиссельбургским проездом. Условия работы на фабрике действительно были очень тяжелые: ткацкий корпус не отапливался, пыль и ни одного вентилятора, в других цехах – красильне, «запарке» – пары, жарница. Рабочий день продолжался с 6 утра до 9 вечера. Администрация фабрики обирала рабочих, пьянствовала и не скупилась на побои. Когда рабочие решили открыть «общественную лавку», то есть создать потребительское общество, кооператив, и уже добились разрешения от местных властей, хозяин категорически запретил. После года работы на фабрике Ногин стал принимать активное участие в организации забастовок. Он посещал занятия в воскресной вечерней школе, нелегальный рабочий кружок, где познакомился с Сергеем Андроповым¹ – другом и наставником при вступлении в РСДРП.

В декабре 1898 г. рабочие забастовали. Требования их были умеренные: увеличить расценки, уменьшить продолжительность рабочего дня, отменить сверхурочные, устроить лавку и т. п. К началу стачки Ногин, заметивший за собой слежку, уволился с фабрики и перешел работать на

Невский механический завод. После стачки, вечером 16 декабря 1898 г., когда начались аресты, схватили и его. Через некоторое время молодой рабочий, осмысливая события на фабрике, написал маленькую книжечку о фабрике, об условиях труда, о стачке и требованиях рабочих с дерзким посвящением ее всем, кого ее содержание касается: «нашим товарищам, министру финансов, министру внутренних дел, фабричным инспекторам и хозяину фабрики К.Я. Палю»².

К моменту своего первого ареста Ногин был уже членом петербургской группы «Рабочее знамя», бывшей в то время наиболее левым крылом социал-демократии, отрицательно относившейся к «экономизму». Сама группа возникла во второй половине 1897 г., в нее входили С.В. Андропов, М.В. Смирнов³, А.А. Солыц⁴ и др. Своей целью группа ставила пропаганду среди рабочих, сумела выпустить три номера газеты «Рабочее знамя»⁵. Собственно, и попал-то Ногин впервые в поле зрения охранного отделения именно по делу, как писали охранники, «преступного сообщества», «Рабочее знамя».

Год в доме предварительного заключения на Шпалерной не прошел для молодого революционера даром. Уже после освобождения в письме к Сергею Андропову (13 января 1900 г.) он писал: «Год “там” принес мне большую пользу, я много прочитал и понял, получил ясное представление о вещах, интересовавших меня, также научился ценить людей». Поразительно мироощущение на рубеже столетия этого в сущности очень молодого человека, который в 20 лет увидел, как сам он писал, «воочию все подлости наших управителей». «Можно видеть, что жизнь на Руси, – пишет он Сергею, – пошла быстрее и что борьба направляется на главного врага, и если не масса стала сознательнее, то многие лица увидели, что им следует делать... Стыдно теперь сидеть сложа руки и “выжидать”, забиваться в какой-нибудь медвежий угол и исполнять “волю предрержащих”. Хочется жить и работать»⁶.

Первый в жизни арест и первое заключение – всегда событие. Особенно если вам двадцать лет. И многих это пугало, и многие отходили не только от движения, но и от тех идеалов, в которые верили. А как сам Виктор оценивал свое положение?

На седьмом месяце заключения в письме к матери он писал:

Голубушка Мама! Ради всего того, что Вы любите и уважаете, поверьте мне, что я нахожусь в таком положении, о котором не только плакать, но даже и думать нечего... Мое приключение плевка не стоит, да, и, кроме того, оно мне принесло много пользы – столкнуло с жизнью и дало возможность пополнить мое образование...⁷

И в другом письме, уже после приговора:

Вы мне говорили, что Вам очень не хочется, чтобы я жил на фабрике и что Вы больше не пустите меня работать на фабриках. Ваше желание исполнилось. Как мне сказал товарищ прокурора, меня к фабрикам даже близко подпускать не будут...⁸

Действительно, и за год следствия никаких явных улик против Виктора Ногина обнаружить не удалось. Он был выслан под гласный надзор полиции на три года в Полтаву без права проживать в Москве и Петербурге, университетских городах и фабричных районах. В отношении других «рабочезнаменцев» приговор был посуровее: Сергею Андропову – высылка на 8 лет в Восточную Сибирь, М.В. Смирнову – в Уфимскую губернию и т. п.

И вот – Полтава. В начале века это был тихий красивый городок на несудоходной реке Ворксле, утопающий в садах и парках, с небольшими мукомольными, мыловаренными и кожевенными предприятиями. В Полтаве Ногин пробыл несколько месяцев. Организовал несколько нелегальных рабочих кружков, вел в них занятия. Но... «жизнь здесь слишком мелочна и не дает надежды на возможность принести какую-либо пользу», – пишет он в январе 1900 г. в письме Сергею Андропову. «Когда кругом кипит борьба, когда работать для ниспровержения негодяев есть обязанность каждого человека, – пишет он, – невозможно отсиживаться в тихом месте». Он ищет решение и находит его: «Мне думается, что, если кто-либо решил идти в дело, порвав все связи с легальным житьем, должен работать в каком-либо большом деле...»⁹. Таким большим делом показалась ему идея созда-

ния единой общерусской газеты, слухи о которой докатились и до Полтавы. Он принял решение бежать.

6 августа 1900 г. Ногин исчезает из-под недремлющего ока полтавской полиции. Через Кёнигсберг, Швейцарию, Францию он пробирается в Лондон, там в сентябре встречается с Андроповым, тоже бежавшим из ссылки. С этого времени и надолго он становится «нелегалом», профессиональным революционером, про которого в сводках всех охранных отделений России будут писать так: «принадлежит к “верхам” РСДРП и является одним из наиболее доверенных и авторитетных представителей заграничного партийного центра»¹⁰.

Ногин вступил в социал-демократическое движение в трудные для последнего времена. После массовой стачки текстильщиков в 1896 г., проходившей под руководством «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», власть реорганизует всю систему полицейского аппарата и политического сыска, превращая ее в хорошо отлаженную, разветвленную по всей империи сеть из Департамента полиции, Корпуса жандармов и Секретного розыскного отделения (с 1903 г. оно стало называться «охранным»). Это была действительно широкая розыскная сеть главным образом в промышленных районах страны для слежки за социал-демократами.

Для оперативного надзора за революционерами в 1898 г. при Департаменте полиции создается Особое отделение – сердце и мозг политического сыска самодержавия из наиболее подготовленных и вышколенных офицерских кадров. А в Москве только еще начинавший свою карьеру начальник Московского охранного отделения полковник С.В. Зубатов¹¹ сформировал из сыщиков поменьше «летучий филерский отряд», который охотился за революционерами по всей России. И эта сила обрушила свой первый удар в 1898 г. на только что созданную партию – РСДРП: 11 марта в 27 крупных городах европейской России одновременно полиция арестовала до 500 активных социал-демократов¹², в том числе и всех участников I съезда РСДРП. Но, несмотря на столь высокую цену, которую платила российская социал-демократия за активизацию своей деятельности, рост социал-демократического движения продолжался, изменялась структура партии, расширялась массовая агитация и

пропаганда. Соответственно усиливалась и репрессивная политика царизма. Самодержавие стремилось не только помешать распространению социал-демократических идей, но и нейтрализовать качественные изменения в движении, которые уже явственно заявляли о себе в эти годы. Если активная деятельность социал-демократии сначала осуществлялась лишь в центре России, то затем она переносится и в другие районы, особенно в южные и юго-западные районы. Заметен значительный рост не только ее авторитета, но и численности, что в свою очередь ставило в повестку дня вопрос об объединении разрозненных организаций в партию. «Кружковщина» вела к чрезмерной трате сил, не давала возможности должным образом противостоять репрессивной политике царизма, избегать лишних потерь¹³.

1900 год стал началом новой работы по воссозданию социал-демократической партии. Решающую роль в этом должна была сыграть большая политическая газета, с помощью которой можно было бы поддерживать связь со множеством городов и местечек России. Но чтобы вдали от родной страны при самых ограниченных средствах собирать корреспонденцию, поддерживать переписку с Россией, издавать и транспортировать газету на родину, нужны были не только финансы, адреса, шифры, транспорт, паспорта, подпольные типографии и т. п., но прежде всего – люди, коллектив единомышленников. И, кроме того, необходимо было привлечь к изданию такой газеты самих рабочих, так как рабочий, как никто другой, стоит ближе к рабочей массе. И Виктор Ногин станет агентом «Искры».

В сентябре 1900 г. Ленин переехал из Нюрнберга в Мюнхен, который был избран местом пребывания редакции газеты «Искра». Редакция уже начала формировать сеть агентов, которые обеспечивали ее информацией и распространяли газету. Агентами «Искры» уже стали Н. Бауман¹⁴, И. Бабушкин¹⁵, Л. Радченко¹⁶, Л. Книпович¹⁷ и др.

Сохранившаяся переписка Ленина и Ногина была особенно оживленной накануне выхода первого номера «Искры».

Через несколько недель пребывания в Лондоне в октябре 1900 г. Ногин получил первое письмо от Ленина. Сообщая о том, что он уже давно разыскивает Ногина, Владимир Ильич просил его написать подробнее о жизни и даль-

нейших планах, интересовался, имеет ли он «достаточное представление о нашем деле»¹⁸. Так завязалась переписка, а затем состоялось и личное знакомство. В октябре 1900 г. в письмах к Ногину Ленин пишет, что рассчитывает на его близкое участие «в нашем деле», то есть в издании газеты и других материалов. Ногин дает согласие и спрашивает, какую работу группа «Рабочего знамени» могла бы взять на себя. Ленин отвечает, что это могла бы быть перевозка литературы через границу, транспортировка ее по России, организация рабочих кружков для распространения газеты и доставка материалов, другими словами – все, что связывало бы газету с рабочими.

В мае 1901 г. Ногин и Андропов выезжают в Россию, предварительно заехав на неделю в Мюнхен к Ленину, с которым обсуждают предстоящую работу. (После личного знакомства с ними Ленин написал: «Мне они нравятся...»¹⁹.) В июле 1901 г. Ногин приезжает в Москву уже в качестве агента «Искры». «Я привез с собой в чемодане с двойным дном литературу первых номеров “Искры”, “Зари” и некоторые др. издания и сдал их Николаю Эрнестовичу Бауману»²⁰. Вместе с Бауманом, Бубновым²¹, Бабушкиным и другими Ногин создает Московский центр «Искры». В сентябре он переезжает в Петербург, где организует первый отдел «Искры», подбирает квартиры, организует людей, устанавливает явки.

Однако не дремали и охранительные органы государства. В местах скопления русской эмиграции за границей активно работали Парижская (центральная) агентура (с 1883 г.), Галицийская (с 1896 г.), Берлинская (с 1900 г.). Они вели не только внешнее наблюдение, но и имели секретных агентов для освещения «внутренней» деятельности русских заграничных организаций. Так, в 1901 г. Парижская агентура смогла определить время переправки через границу пяти пудов литературы – первый «искровский» транспорт. Но гораздо опаснее для подпольщиков была деятельность «Черного кабинета». Когда в 1898 г. в составе Департамента полиции был создан Особый (политический) отдел, в составе его четырех секций была создана секция, занимавшаяся перлюстрацией переписки. Она поддерживала связи с почтовой цензурой – «Черным кабинетом», замаскированным как Комитет цензуры иностранных газет

и журналов, также занимавшийся перехватом и перлюстрацией писем. Для определения принадлежности писем практиковалась экспертиза почерков, чтобы установить автора документа.

26 августа 1901 г. был арестован Андропов, приехавший к сестре на Урал. Сестра вела большую переписку, в том числе с неким Яблочковым. Из письма Яблочкова (по почерку) установили, что это и есть бежавший из под надзора полиции «калязинский мещанин Виктор Ногин». Образцом его почерка послужило прошение Ногина от 17 июня 1899 г. в С.-Петербургское губернское жандармское управление²².

1 октября 1901 г. Ногин и вся «искровская» группа были арестованы по делу «Искры». Сначала – набережная Фонтанки, Департамент полиции, затем – арестантское отделение при С.-Петербургской крепости, то есть двухэтажное здание в виде пятиугольника, построенное внутри Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Здесь же были Андропов и «Яков» (Сергей Цедербаум²³).

Одиннадцать месяцев тишины. Жуткой в своем безмолвии тишины. Нарушал ее лишь бой курантов и звук распахиваемых дверей камеры.

Как и многие, Ногин в тюрьме не терял времени даром, используя его для самообразования. Он изучал литературу по истории рабочего движения и философии, изучал английский язык, читал «Общую естественную историю и теорию неба» Канта, диалоги Платона (разрешалось передавать книги только неразрезанные!), а для отдыха – Чехова и Салтыкова-Щедрина.

29 августа 1902 г. дверь камеры открылась: «Выходи с вещами».

Следствие закончилось, и еще до вынесения приговора было решено отправить всех проходивших по этому делу в Сибирь. В октябре 1902 г. Ногин и Андропов оказались в Ачинском уезде Енисейской губернии.

Андропову было назначено село Назаровское в 29 верстах от Ачинска, а Ногину – на 160 верст дальше село Балахта. Назаровское было большим селом, до 2 тыс. жителей и недалеко от железной дороги. Здесь собралось до 20 человек политических ссыльных, и Ногин хлопотал, чтобы его оставили в Назаровском²⁴.

27 апреля 1903 г. Виктор Павлович снова бежал. Бежал за границу. Из Женева в качестве агента Оргкомитета по созыву II съезда РСДРП он вернулся в Россию. Как вспоминал он позднее, здесь он застал уже совершенно иную картину, чем в 1901 г. Во главе организации был комитет, у которого были налажены связи с различными районами Москвы, был штат пропагандистов, главным образом из студентов, и среди них – Леонид Борисович Каменев²⁵, Любовь Николаевна Радченко и др. Ногин работает в оргкомитете по созыву съезда, потом членом Екатеринославского партийного комитета, где он сыграл ключевую роль в укреплении позиций «искровской» организации. В октябре, заметив за собой слежку, он переезжает в Ростов-на-Дону. В декабре 1903 г. возвращается в Москву, где становится во главе Московского комитета партии. Здесь он работает вместе с В.А. Обухом²⁶, М. Гиршманом, С.Д. Вульфсоном²⁷, Л.Н. Радченко²⁸.

ЦК РСДРП, его заграничный отдел, уделял тогда большое внимание организации областных центров партии – Северного, Южного, Восточного.

Северное бюро объединяло несколько комитетов РСДРП (Петербургский, Московский, Орловский, Рижский и др.). В них в течение 1903–1904 гг. работали прибывшие из-за границы агенты М.Н. Лядов²⁹, В.П. Ногин, С.И. Гусев³⁰, Н.Э. Бауман, П.Г. Смидович³¹ и др.

Еще в 1902 г. начальником Особого отдела Департамента полиции был назначен переведенный из Москвы полковник Зубатов: сыск стал изощреннее, провокации более тонкими, количество провокаторов – значительно больше. И как ни призывала «Искра» подтянуться и подтянуть более молодых товарищей, быть более осторожными с адресами, шифрами и даже с выбором псевдонимов, но провалы продолжались. Встреча Ногина на одном из собраний с А.С. Серебряковой³² (агентурные клички «Мамаша», «Туз») привела к тому, что Ногин обнаружил за собой слежку. Пришлось, сдав все дела Бауману, срочно уехать³³.

Он уехал на юг, в Николаев.

Кризис 1900–1903 гг. резко ухудшил и без того тяжелое положение трудящихся. Рабочий день длился 12–14 часов, низкая заработная плата, большие и незаконные штрафы, безработица создавали почву для широкого недоволь-

ства трудящихся. Забастовки вспыхивали часто и сразу же находили сочувствие и поддержку. Волнения происходили и в воинских частях. В октябре 1903 г. небольшая группа большевиков (Ногин, Радус-Зенькович³⁴ и др.) прибыли в Николаев. За полгода они проделали громадную работу. Были восстановлены связи с крупными заводами, портом и основными предприятиями городского района. Группа приобрела типографское оборудование, создала собственную типографию и развернула массовую агитацию. Заработали кружки. Два-три раза в неделю выпускали прокламации. Местная полиция сбилась с ног в поисках типографии: даже не могло прийти в голову, что подпольщики работают рядом, буквально через стенку с квартирой околоточного надзирателя района. «Во время обыска, – вспоминал один из николаевских подпольщиков, – мы немало трунили над его ротозейством»³⁵. Но полиция все-таки нашла след, и 8 марта 1904 г. Ногин под именем П.И. Соколова и другие подпольщики были арестованы. Учитывая, что среди них было много молодежи, Ногин рассказал им о специальной резолюции II съезда РСДРП о том, как нужно держаться на следствии. Все показания, даваемые революционерами, содержат какую-то информацию и служат в руках следователей главным материалом обвинения и привлечения к следствию новых лиц. Поэтому все арестованные по этому делу выработали единую формулу ответа: «Я член РСДРП. От дачи показаний отказываюсь до назначения над собой суда гласного с участием свободно избранных рабочими заседателей. На таком суде надеюсь доказать не только неосновательность предъявляемых мне обвинений, но виновность настоящих моих обвинителей»³⁶. По свидетельству очевидцев, это произвело на органы дознания большое впечатление. И заключенных двух камер новой Николаевской тюрьмы оставили в покое.

Потянулись обычные тюремные будни. В эти дни особенно проявился прекрасный характер и неиссякаемый запас энергии товарища «Макара». Обладая счастливой способностью сразу располагать к себе людей и громадным обаянием, он так очаровал начальника тюрьмы – добродушного и бесхарактерного старичка – что арестанты получили разные «ослабления» в прогулках, получении книг и газет, в пище, а главное – возможность ходить из камеры в камеру.

Ногин организовал несколько кружков, сам вел занятия: проводил беседы по древней истории, о понимании эстетики, о космографии и т. п. И сам занимался, читая книги по физике, по математике, упражняясь в английском языке, чем вызывал уважительное удивление у восемнадцатилетних арестантов, впервые попавших в тюрьму. Правда, после попытки побега всех арестантов развезли по разным тюрьмам. Ногина этапировали сначала в Воронежскую тюрьму, затем – в тюрьму небольшого городка (на 20 тыс. жителей) Ломжа в Белостокском воеводстве Польши на реке Нареве. Но за недостаточностью улик дело его было прекращено, а сам он выслан на Кольский полуостров в деревню Кузьмино, откуда через 8 дней после прибытия (10 августа 1905 г.) бежал...

В конце августа 1905 г. он появился в Женеве, повидался с Лениным и, получив новое задание, через два месяца (после октябрьской амнистии) вернулся в Петербург, стал членом Петербургского комитета РСДРП, работал во главе военной организации партии. Он добывал оружие, организовывал обучение боевых дружин, налаживал издание газеты для солдат и матросов «Казарма», затем ему поручили транспортировку оружия в помощь восставшей Москве. Но 1 октября 1905 г. Ногин в Москве снова арестован на неразрешенной властями конференции профсоюзов Центрально-промышленного района и после трехмесячной отсидки выслан с запрещением проживания в Москве и Московской губернии.

Когда новая волна революции одержала знаменательную по тем временам победу, вырвав Манифест 17 октября, правые, утверждавшие, что во всех «язвах» общества виноваты бюрократы, интеллигенция, евреи, отбросили всякие разговоры о реформах (они стали рассматриваться как слабость власти, уступки революционерам). Ускорилось образование правых политических партий. Появились «погромные» организации в лице черносотенного «Союза русского народа», который ставил своей задачей «уничтожить в родной стране всякую политическую партийность»³⁷. В 1905–1906 гг. по 36 губерниям европейской России прокатилась волна погромов рабочих-революционеров, демонстрантов, студентов, евреев.

В феврале 1906 г. Ногин прибыл в Баку.

«Появились мы в Баку, – вспоминал позднее один из участников этой группы, – маленькой, но тесной, сплоченной большевистской группой»³⁸. Познакомились с группой «стариков»: Н.М. Флеров, И.Э. Гуковский³⁹, Н.И. Соловьев⁴⁰, которые играли в Баку роль литературного центра, оказывая помощь бакинским большевикам в издании легальных газет, сборе средств и как легальное прикрытие нелегальной организации. Душой организации был Алеша Джапаридзе⁴¹. Но большевиков было мало.

Меньшевики же держались в основном в Городском районе, пользовались влиянием среди ремесленников, рабочих кустарных мастерских, имели связи и в Черном городе, и в Белом городе среди рабочих механического производства. В.А. Радус-Зенькович был направлен ответственным организатором на промыслы Биби-Эйбата, а «Макар» – на промыслы господина Нобеля в Балаханы. Там же на Нобелевских промыслах, в бане, Ногин организует подпольную типографию⁴². Работа среди трудящихся на промыслах была необычайно сложной: гнетущее впечатление производили «пожары», пылавшие во время межнациональных столкновений. Атмосфера была напряженной, особенно во взаимоотношениях армян и азербайджанцев. На механических заводах промыслов работали исключительно русские и армяне, а в буровых – исключительно азербайджанцы (местные и выходцы из Ирана). Рабочие жили в тяжелых условиях. А рабочие-азербайджанцы вдобавок испытывали гнет бурового мастера, муллы, многочисленных родичей хозяина.

Начали издавать легальные газеты на трех языках: «Призыв» на русском, «Коч-Девет» на армянском и азербайджанском. Вышло 6 номеров. Седьмой номер «Призыва» не вышел. Поводом к закрытию стала заметка с призывом к казакам не стрелять в рабочих. Вторая газета продержалась до 6 августа и была запрещена губернатором.

Учтя уроки страшного взрыва национальной вражды и резни в августе 1905 г., большевики боролись за создание единого производственного союза нефтепромысловых рабочих. Меньшевики же предлагали создать два союза. Борьба ожесточалась, споры на районных собраниях и митингах становились все острее. В конце концов в октябре 1906 г. на промыслах был создан общий союз, а меньшевики создали свой союз рабочих механического производства.

Летом 1906 г. началось массовое стачечное движение на промыслах. Нефтепромышленники тогда дрались между собой, деля 20-миллионную правительственную субсидию. О рабочих не думали. Забастовки на промыслах проходили попеременно. Этим пользовались хозяева, поддерживая друг друга и выполняя заказы один за другого. Летом большевики начали готовить общую стачку бакинского пролетариата. Но из-за сопротивления меньшевиков она не состоялась.

Помимо работы в газетах Ногин много выступал на митингах и собраниях. Его уже хорошо знали в лицо не только рабочие-промысловики, но и жандармы, тем более что количество их постоянно увеличивалось. После роспуска I Государственной думы в Баку было введено патрулирование, на промыслах дежурили постоянные посты полиции. Надзор стал жестче. Прислали части казаков-кубанцев. Спасаясь от ареста, Ногин был вынужден вернуться в Москву. По его собственным словам, в Москве он застал уже очень сильную организацию, окрепшую в революционных боях 1905 года. Он становится членом Московского комитета РСДРП, работает в Рогожском районе города вместе с Э.Э. Эссенем⁴³, Марией Эссен⁴⁴ («Зверь»), И.Ф. Дубровинским⁴⁵, М.Н. Покровским⁴⁶ и др. И это в то время, когда над участниками революции 1905 г. была учинена кровавая расправа. За три года – 1907–1909 гг. – только казненных было более 5 тыс. человек, десятки тысяч были в тюрьмах, ссылке, на поселении. Многие отходили от революционной работы, порывали с партией, отказывались от дальнейшей борьбы. Это было время появления первых приступов «ликвидаторства».

Среди части большевиков было распространено отрицательное отношение к профсоюзам. Считалось, что работать в профсоюзах могут лишь оппортунисты. Однако ситуация быстро менялась. Еще в августе-сентябре 1906 г. в Москве почти все профсоюзы были в руках меньшевиков, а в октябре 1906 г. Московский комитет партии большевиков решил направить своего организатора для работы в профсоюзах. Выбор пал на Ногина, в помощь ему дали еще несколько товарищей и постепенно «союз за союзом, – вспоминал Ногин, – переходил в наши руки»⁴⁷. «Очень скоро положение изменилось, что повлекло за собой пере-

мену в центральном Бюро профсоюзов. Центральное бюро существовало полулегально; его собрания происходили по большей части в квартире графини Бобринской. Долгое время председателем Центрального бюро был синдикалист Андрей Андреевич Евдокимов», потом был избран Ногин⁴⁸. Он стоял у истоков российского профсоюзного движения и был самым горячим сторонником работы партии в профсоюзах тогда, когда этот вопрос, по словам Г. Зиновьева⁴⁹, был еще спорным.

Вопрос об отношении к профсоюзам и другим беспартийным рабочим организациям, ставший особенно актуальным после поражения революции 1905 года, был поставлен в повестку дня V съезда РСДРП (май-июнь 1907 г.). Попытка обсудить этот вопрос на съезде не удалась, вопрос обсуждался лишь в комиссии съезда, где и выявились глубокие принципиальные разногласия среди делегатов. Меньшевики и бундовцы, считая, что революция закончилась и попытки оживить ее бесполезны, настаивали исключительно на легальной деятельности.

Съезд отверг их теорию нейтральности профсоюзов и принял решение усилить работу по созданию профсоюзов и социал-демократической пропаганде в них. Эту точку зрения активно отстаивал Ногин. Вскоре после съезда вышел сборник «Итоги Лондонского съезда» (СПб., 1907), где среди статей Ленина, Зиновьева, Лядова и других была и статья Виктора Ногина «О нейтральности и партийности профсоюзов». А через месяц на Третьей конференции РСДРП в г. Котка (Финляндия) вопрос о взаимоотношениях партии и профсоюзов обсуждался уже более детально. Доклады делали Гриневич и Ногин. Первый был за нейтральное отношение к профсоюзам, относясь к ним как к оппортунистам. Его точку зрения разделяли отчасти Ломов, Лядов, Шанцер, Вольский, Станиславский и др. Аргументация Ногина убедила многих большевиков, и эта конференция явилась поворотным пунктом в плане изменения точки зрения большевиков на профсоюзы. Ленин, до этого скептически относившийся к профсоюзам, в чем позднее сам признавался⁵⁰, теперь говорил о необходимости «тесной связи партии с профсоюзами и необходимости участия (и участия наиболее энергичного) в профессиональном и кооперативном рабочем движении»⁵¹.

На V съезде партии Ногин был избран членом Центрального комитета, а на январском 1910 г. Пленуме ЦК в Париже – членом Русского бюро ЦК РСДРП (б).

1 октября 1907 г. Ногин снова был арестован на конференции профсоюзов, а через три месяца заключения выслан из Москвы. Он переехал в Петербург, в апреле 1908 г. нелегально вернулся в Москву и участвовал в Первом Всероссийском кооперативном съезде. Здесь 17 августа 1908 г. на квартире Ольги Ермаковой он и был задержан. Ольга Павловна Ермакова – верный друг, соратник, а позднее – жена Виктора Павловича, впервые была арестована еще в гимназические годы, а с 1906 г. уже состояла в рядах РСДРП.

После четырех месяцев тюрьмы Ногин был приговорен к ссылке на 4 года в Тобольскую губернию. Через неделю после прибытия на место ссылки в Березовский уезд в январе 1909 г. он снова бежал, но через месяц 14 февраля был задержан на станции Белоостров с заграничным паспортом на имя дворянина Георгия Петрова-Федотова, возвращен в то же село Березовского уезда, откуда через 4 дня снова сумел скрыться. Больше чем на год он исчез из поля зрения охраны.

Зиму 1909/10 г. он работал в России как член ЦК партии, ездил в Париж, принимал участие в Пленуме ЦК партии, восстанавливал в Москве Русское бюро ЦК.

Организовать Русское бюро ЦК и поддерживать связи с местными партийными организациями – это стало его главной задачей.

С середины января 1910 г. в Париже происходили пленарные заседания ЦК РСДРП, на которых было принято решение о реорганизации Русского бюро ЦК, состав которого был определен в 7 человек (два большевика, два меньшевика, по одному представителю от Бунда, латышской и польской социал-демократии). Однако определенный в Париже персональный состав семерки по ряду причин собрать не удалось. Вернувшись в конце января 1910 г. в Москву, «Макар» собрал совещание представителей большевистских ячеек профсоюзов, рассказал о Пленуме⁵². Было решено предложить ЦК утвердить список «пятерки» – Русской части ЦК.

Федор Раскольников⁵³ писал: «Третьим был намечен Коба (Сталин). Было решено, что Виктор Павлович съездит

в Баку, где он работал в 1906 г. для переговоров с Кобой. В начале апреля В.П. вернулся из Баку весьма удрученный». Дело в том, что появились слухи, что Коба – провокатор. Ногин решил, пишет Раскольников, «что если и включать Сталина в состав Русского бюро ЦК, то только по исчерпанию всей склоки»⁵⁴. Ногин придавал большое значение нравственным качествам людей, вовлекаемых в организацию. Он хорошо помнил, как в одном документе, распространенном тогда среди социал-демократов, говорилось: «Ни под каким видом не следует допускать к работе людей бесчестных в домашней жизни, ворующих или эксплуатирующих других: подобные люди, руководствуясь в жизни исключительно личным интересом, не могут быть преданы делу»⁵⁵.

Большевики прилагали все усилия для пополнения состава ЦК, подбирали агентов, устраивали объезды местных организаций, совещания с агентами и кандидатами на кооптацию. Но 13 мая 1910 г. Ногин был снова арестован под именем прапорщика Петра Дмитриевича Шидловского. Это произошло после свидания с Романом Малиновским на явочной квартире, после которого Ногин оказался в охранке в смежной камере с Малиновским. Малиновский спросил в форточку фамилию соседа. На ответ: «Ногин», Малиновский неожиданно стал громко кричать: «Я Вас знаю, я встречался с Вами в Петербурге, интересуюсь вопросами страхования!». Возмущенный пренебрежением всеми правилами поведения в тюрьме со стороны соседа, Ногин ответил, что никакого Малиновского он не знает. В результате Малиновский был вскоре освобожден, а Ногин отправлен в очередную ссылку⁵⁶.

И вот снова долгая дорога в Тобольскую губернию, пароходом через Казань и Пермь, через «пересылки». Предоставим же, наконец, слово самому Виктору Ногину.

В феврале ему исполнилось 32 года. Как там говорилось в циркуляре Департамента полиции от 20 февраля 1910 г. за № 106547? «Высокий, стройный, среднего сложения... выющиеся волосы, лицо розовое с веснушками, усы густые, бороду бреет, ходит на русского, хорошо говорит по-русски, интеллигент, одет хорошо...»⁵⁷.

При каждой возможности он отправлял письма Ольге Ермаковой⁵⁸.

15 июня 1910 г. на Камском пароходе:

Меня неожиданно отправили из Москвы... Многочисленную категорию административно ссыльных как вымело. Везут главным образом мелких уголовников. Конвой стал грубее и хуже, чем раньше. Мысль о нашей будущей жизни занимает меня...

27 июня. Тюмень:

По приезде на место я думаю самым серьезным образом засесть за книги... Сколько у меня пробелов и как много надо наверстывать!... Что в Москве? Ни одного известия не получил.

2 июля. Тюмень:

После нашего ареста, когда каждый день приносил все новые и новые сюрпризы, мое состояние было, конечно, не легким: слишком многое разбивалось и калечилось... Думая о своей личной жизни и наших отношениях, правда, я был спокоен, т.к. уверенность в тебе у меня была сильная... Больше всего я люблю в тебе чело века, то же преобладает и в твоём чувстве ко мне и поэтому такая разлука, как наша, не сможет сломить нас...

5 июля. Тюмень:

Когда я смотрю вперед, то, хотя и вижу целый ряд новых очень тяжелых переживаний, мне будущее кажется достойным жизни и искупающим все невзгоды...

Видимо, отвечая на вопрос, что прислать из книг, он пишет:

...руководствуйся лишь следующим: я с большим интересом прочитаю какое-нибудь солидное, капитальное сочинение... – будет ли оно по общественным вопросам или по естественным наукам, чем какую-нибудь злободневную новинку, поверхностно трактующую вопрос. Вот, напр., Аррениус (речь идет о книге «Образование миров» – Т. К.) не удовлетворил меня отчасти потому, что книга его рассчитана на широкую публику и в ней много элементарного.

13 июля. Тюмень:

Сейчас объявили, что меня назначают в Туринский уезд. Очень обрадовало меня... Пешком придется идти всего 8 дней...

23 июля. Туринск:

Ну, вот я и «на свободе»: вчера мы прибыли сюда и вчера же меня освободили... Исправник мне заявил, что никуда из города он не может меня отпустить, так как за мной должен быть «чрезвычайный» надзор. Я попросил его объяснить мне, чем такой надзор будет отличаться от обыкновенного, но он отмолчался. В деревнях иногда совсем нет ни стражников, ни урядников, ни прочего начальства, а для меня, вследствие моей болезненной склонности к побегам, близкое соседство с начальством считается необходимым...

Тогда Туринск представлял собой нечто среднее между уездным городком и большой деревней, где проживало около 5 тыс. жителей, было 6 или 8 церквей, несколько каменных домов, клуб и городской сад. И в конце письма просьба: *книг и писем пока не присылай...*

И последнее письмо из Туринска 27 июля. Напомнив один разговор перед арестом, он, несколько туманно для постороннего (а на всех письмах – штамп «просмотрено». – Т. К.), но, вероятно, вполне ясно для адресата, пишет: «Думается мне, что ты не будешь на меня сердиться, если я на практике разрешу его именно так, как тогда говорил...»⁵⁹.

2 августа 1910 г. Ногин из Туринска исчез, чтобы через некоторое время объявиться в Туле. Поселился на Стародворянской улице в доме Расторгуевой как учитель английского языка Атясов⁶⁰. Здесь он, хотя и недолго, но жил непривычной для себя «двойной» жизнью, скорее – здесь было три жизни. И трудно определить, какая была главнее. Во всяком случае, если судить по его письмам к Ольге Ермаковой, так называемая личная жизнь занимала его как никогда серьезно и глубоко. Тем более что здесь в Туле произошло знаменательное для обоих событие: в конце ноября 1910 г. они поженились. В этих письмах – и нежность, и страдание, размышления о времени и о себе, боль за близких и жажда конкретной и полезной работы, отчаяние и нетерпение от все отодвигающихся целей⁶¹.

5 сентября 1910 г. Тула:

Помня твои советы, вчера и сегодня пытался «забрать себя в руки», но хотя Маркс пишет увлекательно, прочитал очень немного... Тот факт, что сейчас в России происходит перестройка отношений общественных групп и подгруппок, сказался и на нас с тобой и на наших знакомых. И, главное, как хочется ж и т ь всеми сторонами жизни вместе и не разлучаться с тобою.

21 сентября.

Свидание наше все откладывается. Очень прошу тебя обратить внимание на то, что трудно быть уверенным, что ближайшее будущее даст нам возможность видеться при лучших условиях, чем теперь... Нет у меня жизни без тебя... Буду любоваться звездами и мысленно целовать твои глазки.

И в конце письма, как бы между прочим:

...хозяйева знают, что ко мне может приехать моя невеста...

27 сентября.

Хотя у меня очень большая привычка к одиночеству, но очевидно ее одной недостаточно, чтобы хорошо себя чувствовать, особенно когда долго нет известий...

30 сентября.

Ты пишешь, что для медицины отреклась от в с е - г о: как это нужно понять? До сих пор я несколько иначе представлял себе твою жизнь взятую целиком, а ведь всегда при оценке даже отдельных моментов жизни надо исходить из общего взгляда на жизнь... Взявши же твоё прошлое до самого последнего времени, его нельзя назвать неинтересным, а логически вытекающее из него будущее в свою очередь также стоит того...

9 октября, вечером. Это письмо написано после их встречи.

Слишком очевидна нелепость нашего положения... Все время думаю о тебе... То, что я пережил в эти 3 ½ дня дало мне так много...

15 ноября.

Я с тобой не могу согласиться, что ты терпеливее меня. Мне кажется об этом можно очень и очень поспорить. Все мое прошлое, кажется, наоборот приучило меня к слишком большому терпению. Когда я стараюсь найти в литературе что-нибудь подходящее, то первое, что мне приходит в голову, это терпение Якова, так долго ждавшего Ревеку. Но зато у него условия были лучше – они были вместе, а главное могли быть уверенными, что по окончании срока их никто не разлучит. Вся моя беда в том, что я не могу забыть наши специфически русские условия и вовсе не тороплю жизнь, а наоборот дорожу ею... Приезжай только в том случае, если у тебя самой есть сильное желание видеть меня...

21 ноября.

Купи мне Русско-английский словарь Александрова. Приезжай моя голубушка, моя красавица...

3 декабря.

Здравствуй, моя милая, хорошая, дорогая моя, моя Олечка. Опять передо мною старое разбитое корыто: уплыла моя золотая рыбка... Ты моя близкая, ты моя родная, ты моя радость и жизнь...

14 декабря.

Я понял, что ты не заедешь ко мне... (Ольга Павловна уехала в Саратов. – Т. К.). Мне просто жутко – конкретно себе представить этот срок... Я хочу, чтобы впереди у тебя была ясная, привлекающая тебя цель, которая давала бы тебе бодрость и силу... Твоя жизнь началась, ты вышла на дорогу, а в тебе заложено слишком много сил, чтобы тебе помешали идти дикие препятствия, которые ломают слабых. Больше верь в себя...

Письма, и его, и ее, часто пропадали, видимо, при «просмотре».

21 декабря.

Когда же, когда у нас будут другие порядки... Я надеялся, что общими силами мы сделаем жизнь нашу красивой, такой, для которой стоит жить... Но отнюдь я не хотел,

чтобы кто-нибудь из нас принужден был отказаться от своего «я»... Ведь я люблю тебя не только такую, какая ты есть сейчас, но и такую, какой ты была до встречи со мной и такую, какую ты будешь в старости...

Была еще и другая жизнь – преподавателя английского языка, бегавшего давать уроки.

И была третья, главная жизнь. Ведь дело с формированием Русского бюро ЦК РСДРП(б) было не завершено, о чем, кстати, был осведомлен и Департамент полиции. 4 июля 1910 г. Департамент полиции циркулярно сообщал всем отделениям, что Заграничное бюро ЦК РСДРП должно собраться через 3 недели, когда получит от «Макара», уже арестованного, сведения «о результатах его поисков» подходящих кандидатур для Русского бюро, а заодно сообщались и сведения о составе ЦК РСДРП и кто из перечисленных уже арестован⁶².

В Туле Ногин вместе с Линдовым представляли ЦК партии. Ногин встречался с Ф. Раскольниковым, часто ездил в Москву. Начали готовиться к выборам в Государственную думу, составили Центральное избирательное бюро, которое несколько раз собиралось на квартире доктора Обуха. Слежки пока не замечали. Малиновский несколько раз спрашивал, думают ли они выступить на выборах. Они отговаривались отсутствием указаний от ЦК. А в действительности Ногин уже обговорил со всеми и состав Избирательной комиссии, и кандидатуру Скворцова-Степанова⁶³ в Думу. В январе 1911 г. Малиновский и Поляков⁶⁴ ездили к Ногину в Тулу. И после их возвращения москвичи сразу заметили за собой слежку. У них не было оснований, как писал позднее Л. Германов, чтобы лишить Малиновского политического доверия, но в том, что «кто-то из парочки не чист», сомнений не было. Как выяснилось впоследствии – оба были провокаторами.

Это были очень тяжелые годы для подпольщиков. Как никогда активизировалась деятельность царской охранки. За 1907–1910 гг. только московские городской и окружной комитеты партии подвергались разгрому одиннадцать раз. Петербургский комитет полностью ликвидировался полицией шесть раз. В конце 1908 г. Московская партийная организация выработала новый устав с целью создать луч-

ше законспирированные и более подвижные руководящие центры. При формировании партийных комитетов вводился принцип кооптации для быстрейшего восстановления разрушенных организаций, место арестованных занимали новые руководители.

Весной 1910 г. почти одновременно с Ногиним после двух встреч с Малиновским был арестован «Иннокентий» (И. Дубровинский) и Ф. Раскольников (под именем Рубина) на квартире М.И. Ульяновой. Учитывая все это, Раскольников и Ногин решили отстранить Малиновского от работы. Встречи с ним убедили их, что он «неустойчив, самомнение и честолюбие – непомерны», как писал Раскольников. Позднее, в августе 1912 г., Ногин и Раскольников встретились в Красноярской пересыльной тюрьме. «Мы оба, – вспоминал Раскольников, – были уверены, что Малиновский – провокатор, и предупредили об этом кого могли»⁶⁵.

А в это время Ленин из Парижа пишет в Берлин Рыкову: «Единственное спасение во что бы то ни стало вызволить за границу Макара, Линдова, Любича (и, если можно, Вадима)...»⁶⁶. Решался вопрос о восстановлении ЦК. Собирать ЦК в России, считал Ленин, – это заранее обрекать дело на провал. На совещании ЦК еще в июне Ленин говорил, что из тюрем товарищи пишут, «что жандармы на протяжении ряда месяцев систематически за ними следили и были осведомлены обо всех их шагах, а равно, что провокация в связи с подготовкой созыва ЦК в России – несомненна»⁶⁷. Ногин тоже считал, что надо перенести заседание ЦК за границу, но это предложение встретило протест со стороны Линдова и Юдина. 17 февраля 1911 г. Ленин в письме А.И. Рыкову настаивает: «Надо послать к Самоварам Михаила Мироныча..., уломать их назначить за границей и выезжать. Неразумно, нелепо, дико рисковать провалом»⁶⁸.

«Самовары» – это Ногин и Г.Д. Лейтейзен⁶⁹, «Михаил Мироныч» – М.Н. Лядов.

Действительно, в начале 1911 г. были арестованы Скворцов-Степанов, доктор Каннель, 28 февраля прямо на улице арестован Германов (Фрумкин), 25 марта в Туле – Ногин, Смидович, Лейтейзен и другие. Скворцов-Степанов угодил в Астраханскую губернию, Германов – в ссылку в Енисейскую губернию, Ногин – в Верхоянск, а Малиновский попал в лидеры рабочей фракции IV Государственной думы.

Конечно, нелегальная партия российского пролетариата опиралась на строжайшую конспирацию. Но и охранные органы самодержавия использовали разнообразные и богатые способы борьбы со своим врагом. Еще в начале 1902 г. на совещании высших чинов охранки под председательством директора Департамента полиции С.Э. Зволянского было определено, что основным и главным противником своим следует считать социал-демократическое движение, возглавляемое «Искрой». Если в период становления социал-демократические организации в России базировались на личных связях единомышленников, хорошо знавших друг друга, что в какой-то мере обеспечивало надежность, охраняло от провалов и, конечно, ограничивало возможности внедрения полицейской агентуры в «искровские» круги, то по мере того, как движение расширялось и в него вовлекались новые силы, увеличивалась и возможность проникновения в них провокаторов, лиц случайных, непригодных для подпольной работы.

Активность органов политической полиции в борьбе с революционным движением с каждым годом нарастала. Многочисленные аресты рядовых партийцев и революционеров-профессионалов, провалы целых комитетов, подпольных типографий и т. п. свидетельствовали не только и не просто об агрессивности политической полиции России, но и об умении ее приспособливать свой аппарат к меняющимся условиям, изобретать новые формы и методы борьбы, не брезгуя ничем. Да и денег не жалели. Как стало известно после революции, из 10-миллионного фонда на затраты, «не подлежащие оглашению», 3,5 млн ежегодно приходилось на Министерство внутренних дел и шло в основном на содержание секретной агентуры. Оклады наиболее крупных провокаторов составляли 200–700 руб. в месяц, тогда как жалованье губернатора составляло 500 руб., а рабочего – в среднем 20 руб. 50 коп. (на 1908 г.)⁷⁰.

Особый вопрос – проблема провокаторства. В 1920-х годах сотрудники государственных архивов систематизировали сведения о провокаторах в именных картотеках и подсчитали их общее число: до 10 тыс. чел.⁷¹ О большом количестве секретных агентов, проникавших в ряды большевистской партии, говорится и в воспоминаниях старых большевиков, опубликованных в 1920–1930-е гг.⁷² Оберегая свою револю-

ционную честь, большевики вели борьбу с провокаторами, многие из них были изолированы от партии. В изобличении заграничной агентуры Департамента полиции, а в 1900–1917 гг. она насчитывала в общей сложности 100 чел., большевикам оказывали содействие В.Л. Бурцев⁷³ и Л.П. Меньшиков. Знали об этом и в Департаменте. В «агентурной записке» Московской охранки специально подчеркивалось, что на январской конференции РСДРП 1912 г. (Парижской) Ленину было поручено сформировать новую «провокационную» комиссию из трех лиц, на рассмотрение которой уже поступило заявление «Макара» с обвинением в провокационной деятельности «одного из членов ЦК бундистов»⁷⁴.

Неоднократно провалы Ногина были подготовлены провокаторами Р. Малиновским⁷⁵, Л. Бельским⁷⁶, А. Серебряковой, Ю. Серовой⁷⁷ и др. Последняя провалила несколько составов партийных комитетов, выдала полиции членов Русского бюро Дубровинского (ноябрь 1908 г.) и Ногина (февраль 1909 г.), а всего выдала полиции более 120 человек.

Последний раз Ногин был арестован 25 марта 1911 г. в Туле вместе с женой. От бесконечных побегов устал и Ногин, и жандармы. На этот раз его решено было упрятать понадежнее. Ольгу Павловну выслали под гласный надзор полиции в Саратов, а Виктора Павловича – в Якутию.

1 августа 1911 г. начальник Тульского губернского жандармского управления в своем донесении писал о Ногине: он «принадлежит к “верхам” РСДР партии и является одним из наиболее доверенных и авторитетных представителей Заграничного партийного центра»⁷⁸. Отсидев четыре месяца в Тульской тюрьме, Ногин был отправлен этапным порядком в Иркутскую губернию на четыре года. Якутский губернатор 12 июня 1912 г. на «открытом листе» Ногина написал: «Виктора Павловича Ногина назначаю на жительство в с. Абый Верхоянского округа»⁷⁹, а Верхоянскому окружному исправнику было указано «учредить за ним самый бдительный и строгий надзор, ввиду могущих быть с его стороны попыток к побегу»⁸⁰.

Долгих три года длилась эта ссылка. Ногин сам рассказывал о ней подробно позднее, написав в 1915–1916 гг. книгу «На полюсе холода»⁸¹.

В то время Верхоянск, хотя и назывался городом, но количество населения в нем колебалось от 300 до 1000 че-

людей. Было около 50 деревянных якутских юрт и всего 6 домов русского типа с печками. Письма сюда шли от 60 до 100 дней, а посылки – год-полтора. Добирался он от Якутска до Верхоянска ровно месяц. И первые впечатления были ошеломляющими. Из мира железных дорог, трамваев и аэропланов он чувствовал себя отброшенным в глубокое прошлое, где люди не знали колеса (в городе – ни одной телеги, и ехал он верхом), где местное население не знало картофеля, где отрезанность от мира, отрешенность была почти абсолютной. «Если вообще можно сомневаться в своем существовании, – пишет он в книге, – то Верхоянск самое подходящее для этого место»⁸². «Всякий, сидевший в тюрьме, – писал Ногин, – знает, что тюрьма вырабатывает привычку ждать с большим терпением, чем это считается нормальным..., для Верхоянска моих запасов было недостаточно»⁸³. А могилы политссыльных-самоубийц вокруг говорили ему, что эти условия могут и убить. И бежать отсюда было невозможно. «Надо было признавать жизнью то, что казалось отрицанием ее»⁸⁴.

Но он выдержал и это испытание. Потом стали приходиться вести из России, в том числе о подъеме рабочего движения. Он нашел себе и занятие, и работу за кусок хлеба.

С этапа и потом из Верхоянска (исправник согласился не отправлять его в Абый – урочище далеко за Полярным кругом, более чем на 800 км севернее Верхоянска, где было всего три юрты и церковь) он писал жене спокойные и нежные, сдержанные и обстоятельные письма.

19 июля 1912 г.

Здравствуй, моя милая, дорогая, хорошая Олечка! Наконец-то я могу сесть и начать писать тебе: ведь вот уже неделя, как я приехал сюда... Более утомительной дороги, чем до Верхоянска, трудно себе представить, с ней поспорить может, должно быть, только дорога на Колымск, которая еще хуже. Третьего дня вечером наконец перебрался в нанятую юрту, а теперь уже вполне обзавелся всеми необходимыми вещами: купил мяса, хлеба, круп, дров, ведро, топор и проч. 15-го пришла... почта, и я, к великой своей радости, наконец получил твои письма, а 17-го получил и Владину карточку... Чем больше я смотрю на карточку, тем больше мне нравится Владя...⁸⁵

14 августа.

...Я, между прочим, занимаюсь еще и помимо урока английским. Хочу пополнить свои знания...

(Не пройдет и 10 лет, как английский язык ему очень и очень понадобится.)

24 августа.

Начал читать о забастовке углекопов в Германии. Как хочется знать подробнее о подобных событиях. Я сравниваю то, что было лет 10–12 тому назад, с тем, что происходит теперь, и прямо поражаюсь тем гигантским расширениям размаха рабочего движения, который так ярко проявляется за последнее время.

1 мая 1913 г.

Сегодня первое мая по новому стилю. Большое значение я придаю этому дню, много у меня с ним связано мыслей, и мне так хотелось его чем-нибудь отметить... Как-то прошел этот день в культурных местах (включая и Россию)...?

8 января 1914 г. окончился срок ссылки, и 8 июня с первым пароходом Ногин выехал из Якутска.

Началась Первая мировая война. В армию его не призвали: столь опасный для империи государственный преступник по распоряжению Николая II был лишен всех прав, и в том числе – на военную службу⁸⁶.

Он уезжает в Саратов. Там летом 1915 г. поступает работать контролером в Саратовскую городскую управу. Как член Саратовской группы большевиков участвует в издании «Наша газета». Летом 1916 г. снова переезжает в Москву, поступает на службу во Всероссийский союз городов в отдел беженцев в бюро труда и занимается восстановлением подпольных партийных организаций. Когда отдел разогнали, с 9 августа 1916 г. по 1 февраля 1917 г. он служит секретарем неторгового отдела Общества потребителей «Кооперация»⁸⁷, где под видом «культурно-просветительной работы» втягивает рабочих в кружки и подпольные организации. Это была работа для хлеба насущного, а главное содержание его деятельности было в другом.

Еще в Саратове сложилась группа, в которую входили В.П. Ногин, М.С. Ольминский⁸⁸, Г.И. Ломов⁸⁹, В.П. Милютин⁹⁰ и др. Помимо газеты они выпустили сборник «Под старым знаменем». Перебравшись в Москву, группа пополнилась: к ней присоединились В.А. Обух, М.И. Ульянова⁹¹, В.Н. Яковлева⁹², А.А. Сольц и др. Поскольку все они были слишком хорошо известны полиции и не могли работать непосредственно среди рабочих, на заводах, они писали листовки, выступали на нелегальных собраниях.

В феврале 1917 г. Ногин – один из инициаторов создания Московского совета рабочих депутатов. Он был избран членом Президиума, затем товарищем председателя, а с 17 сентября 1917 г. – Председателем Московского совета рабочих депутатов⁹³. Он участвует в Апрельской конференции партии, на которой избирается членом ЦК партии.

Как-то, вспоминая прошлое, Виктор Павлович подсчитал количество тюрем в России, известных ему так сказать по личному сидению в них. Их оказалось 50...

Ногин прошел все ступени партийной и революционной работы. Он был и ее организатором, и пропагандистом, и агентом, и литератором, неоднократно избирался членом ЦК партии.

Однако старая Россия уходила в прошлое. Наступали иные времена, и то, о чем мечтали большевики, во имя чего они отдавали свои жизни, уже стучалось в двери...

Выбор пути

Период между Февралем и Октябрем 1917 г. был, пожалуй, самым бурным, насыщенным событиями столь разноплановыми, что если попытаться подобрать ключевое слово к ним, то самым верным будет – споры. Наверное, никогда так много не спорили внутри партий, партии друг с другом, все вместе – с Временным правительством и т. п. О чем? Об оценке характера происходивших событий, а главное, конечно, – о выборе пути, о будущем. Но сначала вспомним основные вехи, так сказать, хронику событий.

Продолжавшаяся война обострила все противоречия в стране. Неудачи на фронте продолжались, хозяйственная разруха разрасталась. Нехватка продовольствия и топлива в городах достигла угрожающих размеров. Заводы, не имея сырья, закрывались, росла безработица.

За январь-февраль 1917 г. в стране произошло 1330 стачек, со второй половины февраля в Петрограде начались непрерывные стачки. Жестокие меры против бастующих переполнили чашу народного терпения.

28 февраля Петроград был полностью в руках восставших, на сторону революции перешли более 66 тыс. солдат. А в это время в Москве вечером 27 февраля 1917 г. еще нелегально состоялось заседание работников Московского областного бюро и Московского городского комитетов РСДРП. Вместе со старшими товарищами по подполью М.С. Ольминским, П.Г. Смидовичем, И.И. Скворцовым-Степановым, В.А. Обухом, Р.С. Землячкой⁹⁴ активное участие в нем принял и Ногин. Был оперативно составлен текст прокламации, намечены практические действия в поддержку петроградского пролетариата.

Утром 28 февраля листовки с текстом прокламации московских большевиков были расклеены по городу,

распространялись в рабочих кварталах. Повсюду шли митинги, и В.П. Ногин был на них одним из наиболее популярных ораторов.

2 марта Николай II отрекся от престола в пользу брата Михаила, который 3 марта также отрекся от престола.

2 марта было сформировано буржуазное Временное правительство, во главе которого стояли крупнейший землевладелец князь Львов⁹⁵ и лидеры буржуазии Милюков⁹⁶ и Гучков⁹⁷. Так сложилось двоевластие: Временного правительства и демократических Советов.

В марте хозяева закрыли 74 предприятия, в июле – свыше 200, обрекая рабочих на голод и нищету, к октябрю было остановлено около 800 заводов и фабрик.

7 апреля в «Правде» публикуется статья Ленина «О задачах пролетариата в данной революции», содержащая Апрельские тезисы.

20 апреля была опубликована нота министра иностранных дел Временного правительства Милюкова в адрес союзников о готовности продолжать войну до победного конца. В ответ перед Мариинским дворцом (резиденцией Временного правительства) бушевал многотысячный митинг под лозунгами «Долой Милюкова», «Долой войну» и рядом – лозунги кадетской партии «Да здравствует Временное правительство!», «Доверие Милюкову!». Командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов направляет на Дворцовую площадь артиллерию и приказывает открыть огонь.

5 мая образовано Первое коалиционное Временное правительство, в состав которого вошли меньшевики, эсеры, кадеты, октябристы, все – кроме большевиков⁹⁸. Заменявший Гучкова военный министр Керенский начал готовить наступление на фронте, а министр земледелия эсер Чернов начал борьбу с захватом помещичьих земель крестьянами. Были посланы многочисленные карательные экспедиции против крестьян, против голодных выступлений горожан и непокорных Советов.

2 июня в Петрограде открылся I Всероссийский съезд Советов. Из 1090 делегатов было 105 большевиков. Съезд отверг предложение о передаче власти Советам, решил продолжать войну.

18 июня началось наступление на фронте. Оно потерпело неудачу: за 18 дней боев войска потеряли 60 тыс. человек.

3 июля в Петрограде начались стихийные демонстрации солдат отдельных полков, рабочих на заводах под лозунгами «Вся власть Советам», в которых участвовало до полумиллиона человек. Вечером 4 июля отряды юнкеров и казаков открыли огонь. Временное правительство вызвало войска с фронта, начало разоружать солдат гарнизона, отбирать оружие у рабочих. Были арестованы многие большевики, разгромлена редакция газеты «Правда». 7 июля издан приказ об аресте Ленина.

24 июля было сформировано Второе коалиционное правительство. Министром-председателем и Военно-морским министром стал Керенский. Верховный главнокомандующий Корнилов издал приказ о запрещении митингов в армии, начали свирепствовать военно-полевые суды.

26 июля открылся VI съезд РСДРП(б).

12 августа в Москве открылось Государственное совещание – генеральный смотр сил контрреволюции.

13 августа в Москву прибыл Корнилов. Он предъявил Временному правительству и Керенскому ультиматум об отставке и немедленной передаче ему всей власти.

25 августа Корнилов двинул армию на Петроград. Керенский поспешил отмежеваться от Корнилова.

Рабочие и солдаты начали создавать свою Красную гвардию. Общая численность отрядов Красной гвардии, революционных солдат Петрограда и гарнизона и матросов Балтийского флота достигла 60 тыс. человек. Рабочих Петрограда поддерживали железнодорожники, рабочие Москвы, Урала, Донбасса, Белоруссии.

31 августа Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов высказывался за поддержку большевиков. 5 сентября большевики завоевали большинство в Московском совете.

Росла разруха, голод. Зарплата упала до 40% довоенной, росли цены. В крупных городах страны давали по 200 грамм хлеба в день. Чрезмерный выпуск бумажных денег (а за 8 месяцев 1917 г. их было «напечатано» 9,5 млрд руб.) вызвал их обесценивание. Государственный долг России к октябрю 1917 г. достиг 50 млрд руб. За сентябрь-октябрь 1917 г. бастовало более 1 млн человек.

25 сентября Керенский сформировал третий, и как оказалось – последний, состав коалиционного Временного прави-

тельства. Для борьбы с нарастающей революцией предполагалось вывести из Петрограда гарнизон и сдать город немцам.

Начался распад «соглашательских» партий: у эсеров образовалось «левое» крыло, меньшевиков изгоняли из Советов и солдатских комитетов. К осени положение достигло трагической отметки.

Кризис назрел.

За восемь месяцев от февраля до октября у власти побывали представители практически всех политических партий России, кроме большевиков. Но ни одна не сумела удержаться у власти. Почему? Почему в октябре 1917 г. большевики не только пришли к власти, но и сумели удержать ее в самых критических ситуациях? Ответ, видимо, в том, что ни одна политическая партия не смогла опереться на поддержку населения, все они стремились удержать, остановить народную стихию, преградить ей путь. И только большевики сумели двинуться с этой волной, вместе с массами, уловить и осмыслить требования народа, сделать из них практические выводы.

В самом деле: все составы Временного правительства отличались, как сказали бы сегодня, высоким интеллектуальным рейтингом. На 37 человек, входивших в правительство со 2 марта по 25 октября, приходилось 7 инженеров, 6 юристов, 5 экономистов, 3 врача, 3 историка; пять человек имели звание профессора, один – академика. Средний возраст министров – 45,5 лет. Это был цвет России. Как они распорядились властью? Из пяти важнейших проблем – войны и мира, аграрной, национальной, государственного устройства, экономической – не решили ни одной.

Как оценивали современники все это? Правая печать и торгово-промышленные круги обвиняли рабочий класс в непомерных претензиях. Левые и умеренные круги обвиняли буржуазию в стремлении к наживе на войне путем взвинчивания цен, припрятывания товаров т.п. Осенью 1917 г. газеты запестрели сообщениями о голоде в ряде губерний – Калужской, Рязанской, Саратовской, Симбирской и т.д. И рядом с этими сообщениями печатали объявления о том, что господин такой-то высказал желание приобрести доходный дом с доплатой до 500 тыс. руб.

«После 3-го марта и до Учредительного собрания всякая верховная власть носила признаки самозванства, и никакая власть не могла бы удовлетворить все классы населе-

ния, ввиду непримиримости их интересов и неумеренности их вожделений», – писал позднее А.И. Деникин.

«Россия того периода, – продолжает он, – представляется мне ветхим, старым домом, требовавшим капитальной перестройки. За отсутствием средств... зодчие начали вынимать подгнившие балки, причем часть их вовсе не заменили, другую подменили легкими, временными подпорками, а третью надтачали свежими бревнами без скреп... Причинами такого строительства были: первое – отсутствие целостного и стройного плана у русских политических партий, вся энергия, напряжение мысли и воли которых были направлены главным образом к разрушению существовавшего ранее строя... Второе – отсутствие у новых правящих классов самых элементарных технических знаний в деле управления как результат систематического, веками отстранения их от этих функций... Революцию ждали, ее готовили, но к ней не подготовился никто, ни одна из политических группировок»⁹⁹.

Во всех этих быстротекущих событиях нелегко было разобраться не только рядовому обывателю, но и искушенному в политической борьбе человеку.

Февральская революция, которая смела самодержавие и привела к установлению двоевластия, потребовала от всех политических партий, в том числе и от большевиков, разработать стратегию и тактику в новых условиях на основе анализа новой политической ситуации и прогноза ее развития. Решение этой задачи ложилось, прежде всего, на плечи теоретиков и лидеров партии. 7 апреля в «Правде» были опубликованы тезисы Ленина, получившие название апрельских, по которым было решено объявить общепартийную дискуссию. Она продолжалась в течение нескольких недель на страницах партийной печати, на партийных собраниях. В Апрельских тезисах Лениным был сделан вывод: буржуазно-демократическая революция в России закончена, так как вопрос о власти решен. Она перешла от помещиков к буржуазии. Мелкобуржуазная демократия перешла на сторону буржуазии, увлекая за собой часть рабочих на путь соглашательства. Но борьба будет продолжаться, так как Временное правительство не дало народу того, за что он боролся: выход из войны, решение вопроса о земле, улучшение материального положения трудящихся, гарантии политических свобод.

Революция будет развиваться до тех пор, пока власть не перейдет к классу, который обеспечит их решение. Таким классом, по мнению Ленина, мог быть только пролетариат. Крестьянство либо разорвет союз с буржуазией и возьмет в свои руки землю и власть, либо продолжит сделку с буржуазией, поддавшись влиянию эсеров. Предвидеть, на чью сторону встанет мелкая буржуазия, было невозможно. Поэтому в качестве стратегической задачи Ленин выдвигал курс на социалистическую революцию. Но так как в условиях двоевластия существовала возможность мирного развития революции, Ленин считал, что оно может осуществиться под лозунгом «Вся власть Советам!».

Этот курс произвел ошеломляющее впечатление на партию. Ленин писал: «И тезисы, и доклад мой вызвали разногласия в среде самих большевиков и самой редакции “Правды”»¹⁰⁰.

Выводы Ленина, изложенные в Апрельских тезисах, провозглашали необходимость восстания и социалистической революции, хотя Ленин лишь вскользь затрагивал вопрос о сроках. Они повергли многих большевиков в состояние замешательства. Неуверенность, молчаливое принятие парламентской демократии, буквальное прочтение теории Маркса, который утверждал, что в России не созрели условия для пролетарской революции, были причиной того, что многие в партии без энтузиазма отнеслись к ленинскому призыву к восстанию. Их сопротивление включало как публичную оппозицию (Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин), так и широко распространенные колебания верхушки партии, страшившейся борьбы за власть.

Основным оппонентом Ленина на Апрельской конференции был Каменев. Его доводы сводились к следующему: буржуазно-демократическая революция в России не завершена, возможности буржуазной демократии еще не исчерпаны, Временное правительство все-таки борется против старого режима, поэтому его надо контролировать, оказывать на него давление, постановка задач социалистической революции пока преждевременна. А.И. Рыков¹⁰¹ считал, что идея социалистической революции не найдет поддержки в массах из-за мелкобуржуазного состава населения, а потому начать должна Западная Европа¹⁰².

Ногин был в числе тех, кто считал, что поддержка курса на социалистическую революцию приведет партию к

отрыву от масс. Исходным в их рассуждениях было убеждение, что программа-минимум должна быть полностью реализована «до социализма»¹⁰³. Кроме того, Ногин не видел (в апреле – не видел) тех сил, на которые можно было бы опереться. Мы не оспариваем той основной предпосылки, говорил Ногин на конференции, что надвигается социальная революция. Ленин говорит, – продолжал он, – что центрами должны стать Советы, но что они из себя представляют? Советы должны быть органами власти, но сегодня в одних местах они «сильно закрепились, в других держатся за власть одной рукой»¹⁰⁴. «При Советах же, как они есть теперь, республика-коммуна у нас не осуществится»¹⁰⁵. Тем более что если после революции будет действовать Учредительное собрание, парламент, то Советы вполне могут передать часть своих функций другим органам.

В результате VII Апрельская конференция РСДРП вынесла решение: пролетариат, действующий «среди массы мелкокрестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования», не может вместе с тем поддерживать буржуазию, он должен добиваться перехода власти в руки пролетариев¹⁰⁶.

Для понимания позиции Ногина обратимся к его выступлению через несколько месяцев на VI съезде партии. Июльские события привели к коренным изменениям в соотношении классовых сил в стране, к ликвидации двоевластия в пользу буржуазии. Необходимо было менять тактику и РСДРП. Вопрос о политической ситуации и перспективах развития революции рассматривался на съезде в докладах Бухарина и Сталина. В прениях выступило более 20 человек.

Съезд собрался после известных июльских событий, когда кончилось двоевластие. Лидеры меньшевиков и эсеров объявили Временное правительство «Правительством спасения революции», признав за ним неограниченные полномочия. Советы стали придатком буржуазного правительства. Мирный переход власти к рабочим и крестьянам стал невозможным. Революция и страна вступили в новую фазу. VI съезд партии (второй за всю историю партии) проходил на территории России в Петрограде полулегально с 26 июля по 3 августа 1917 г. Главным был вопрос об отношении к Советам, о снятии лозунга «Вся власть Советам» и о подготовке вооруженного восстания для завоевания власти.

По этим двум кардинальным вопросам Ногин выступал на съезде несколько раз.

«Мы должны признать, – говорил он, – что в деятельности всех партийных организаций, и ЦК в частности, было очень много ошибок и промахов. Только благодаря Советам “страна не пришла к окончательному развалу”». Хочу напомнить, продолжал он, какой смысл мы вкладывали в лозунг “Вся власть Советам” в апреле: это власть не только ЦИКу, но и “Объединение тех органов власти, которые создались на местах», т. е. Советов, в которых были представлены почти все политические партии. «Тогда мы находили (т. е. в апреле – *Т. К.*), что еще стоим перед переходом к социалистической революции. Неужели, товарищи, наша страна за два месяца сделала такой прыжок, что она уже подготовлена к социализму?» – спрашивал он¹⁰⁷.

Как видим, если в вопросе о советах Виктор Павлович пересмотрел свое отношение к ним (чему, вероятно, в немалой степени способствовало то, что на I Всероссийском съезде советов он был избран в Президиум ЦИК первого созыва и был с февраля 1917 г. членом Президиума Московского совета), то в вопросе о подготовке к вооруженному восстанию он занял очень настороженную позицию. Ногин, как и некоторые другие делегаты съезда, считал, что впереди новый революционный подъем, что он неизбежен, что экономическое положение крестьян из-за войны сильно пошатнулось, что буржуазия далеко не так пассивна, как говорили на съезде, и что нет никаких оснований ждать взрыва в международном масштабе так скоро, как хочется. «Пока нам обеспечено лишь платоническое сочувствие западноевропейского пролетариата», – говорил он. Так «где же наши союзники?», – спрашивал он, и отвечал: «активную поддержку мы найдем только в “гнилых” Советах» и в крестьянах, особенно тех, кто в армии¹⁰⁸. Ногину возражали Смилга¹⁰⁹, Бубнов, Сталин.

Смилга: «Власть теперь находится в руках военной клики. И правы те, которые говорят, что даже при большинстве в Совете мы не получили бы власти»¹¹⁰.

*Володарский*¹¹¹: «Когда на другой день после революционного взрыва вы скажите массам: “Выбирайте новые Советы”, – вам скажут: “Опять Советы, которые вы же сами так клеймили”. Нельзя клеймить форму, потому что состав Советов оказался неудачным»¹¹².

Сокольников: «Надо объяснить, что дело не в Советах, а в сплачивании масс для восстания... Но торопить с преждевременным восстанием... не следует»¹¹³.

Таким образом, на VI съезде партии Ногин выступал против временного снятия лозунга «Вся власть Советам».

Съезд признал невозможность мирного пути развития революции в новых условиях, совершение революции возможно лишь путем вооруженного восстания. Но съезд не рассматривал подготовку к нему как непосредственную задачу. Лозунг «Вся власть Советам» снимался.

На II Всероссийском съезде Советов В.П. Ногин был избран в состав первого Советского правительства – Совета народных комиссаров – наркомом торговли и промышленности Республики. Но новые страницы его биографии начались весьма драматически.

Еще в середине 1917 г. в Москве состоялись переборы исполкомов Советов рабочих и солдатских депутатов. В исполкоме Московского совета рабочих депутатов большевистская фракция получила большинство мест, председателем Совета вместо Л.М. Хинчука¹¹⁴ (тогда – меньшевик) был избран В.П. Ногин.

В канун открытия II Всероссийского съезда Советов в Петрограде Ногин и Ломов как делегаты от Москвы выехали в Питер. Оба рвались обратно в Москву, но на заседании ЦК РСДРП(б) 24 октября (6 ноября) решено было их не отпускать или отпустить только одного¹¹⁵. В 11 часов 45 минут утра 25 октября на утреннем заседании фракции большевиков Московского совета была получена телефонограмма из Питера от Ногина: «Сегодня ночью Военно-революционный комитет занял вокзал, государственный банк, телеграф, почту. Теперь занимает Зимний дворец. Правительство будет низложено. Сегодня в 5 часов открывается Съезд Советов».

26 октября (8 ноября) утром Ногин и Ломов вернулись в Москву.

Октябрьские дни 1917 года, как вспоминал один из очевидцев, были днями «поистине “смуты великой” в нашей партийной среде... На всем лежала печать борьбы, исход которой был неведом»¹¹⁶. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде победило относительно быстро, тогда как в Москве еще продолжались кровопролитные бои. Почему

в отличие от Питера события в Москве приняли такой затяжной и кровопролитный характер? На то было много причин.

Московский пролетариат по сравнению с петроградским к октябрю 1917 года оказался менее организован и больше подвержен мелкобуржуазным влияниям, что объяснялось преобладанием в городе главным образом текстильных предприятий, рабочие которых поддерживали крепкие связи с деревней. Вместе с железнодорожниками, ремесленниками, мелкими кустарями и низшими служащими пролетарии и полупролетарии составляли примерно 450 тыс. человек, то есть четверть населения города. Гарнизон состоял из запасных полков, различных тыловых служб, где было немало выходцев из зажиточных слоев населения, или как писали тогда газеты – «шкурных» элементов. Вместе с тем, на организационной стороне дела весьма отрицательно сказывалось раздельное существование в Москве двух Советов – рабочих депутатов и солдатских депутатов. В исполкоме последнего преобладали эсеры. Некоторым руководящим органам восстания еще ставили в вину «нерешительность», которая затянула борьбу¹¹⁷. Позднее Троцкий¹¹⁸ выдвигал еще одну причину: рабочие старой Москвы, текстильной, кожевенной, чрезвычайно отставали от петроградского пролетариата, «в феврале в Москве восстать не пришлось: низвержение монархии легло целиком на Петроград. В июле Москва опять осталась спокойна. Это сказало в октябре: рабочие и солдаты не имели опыта боев»¹¹⁹.

Подавляющая часть членов МК РСДРП(б) придерживалась той точки зрения, что Москва не может взять на себя инициативу начать вооруженное восстание, хотя и поддержит Питер, если он начнет.

Накануне приезда Ногина вечером 25 октября на объединенном Пленуме двух Советов (рабочих депутатов и солдатских депутатов) был избран Военно-революционный комитет Москвы, чтобы начать действовать немедленно. При этом эсеры от участия в военревкоме отказались, а меньшевики вошли, «чтобы бороться внутри комитета за замену его общедемократическим революционным органом». К вечеру 26 октября во всех районах были созданы военно-революционные комитеты. В то же время уже «бывший» премьер Керенский, возложив бремя «сохранения власти» на городского голову В.В. Руднева, обещал ему и командуя-

щему Московским округом полковнику К.И. Рябцеву прислать помощь с фронта.

Несмотря на то что перевес сил был явно на стороне Московского военревкома, последний вступил в переговоры с Рябцевым. И одним из инициаторов этих переговоров был Ногин. Он был убежден, что надо сделать все, чтобы свести к минимуму кровопролитие, доказывал Ломову, членам ВРК и Совета «необходимость и возможность переговоров». Как вспоминал позднее Аросев¹²⁰, господа из городской думы начали лукавить, запросили перемирие, чтобы собрать силы, «а мы поддались лукавству. Колебнулись. Подписали перемирие»¹²¹. (В третий приезд полковника Рябцева на переговоры с Ногиним, Ярославским и Аросевым, когда выезжали обратно из Кремля, «на наших было покушение; со стороны юнкеров раздались выстрелы... Чуть-чуть тов. Ногина на убили, пуля пролетела мимо уха», – вспоминал И. Страхов¹²².)

А в 7 часов вечера 27 октября Рябцев предъявил ультиматум: через 20 минут вывести войска из Кремля, распустиť Военревком или начнется артиллерийский обстрел Моссовета. Ультиматум был отвергнут, но Ногин, Смидович и другие продолжали искать мирный исход борьбы, настаивали на продолжении переговоров.

Поздно вечером Рябцеву удалось обманным путем захватить Кремль, расстреляв из пулеметов значительное количество солдат и рабочих находившегося там арсенала. Вот как рассказывал об этом один из чудом уцелевших арсенальцев слесарь Н. Карзыкин. Юнкера вошли в Кремль и с криком «Выходи к воротам, сволочь большевистская!» согнали почти всех. Через несколько минут «мы стояли против ворот и ждали, что будут с нами делать». Стояли больше часа. В 9 часов утра раздался свисток «и сзади затрещал пулемет; задние ряды повалились как подкошенные. Картина была ужасная: кругом кровь, стон раненых, вывалившиеся мозги, крики...» Потом оставшихся в живых заставили стащить в кучу убитых и затем заперли в казарму. В 6 часов вечера опять вывели. Офицер юнкеров приказал начальнику склада генералу Кайгородову – старичку лет семидесяти, недавно присланному в арсенал – расстрелять. Тот ответил: «Я 50 лет ношу офицерский мундир, стреляйте и в меня!» Потом они поговорили о чем-то и солдат отвели в казарму под арест¹²³.

Начались бои в центре города, на Пречистенке, на Арбате, в Лефортове. 30 октября ВРК отдал приказ о вводе в дело артиллерии. К вечеру 2 ноября прекратили сопротивление главные очаги контрреволюции, завершилось окружение Кремля. В ночь со 2 на 3 ноября белогвардейцы покинули Кремль и капитулировали.

Но Ногина уже не было в Москве: он срочно выехал в Питер.

* * *

Сегодня весьма широко распространилось мнение об Октябрьской революции как об ошибке в отечественной истории, совершенной кучкой заговорщиков, узурпаторов, насильно навязавших стране свою власть и социалистический выбор. Социалистический вариант общественного развития воспринимается многими как исторический тупик. К сожалению, нигилистическое отношение к своему прошлому родилось не сегодня, и не сегодня только мы сжигаем то, чему поклонялись вчера. Однако факты вещь упрямая, они-то свидетельствуют беспристрастно о другом.

Задолго до Февраля вся русская социал-демократия была едина в том, что страна должна пройти через этап буржуазно-демократической революции, в результате которой будут уничтожены остатки абсолютизма и феодализма и созданы демократические институты. Но уже за пределами этого пункта взгляды расходились. Все основные политические партии, кроме кадетов, были социалистическими. Хотя меньшевики и эсеры были против самой постановки вопроса о переходе к социализму. Меньшевики, ссылаясь на незрелость страны, дальше буржуазно-демократического устройства общества идти не хотели, откладывая переход к социализму на очень отдаленное будущее. Эсеры развивали идею особого пути России к социализму через крестьянскую общину и кооперацию. Подавляющее большинство Советов и Учредительного собрания стояли за социалистическую ориентацию. Лидер правых эсеров В.М. Чернов¹²⁴ при открытии Учредительного собрания верно сказал: «Страна высказалась. Состав Учредительного собрания – живое свидетельство мощной тяги народов России к социализму. Оно означает конец неопределенного, колеблющегося, переходного периода... Социализм не есть скороспелое

приближение к равенству в нищете... напротив, он в деловой планомерной работе»¹²⁵.

Но за период от Февраля до Октября ни одна политическая сила не сумела овладеть положением. После Февральской революции Ленин предлагал меньшевикам и эсерам поддержку в мирном развитии революции, предлагал им стать властью: «Станьте ею, господа теперешние вожди Советов, – мы за это, хотя вы наши противники»¹²⁶.

Н.П. Карабчевский, председатель Совета присяжных поверенных Петрограда, позднее писал: «...Наша интеллигенция, весьма талантливая в качестве “оппозиции”, никуда не годится в качестве творческой, правящей силы... Все умывали руки, спасая только себя, выставя на общественный показ жалкого дергуна Керенского в качестве спасительной революционной эмблемы... В конце концов, на протяжении всех восьми месяцев ни одного верного, смелого шага, ни проблеска такта и властного чутья. Он не потерпел подле себя ни одного выдающегося, энергичного человека. Собрал со всего света оторванных от России и ее интересов беспочвенных революционеров, насытил партийными друзьями все щели правительственных комиссий и канцелярий, стяжал громовые рукоплескания на подмостках всех столичных театров и лопнул, как мыльный пузырь, каковым он был в действительности»¹²⁷.

Если в социально-экономическом отношении Россия к 1917 г. изменилась не очень значительно, то в политической сфере перемены были колоссальными. Свершилась Февральская революция, пало самодержавие, в стране возникло двоевластие. И все увидели, что Временное правительство (по словам современников – вялое, нерешительное, безвольное, трусливое, близорукое) не намерено дать свободу народу, не хочет дать землю крестьянам, дать мир стране, то есть не хочет решать задачи своей, буржуазно-демократической революции.

Поэтому Временное правительство так же легко, как захватило, сдало свои позиции в Октябре другой власти. «Когда 25-го, – писал А.И. Деникин, – началось вооруженное столкновение, на стороне правительства не оказалось никакой вооруженной силы»¹²⁸. И напрасно позднее меньшевики и эсеры клеймили большевиком «военным заговором»: не было военного заговора. Прав был Н.Н. Суханов¹²⁹,

когда в своих записках о революции писал, что большевикам-рабочим нечего было делать на улицах, «ведь у них не было врага, который требовал бы их массового действия, их вооруженной силы, сражений, баррикад и т. д. Это – особо счастливые условия нашего октябрьского восстания...»¹³⁰.

II Всероссийский съезд Советов, избранный трудящимися, многопартийный по своему составу, которому большевики передали всю полноту политической власти, решал вопрос о власти. На II съезде Советов было представлено 402 Совета. Из 670 делегатов съезда за передачу власти Советам высказались 505 человек (165 – «за власть демократии» и «за коалиционную власть»). Но меньшевики и эсеры отказались признать полномочия II съезда Советов, покинули съезд. К ним присоединились бундовцы, члены еврейской партии «Поалей-Цион», часть фракции меньшевиков-интернационалистов. «Мы ушли неизвестно куда и зачем, – писал позднее меньшевик Н.Н. Суханов, – разорвав с Советом... дискредитировав и унизив себя в глазах масс... Уходя со съезда, оставляя большевиков с одними левыми эсеровскими ребятами и слабой группировкой новоожизненных, мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией... До сих пор я не перестаю каяться в этом моем преступлении 25-го октября»¹³¹.

Для тех, кто сегодня считает истинным зеркалом воли русского народа Учредительное собрание, скажем, что выборы в него показали следующее: за главную партию российской буржуазии – кадетов – проголосовало всего 5% избирателей, остальная голосовавшая Россия высказалась не за капиталистический путь, на который ее толкали кадеты, а за партии социалистической ориентации. За правых и левых эсеров – 58,5%, за социал-демократов – 27,6% (в том числе за большевиков – 26%, за меньшевиков – 2,6%)¹³².

Что касается популярной ныне идеи «третьего пути» – между буржуазной и большевистской диктатурой (или, как говорили в годы гражданской войны – «ни Ленин, ни Колчак») – она была практически невозможна в силу радикализма масс. Настроение масс, для которых осенью 1917 г. слова «эсер», «меньшевик» и «соглашатель» были почти ругательными, не позволило большевикам создать такой блок. Достаточно вспомнить несколько фактов. 31 августа делегация фабзавкомов на объединенном заседании

московских Совета рабочих и Совета солдатских депутатов заявила: «Если у Совета нет оружия, то дайте нам разрешение, и мы сами его найдем. Иначе рабочие будут вынуждены действовать помимо Совета»¹³³. 12–17 октября Вторая общегородская конференция фабзавкомов Москвы вынесла резолюцию: «Необходим немедленный переход власти в руки Советов Р., С. и К. депутатов для передачи земли крестьянским земельным комитетам, установление рабочего контроля, ликвидация войны...»¹³⁴. И как показали последующие события, «третий путь» вылился в открытую капитуляцию перед контрреволюцией. (Поэтому так трагична была в дальнейшем судьба эсеров и меньшевиков: большевики видели в них пособников контрреволюции, Колчак и Деникин – своих противников.) Когда классовое противостояние разделяет страну надвое, нельзя находиться посередине.

Таким образом, и на II Всероссийском съезде советов, и в Учредительном собрании не было сомнения в том, что народы России желают идти социалистическим путем.

Однако на самом съезде, как теперь представляется, была допущена ошибка. В эйфории относительно легкой победы, что вполне можно понять, съездом был принят декрет, провозглашавший *социальную революцию*, то есть объявлен непосредственный социалистический выбор. Не план постепенного завершения задач буржуазно-демократической революции и создания предпосылок цивилизованности для последующего перехода к будущему социализму, о котором неустанно писал и говорил Ленин от февраля до октября, а именно социалистический выбор, опираясь на который начали «вводить» социализм в обстановке совершенно не соответствовавшей этому. Эту ошибку Ленин увидит и сам признает лишь через четыре года.

* * *

В Петроград Ногин попал в самый разгар «разногласий» по вопросу о взятии власти. Полагая, что только создание коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров сможет закрепить плоды победы Октября, Ногин вместе с группой видных большевиков вышел из состава Совета народных комиссаров и ЦК РСДРП. В свете сказанного было бы очень заманчиво утверждать, что Ногин

и другие были более последовательны в оценке характера событий 25 октября, чем Ленин, и потому вышли из правительства.

События эти развернулись в тот момент, когда власть *уже* была завоевана, по крайней мере, в важнейших центрах страны. Но борьба внутри партии по вопросу о власти еще не прекратилась, она вошла в новую стадию. Если до 25 октября Зиновьев, Каменев, Рыков и др. доказывали, что восстание преждевременно и приведет к поражению, то после 25 октября они стали доказывать, что большевики не способны удержаться у власти без коалиции с другими партиями, с меньшевиками и эсерами.

В ночь на 25 октября в небольшой комнатухе рядом с Белым (Актовым) залом Смольного, где проходил съезд Советов, состоялось заседание ЦК РСДРП(б), на котором обсуждалось создание первого советского правительства. Стулья были забросаны пальто и шапками, все теснилось вокруг плохо освещенного стола. Заседание проходило в напряженной обстановке еще продолжавшихся боев. «Мы выбирали руководителей обновленной России, – вспоминал Луначарский. – Мне показалось, что выбор часто слишком случаен... Ленин досадливо отмахивался от меня и в то же время с улыбкой говорил:

– Пока – там посмотрим – нужны ответственные люди на все посты; если окажутся негодными – сумеем переменить»¹³⁵.

26 октября съезд утвердил Декрет об образовании Совета народных комиссаров и список выдвинутых в его состав наркомов. Главой правительства был избран Ленин. В СНК вошли народные комиссары 13-ти ведомств: по внутренним делам – А.И. Рыков, земледелия – В.П. Милютин, труда – А.Г. Шляпников, по военным и морским делам – комитет в составе В.А. Антонова-Овсеенко, Н.В. Крыленко, П.Е. Дыбенко, по делам торговли и промышленности – В.П. Ногин, народного просвещения – А.В. Луначарский, финансов – И.И. Скворцов-Степанов, иностранных дел – Л.Д. Бронштейн (Троцкий), юстиции – Г.И. Ломов (Оппоков), продовольствия – И.А. Теодорович, почт и телеграфов – Н.П. Авилов (Глебов), по делам национальностей – И.В. Джугашвили (Сталин); пост наркома по железнодорожным делам 8 ноября оставался незамещенным.

Как вспоминали некоторые участники событий, формирование СНК проходило в спешке, «желающих попасть в наркомы было немного. Не потому, чтобы дрожали за свои шкуры, а потому, что боялись не справиться с работой»¹³⁶. Многие из этих революционеров исколесили всю Россию, в кандалах прошли от Петербурга и Москвы до Якутска и Верхоянска. Каждый из них мог перечислить чуть не все тюрьмы России с подробным описанием режима в них. «Мы знали, – писал Ломов, – где бьют, как бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством»¹³⁷. Все это были самоотверженные и талантливые политические деятели из числа самых опытных в российском пролетарском движении. И тем парадоксальнее на первый взгляд может показаться то, что произошло через 10 дней после революции: четверо членов правительства сложили с себя звание наркомов и вышли из состава СНК.

Как вспоминал Шляпников, октябрьские дни 1917 г. были днями «смуты великой», «на всем лежала печать борьбы, исход которой был неведом»¹³⁸.

Центром пересечения различных, и открыто антисоветских, и так называемых «нейтральных» сил неожиданно оказалась одна организация, до этого совершенно незаметная в политической жизни страны, формально беспартийная, – Всероссийский исполнительный комитет профессионального союза железнодорожников (Викжель). Объединяемые Викжелем крупные чиновники ведомства путей сообщения, высокооплачиваемая верхушка служащих управлений дорог и служб крупных станций были по партийной принадлежности в основном эсерами и меньшевиками. Они открыто выступали против октябрьского восстания. Когда в ночь на 27 октября на II Всероссийском съезде Советов обсуждался вопрос о создании правительства, представитель Викжеля эсер М.Ф. Крушинский потребовал не допустить перехода власти к какой-либо одной партии и создать правительство от «всей революционной демократии», а пока этого не произойдет, сказал он, на транспорте будут исполнять распоряжения только Викжеля.

Угрожая остановкой железных дорог, 29 октября Викжель потребовал начать переговоры о создании «однород-

ного социалистического правительства» из всех советских партий (а ЦК эсеров добавлял: и без большевиков). В тот же день Викжель в телеграмме «Всем, всем, всем» предъявил ультиматум: или однородное правительство, или прекращение всякого движения на дорогах.

Это уже было серьезно. Пройти мимо этого было нельзя, еще требовалось уяснить, что стоит за этим ультиматумом. В середине дня – 29 октября – стало известно, что на 19 часов Викжель созывает совещание всех заинтересованных политических партий и общественных организаций. От ЦК РСДРП(б) на переговоры были делегированы Л.Б. Каменев, Г.Я. Сокольников¹³⁹, люди, как потом оказалось, готовые пойти по пути компромиссов и уступок дальше других членов ЦК.

На совещании, созванном Викжелем, как вспоминал его участник, член ВЦИК Б.Ф. Малкин, присутствовал весь цвет безработных министров, все соглашатели, свергнутые Октябрем. Викжель предложил создать вместо ВЦИК и СНК «Народный совет», где ВЦИКу отводилось лишь 16% мест, настаивал на недопущении туда «персональных виновников Октябрьского переворота» – Ленина и Троцкого, на роль главы нового правительства предлагались кандидатуры В.М. Чернова и Н.Д. Авксентьева¹⁴⁰.

В ночь на 30 октября состоялось заседание фракции большевиков ВЦИК. Все мемуаристы выдвигают этот день, а точнее – эту ночь как момент крайне неустойчивого политического положения. С одной стороны – восстание уже победило, власть взята, правительство создано. В это же время велось подавление мятежа юнкеров, мобилизация рабочих, шло совещание в гарнизоне. В эту ночь Смольный выглядел почти так же, как и в дни восстания. Тревожные вести поступали из Москвы.

На заседании ЦК РСДРП(б) 1 (14) ноября Ленин высказался за то, чтобы прервать переговоры, понимая несостоятельность попытки создать коалиционную власть в тех условиях, то есть правительство, неспособное спеться, сдвинуться с места, или по выражению Н.К. Крупской, впрямь в советскую телегу лебеда, рака и щуку.

1 (14) ноября состоялось и заседание Петроградского комитета РСДРП(б), где сразу же вспыхнул спор. Предоставим слово его участникам.

Ленин:

...И вот в такой момент, когда мы у власти, – раскол. Зиновьев и Каменев говорят, что мы не захватим власти (по всей стране). Я не в состоянии спокойно выслушивать это... Чего им хочется? Чтобы началась (стихийная) поножовщина?.. А соглашение?.. Я не могу даже говорить об этом серьезно. Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего большевика... Мы избраны Съездом Советов... это не народ, но авангард, за которым тянется масса. Нам говорят, что надо «остановиться». Но это невозможно... Согласиться с соглашателями, а потом они будут вставлять палку в колеса. Это было бы мизерное торгашество, а не советская власть. Если будет раскол – пусть. Если будет их большинство – берите власть... Перед нами Каледин, мы еще не победили (до конца)...

Луначарский:

Мы (правая оппозиция) встали на том, что необходимо однородное социалистическое правительство... Мы будем стремиться к соглашению. Но если они будут нас хватать за руку, то на то мы и решительные люди, чтобы дать отпор... Не плодите разногласий, – а то они уже есть, массы к этому относятся нервно.

Троцкий:

...От соглашения с Викжелем не исчезнет борьба с юнкерскими отрядами буржуазии... Вся эта мещанская сволочь, что сейчас не в состоянии встать ни на ту, ни на другую сторону, когда узнает, что наша власть сильна, будет с нами, в том числе и Викжель. Благодаря тому, что мы раздавили под Питером казаков Краснова, на другой же день появилась масса сочувствующих телеграмм... Вопрос о классах и об их борьбе оставался чисто книжным для многих в нашей среде. А как понюхали революционной действительности, то и заговорили по-другому (т. е. о соглашении, а не о борьбе).

...Нам говорят, будто у нас с ними – одна программа. Дать им несколько мест и – конец. А почему же они помогают Каледину, если программа у них с нами одна?..

Нет, к промежуточной политике, к соглашательству возврата нет... Чем нас пугают теперь? Тем, чем вчера нас

пытались пугать меньшевики и социалисты-революционеры. Когда мы, мол, возьмемся за социалистическую революцию, то увидим, что юнкера стреляют, льется кровь, буржуазия кует заговоры, чиновник саботирует... Но все это верхи... Если будет угрожать контрреволюция, даже и отсталая масса возьмется за оружие. Низы поставлены в такое положение, что выйдут с оружием. Другое дело Викжель, армейские комитеты, эсеры, меньшевики и прочие верхушки... Можно ли делить власть с теми элементами, которые и ранее саботировали Советы, а ныне извне борются против власти пролетариата?.. Мы взяли власть, мы должны нести и ответственность.

Ногин:

Товарищам слишком опротивело слово «соглашение». Дело не в соглашении, а в вопросе: как быть, если мы оттолкнем все другие партии? Социалисты-революционеры ушли из Совета после революции, меньшевики – также. Но это значит, что распадутся Советы... Условия голода создадут почву для Каледина...

Авилов-Глебов:

Нет, мы стоим за Советы. Иначе невозможно. Дело не в тех местах, которые нужно отнести другим партиям, а в том, что они не поведут нашей политики. Другого выхода нет, как сказать: «уйдите».

Слуцкий:

Теперь, когда мы победили, хотят нас повести на путь соглашательства. Соглашение с ними есть замаскированный путь отступления от власти.

Ногин:

Мы, большевики, признали, что революция наша – не буржуазная. Но мы победили не одни, а вместе с крестьянством. Поэтому, то, что добыть удалось кровью рабочих и солдат – власть – должно быть общим их достоянием...¹⁴¹

Таким образом, революционную линию против соглашательства защищали Ленин, Троцкий, Авилов-Глебов, Слуцкий и др., за уступки Викжелю и соглашению с меньшевиками и эсерами – Ногин, Луначарский и другие.

Ввиду открытой поддержки мелкобуржуазными партиями Временного правительства и его политики – и прежде всего ведения войны – никакие соглашения с ними для большевиков стали невозможны. Ленин категорически выступал против «однородного правительства» из опасения, что вчерашние соглашатели, получив посты в правительстве, похоронят завоевания революции. Они могли бы сотрудничать с большевиками, если бы признали принятые II Всероссийским съездом советов декреты. Но они избрали другой путь, объявив большевикам войну, в которой и погибли.

3 (16) ноября ЦК обратилось с ультиматумом к Каменеву, Зиновьеву, Рыкову, Милютину и Ногину, в котором потребовало отказаться от дезорганизующей линии и подчиниться партийной дисциплине. Ультиматум подписали Ленин, Троцкий, Свердлов, Сталин, Урицкий, Дзержинский, Иоффе, Бубнов, Сокольников, Муранов. Меньшинство отвергло его, заявив о своей неверии в возможность победы пролетариата без поддержки других социалистических партий. 4 (17) ноября на заседании Пленума ВЦИК Ногин от имени группы наркомов сделал заявление о том, что они выступают за образование «однородного правительства», так как в противном случае есть только один путь удержать власть – силой. Поэтому, говорил он, мы слагаем с себя перед ВЦИК звание народных комиссаров.

Заседание закончилось тем, что по предложению Ленина ВЦИК поручил СНК наметить к следующему заседанию кандидатуры новых наркомов вместо ушедших. Твердая позиция ЦК и СНК была поддержана местными партийными организациями, советами и трудящимися страны, прежде всего Петрограда и Москвы. Страна ответила громом негодования, записал тогда Джон Рид о реакции на уход наркомов.

Такова внешняя канва событий. Возникает несколько вопросов: в чем все-таки причина выхода из правительства части его членов? Какова оценка этих событий самими «оппозиционерами» и их противниками среди большевиков? Существовала ли реальная возможность образования после Октября «однородного правительства», то есть единства всех левых сил от эсеров до большевиков? Да, существовала. Но на какой базе, на какой основе?

По сути, участники переговоров с Викжелем предлагали создать власть, которая отказалась бы от реализаций требований, положенных в основу решений съезда о мире, о земле. Могли ли большевики пойти на отказ от переговоров о мире, от передачи земли крестьянам? Нет, не могли, так как именно эти требования обеспечили большевикам поддержку со стороны широких масс рабочих, крестьян, солдат.

Однако корни разногласий между большевиками, как представляется сегодня, лежали не в сиюминутности момента. Они уходили в проблему выбора пути развития страны. И сам вопрос – республика советов или парламентская республика – был связан, прежде всего, с классовым содержанием будущего государства. (Попутно заметим, что вопрос в том, каковы будут в будущем государстве взаимоотношения партии и советов, советов и Учредительного собрания, в канун революции вообще не ставился.) Ленин был сторонником по возможности скорейшего перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. И с этой точки зрения Учредительное собрание, например, просто не вписывалось в пролетарскую республику Советов. А если бы это случилось – сосуществование и Советов, и Учредительного собрания – это означало бы более длительный путь достижения цели и при условии мирной победы революции, компромисса с другими социалистическими партиями. Вот за этот более длительный, более демократический путь углубления буржуазно-демократической революции и выступали Ногин, Рыков и др.

Идейные разногласия между двумя течениями среди большевиков не были преодолены ни в апреле 1917 г., ни на VI съезде партии и вплоть до разгона Учредительного собрания обострялись при каждом новом витке событий.

Так возникла в большевистском руководстве оппозиция, выступавшая за создание «однородного социалистического правительства». Это было расхождение по вопросу и о содержании, и о способах осуществления власти. И происходило это в условиях конфронтации между большевиками и левыми эсерами и остальными партиями. Это расхождение в оценке перспективы социализма в России влияло на понимание всей политической ситуации и конкретных форм демократических преобразований. Еще в работах Ленина, написанных между Февралем и Октябрем, постоянно

проводится мысль, получившая подтверждение в событиях конца 1917 г.: и в середине 1917 г., и в момент ноябрьского кризиса страна стояла перед ограниченной возможностью выбора. «Либо диктатура рабочего класса, диктатура всех трудящихся и победа над капитализмом, либо самое грязное и кровавое господство буржуазии вплоть до монархии»¹⁴².

Все попытки меньшевиков и эсеров найти третий путь (например, посредством создания коалиции) были обречены на провал, ибо в такой ситуации «не может быть “средней” линии»¹⁴³.

Вот как вспоминал об этом А.Г. Шлихтер. Когда весть о выходе четырех наркомов из правительства достигла Москвы, пишет он, «жутко и страшно» было узнать об этом. Жутко – за одиночество, в котором оказался Ленин в тот момент, когда пришлось брать «руль пролетарской революции»: оказывается, в рядах старой школы партийной гвардии далеко не все были единомышленниками в вопросах «о революционной тактике данного момента». Странно – потому, что непонятно, как могли они так «растеряться» и «запутаться» после только что пережитых опытов с Керенским, Чхеидзе, Черновым, Церетели и пр. Шлихтер вспомнил, как в ограниченном кругу работников московской партийной организации Рыков сделал доклад, после которого многие ушли «с каким-то осадком тревоги в душе»: он утверждал, что это нелепость, когда наиболее отсталая в экономическом отношении страна берет на себя наиболее прогрессивные, наиболее передовые задачи хозяйственного строительства, что это явная несбыточность, неизбежная авантюра. И только выходом из ЦК и из правительства можно бороться против «неправильно взятого курса»¹⁴⁴.

С.С. Пестковский, тогда комиссар телеграфа и член коллегии Наркомата по делам национальностей, рассказывал. Ночью 28 октября он прибыл в Смольный, случайно набрел на какую-то комнату внизу. Там происходило какое-то «частное совещание». Присутствовали Каменев, Зиновьев, Рязанов, говорили о необходимости «столкнуться с другими». Через несколько дней Пестковский решил поподробнее узнать о «разногласиях». «Так как от молчаливого Сталина, – пишет Пестковский¹⁴⁵, – я и не надеялся узнать что-нибудь, то решил справиться у первого попавшегося цекриста. Спросил у Муранова»¹⁴⁶:

– Как наши разногласия?...

Муранов махнул рукой:

– Наша беда не в том, что у нас много марксистов.

Плохо, что слишком много Марксов.

Вот все, что я узнал о “расколе”¹⁴⁷».

Что касается Ногина, то его к такому решению подтолкнули еще и московские события.

3 (16) ноября на заседании СНК Ногин делал доклад о положении в Москве. Человек сдержанный, не склонный к панике, к громким словам, каким знали Виктора Павловича соратники, он тем более поразил собравшихся, что в его рассказе картина была удручающей. Он говорил, что в Москве идут тяжелые бои в разных районах города. Контрреволюция «окопалась и укрепилась», попытки к соглашению не имели результатов (юнкера были против), в городе начались пожары. Революционных сил было мало, да еще, говорил Ногин, «с нашей стороны была страшная неорганизованность». Он считал, что в такой ситуации большевикам невозможно справиться. «Поэтому, – продолжал он, – чрезвычайно важно привлечь на свою сторону Викжель», это дало бы, считал он, «и гражданскую, и военную победу. В противном случае мы будем уничтожены... Нас раздавит грядущая действительная корниловщина и калединство»¹⁴⁸. Ленин возражал ему, считая совершенно неприемлемым никакие соглашения с Викжелем, а для поддержки Москвы предложил укрепить ее революционными силами из Петрограда.

* * *

Иногда утверждают, что своим уходом в отставку группа наркомов замыслила «спровоцировать кризис и отставку» первого советского правительства. Из отдаленной перспективы нынешнего дня трудно, порой, бывает избежать упрощения, трудно понять и прочувствовать моральное давление той ответственности, которая падала впервые на большевиков – единственную партию, вставшую у власти. Любопытный штрих добавляет Н.П. Горбунов¹⁴⁹. Он относится к моменту, когда Ногин закончил свой доклад, цитировавшийся выше: «конец заседания я уже вообще не мог записывать, так как говорили вразброд. Речь шла о пессимизме некоторых работников, на которых московские со-

бытия произвели впечатление разрушения всех культурных ценностей... Помню фразу Владимира Ильича по адресу этих товарищей: «Что же – революция пойдет мимо них»¹⁵⁰.

Заметим, что эти наркомы, столь разные и немолодые уже (правда – по меркам того времени) люди, первыми, возможно в силу жизненного и политического опыта, почувствовали эту тяжесть, поняли, что ответственность за социалистическое преобразование страны – тяжесть непомерная. Позднее это начнут осознавать и другие. Кульминационным моментом станет III Всероссийский съезд советов (январь 1918 г.), где с небывалой ясностью выразится понимание того, какая гигантская тяжесть легла на плечи победителей. И какой бы вопрос ни обсуждался на съезде – отчет ВЦИК, или национальный вопрос, или другие вопросы – выступавшие снова и снова касались этой проблемы. Одни считали, что внутри России нет сил, способных провести преобразования. По мнению других (например, левый эсер Г.Д. Камков), на их плечи свалилось непомерное бремя социалистических задач, разрешение которых под силу только мировой революции...

Через девять лет после этих событий, в 1926 г. в разгар фракционной борьбы против зиновьевско-каменевской группы, Бухарин так объяснял поведение «оппозиции». Если у нас, считали они, буржуазная революция еще далеко не закончена, то, значит, диктатура пролетариата в данных условиях – задача неосуществимая, затем несбыточная и опасная, «нельзя звать пролетариат на восстание, ибо разгром его предусмотреть можно с астрономической точностью». Они не верили в возможность удержать власть без привлечения других партий, отсюда, писал Бухарин, и письма против восстания, отсюда и выходы из ЦК и СНК, «бегство с поля битвы»¹⁵¹.

В нашей литературе на протяжении долгих лет политический кризис начала ноября 1917 года либо истолковывался чисто демагогически, с бранными эпитетами по отношению к «маловерам» и «капитулянтам», либо просто замалчивался, позднее – лишь упоминался: то в виде простой констатации факта, то как прискорбное, но простительное заблуждение, мелкая ошибка соратников Ленина. В одной из последних работ это скромно именуется «забастовкой наркомов».

Сегодня, пытаясь оценить эти события, необходимо четко разграничивать две стороны вопроса. Во-первых, характер и последствия правительственного кризиса в самый разгар событий, а отсюда и неизбежность в тот момент эмоциональной, заостренной критики в адрес персонально четырех наркомов. Во-вторых, осмысление этих же событий исторически, уже по прошествии времени, когда стали более ясны пути развития революции и объективная обоснованность тревожных сигналов, поданных строптивыми наркомами, хотя отстаиваемая ими позиция имела очевидные уязвимые стороны и была обречена на провал. Трезвый всесторонний учет соотношения политических сил, способных немедленно раздавить революционную власть в случае продолжения колебаний, в действительности не оставлял место для выбора, который лишь в иллюзии виделся меньшинству ЦК.

Мнение противников соглашения было ясно выражено в «Ультиматуме» большинства ЦК меньшинству от 3 (16) ноября: «уклонение от власти» есть измена делу пролетариата¹⁵². (Кстати сказать, товарищи в Московской партийной организации действительно сурово критиковали Ногина за его поступок.)

А тогда в ноябре впереди был еще раскол партии эсеров, попытка большевиков действовать в теснейшем союзе с отделившейся новой левоэсеровской партией и новые конфликты, ожесточившиеся до вооруженной борьбы с вчерашним союзником.

Что же касается четырех наркомов, то они свою «ошибку» исправили и через некоторое время вернулись на самые ответственные партийные и советские посты. Что касается Виктора Павловича Ногина – он вступил в новую полосу своей жизни.

Из нелегалов в коммерсанты

Ногин одним из первых вернулся к практической работе. В конце ноября 1917 г. он избирается на должность областного комиссара труда, а с апреля 1918 г. становится заместителем наркома труда РСФСР, затем почти год (с конца 1918 г. до конца 1919 г.) посвящает рабочей кооперации. И не случайно.

Еще в 1908 г. Ногин участвовал в Первом Всероссийском кооперативном съезде в Москве (как делегат от Петербургского общества «Труженик»), принимал участие в организации рабочего кооператива «Солидарность» – одного из самых устойчивых кооперативных объединений, на базе которого в июне 1917 г. был создан крупнейший центр рабочих кооперативов Москвы – Московский центральный рабочий кооператив (МЦРК). В 1916–1917 гг. Ногин работал секретарем отдела Общества потребителей «Кооперация». Уже в канун революции многие рабочие кооперативы выросли в крупные организации, объединявшие десятки тысяч человек, с миллионными оборотами. Самым крупным из них был МЦРК. В конце 1918 г. он объединял (включая семьи) более 500 тыс. человек пайщиков-рабочих, имел собственное огородное хозяйство, свои рыбные промыслы на Каспии, свои магазины, столовые, чайные, клубы, библиотеки, школы. Кооператив издавал журнал «Рабочий мир», где печатались А. Блок, С. Есенин, А. Ремизов, Б. Пильняк, Б. Пастернак, А. Солыц, А. Коллонтай, К. Тимирязев и др., а также был пайщиком двух театров: Московского художественного и Театра Совета рабочих депутатов.

В августе 1917 г. был создан Всероссийский совет рабочей кооперации (ВСРК) – единый центр всей российской кооперации, однако заправляли в нем главным образом меньшевики и эсеры, упорно защищавшие «ней-

тралитет» и «независимость» рабочей кооперации от Советской власти.

Переломить ситуацию удалось лишь в самом конце 1918 г. на III съезде рабочей кооперации, где и столкнулись две точки зрения (и две фракции) – большевиков и «независимовцев». Этому перелому предшествовало несколько событий.

26 ноября 1918 г. состоялось собрание уполномоченных МЦРК. На нем присутствовали 182 большевика и 164 человека, представлявшие оппозиционные партии. Главная мысль, содержащаяся в докладе К.П. Давыдова, состояла в следующем: МЦРК – лучший распределительный аппарат в Москве, он располагает 175 магазинами, 16 хлебопекарнями и т. п. Одних книг продает на сумму более 500 тыс. руб.¹⁵³ Поэтому рабочая кооперация должна вместе с советскими продовольственными органами взять на себя дело снабжения населения. В конце вечернего заседания на собрании выступил Ленин. Считая, что кооперация это «огромнейшее культурное наследство, которым нужно дорожить и пользоваться»¹⁵⁴, он разъяснил собравшимся, почему правительство пошло на соглашение с кооператорами («мы с ним сговорились»), считая необходимым использовать и опыт, и знания, и аппарат кооперации. Упомянув опубликованные декреты (от 19 января – о потребительских кооперативных организациях и от 24 ноября 1918 г. – об организации снабжения), Ленин заметил, что без сети кооперативных организаций «невозможна организация социалистического хозяйства», и до сих пор в этом отношении, сказал он, многое делалось неправильно: закрывались или национализировались отдельные кооперативы, а сами Советы не справлялись с распределительной работой. Теперь, сказал Ленин, всем кооперативам должно быть возвращено все, что у них взято, «кооперативы должны быть денационализированы, должны быть восстановлены»¹⁵⁵.

На этом собрании было избрано новое правление МЦРК по списку, предложенному фракцией большевиков. В состав Правления вошли Л.М. Хинчук, М.П. Томский, В.В. Шмидт¹⁵⁶, Р.А. Пельше¹⁵⁷, В.В. Кочетов и др. Председателем был избран нарком труда РСФСР В.В. Шмидт, во главе торгового отдела встал Л.М. Хинчук, отдел красноармейских лавок и универмагов поручили П.И. Матросову и М.П. Томскому.

С 6 по 11 декабря 1918 г. в Москве в Колонном зале Дома союзов проходил III съезд рабочей кооперации. 208 делегатов участвовали в нем (из них 121 человек – большевики и сочувствующие). Два дня ушли на приветствия и процедурные вопросы. Председательствовал на съезде Ногин, почетными председателями съезд избрал Ленина, Карла Либкнехта и Джона Маклина (видный деятель английского рабочего движения).

Основным вопросом, который затрагивался почти во всех выступлениях, был вопрос о месте рабочей кооперации. Две точки зрения боролись на съезде: одни отстаивали «независимость» рабочей кооперации и кооперации вообще от Советской власти, другие считали, что кооперация должна работать в тесном союзе с ней. Деловая работа съезда началась с доклада председателя ВСРК Л.М. Хинчука. Доклад его был не очень самокритичен, сглаживал острые углы. В выступлении Ногина проводилась мысль о том, что громадное дело, которое было сделано и делается кооперацией, должно быть непременно объединено с тем, что делается Советской властью в области снабжения населения. И практика подсказывает, что во многих городах именно такой подход советских органов (даже не дожидаясь новых декретов) дает наилучший результат.

Съезд осудил стремление старых кооператоров отгородиться от советской власти, что угрожало срывом всего дела продовольственного снабжения страны, признал необходимость направить все силы рабочей кооперации на организацию совместно с продовольственными государственными органами дела снабжения населения. В состав Всероссийского совета рабочей кооперации в числе 15 членов были избраны 10 большевиков, в том числе Ногин, Милютин, Скворцов-Степанов и др. Кроме того, по настоянию Ногина, в резолюции было записано, что две трети состава Правления Центросоюза должно принадлежать представителям рабочей кооперации – самой мощной и активной части российской потребительской кооперации, в противном случае рабочая кооперация будет вынуждена пойти на создание своего самостоятельного центра, что неминуемо приведет к расколу кооперативного движения. Новый состав Совета ВСРК, куда теперь входили кроме председателя Ногина Л.М. Хинчук, О.Ю. Шмидт¹⁵⁸, В.Д. Бонч-Бруевич,

А.М. Лежава, А.А. Сольц, И.И. Егоров и др., начинает создавать самостоятельный хозяйственный центр.

Как только закончился съезд, Президиум ВСРК начал переговоры об объединении Центросоюза и рабочей кооперации. Однако Виктор Павлович понимал, что это будут трудные переговоры (в общей сложности, они продолжались полгода), а время не ждало. Уже 10 января 1919 г. на заседании Президиума ВСРК Ногин предложил наряду с переговорами начать «в перспективе создание своего хозяйственного центра»¹⁵⁹. На заседании 16 января 1919 г. нежелание коллегии распорядителей Центросоюза договориться хотя бы о представительстве в ее составе от рабочей кооперации стало явным. Представитель Центросоюза В.Н. Зельгейм сказал, что «искренне желая», он не может взять на себя ответственность и просит еще раз собраться, так как не хочет раскола¹⁶⁰. Тогда Ногин, подчеркнув, что дело зашло в тупик, предложил считать это заседание последним, так как «разговаривать не о чем, и что придется перейти на путь борьбы»¹⁶¹. В феврале 1919 г. 34-е собрание уполномоченных Центросоюза отвергло уже согласованный проект о вхождении девяти представителей ВСРК в состав Центросоюза. И тогда ВСРК формирует свой хозяйственный центр. Он был создан на базе Московского областного союза рабочей кооперации в апреле 1919 г. и назван «Всероссийский хозяйственный центр городских и фабрично-заводских потребительских коммун» (Центросекция)¹⁶².

Почему Ногин настаивал на объединении с Центросоюзом? Он считал, что объединение рабочей, общегражданской и сельской потребительской кооперации позволит создать мощный хозяйственный аппарат, деятельность которого и должна быть направлена на решение вопросов снабжения населения продуктами и предметами потребления.

В архиве Ногина сохранилась неопубликованная рукопись, посвященная вопросам кооперативного строительства. В ней Ногин, как будто заглядывая в день сегодняшний, писал: если в производстве со временем основной руководящей ячейкой должно стать правление фабрики или завода («производственные объединения рабочих сделаются основой их политической власти», – писал он), то в деле снабжения населения «потребительские коммуны, организованные на кооперативных началах» (т. е. на паевых нача-

лах) станут основной хозяйственной единицей будущего общества, обеспечивающей население всем необходимым¹⁶³. Другими словами – приватизированные предприятия плюс кооперативные сбытовые структуры.

Времена были тяжелые. На словах старые кооператоры из Центросоюза были как будто за соглашение с Советской властью, а на деле упорно не желали ни исполнять декреты этой власти, ни идти на переговоры, а тем более на совместную работу. Все это угрожало срывом продовольственного снабжения страны.

Пришлось прибегнуть к «волевым» методам: в августе 1919 г. был издан декрет о слиянии Центросоюза и Центросекции. В новом аппарате Центросоюза оргинструкторский отдел возглавил О.Ю. Шмидт, во главе редакции журнала «Союза потребителей» встал Н.Л. Мещеряков¹⁶⁴, в порядке кооптации Правление Центросоюза пополнили В.П. Ногин, А.М. Лежава¹⁶⁵, Л.М. Хинчук, М.И. Фрумкин¹⁶⁶, А.А. Сольц, С.Ю. Шмидт, М.М. Литвинов, председателем Центросоюза стал Лежава.

Однако Ногину практически не пришлось работать в Центросоюзе. Его ждало другое назначение.

Еще в октябре 1918 г. он избирается членом Президиума ВСНХ, и с этого времени прочно связывает свою судьбу с возрождением промышленности в целом, с текстильной промышленностью в частности. Именно здесь с наибольшей отдачей проявились его организаторские способности, склонность к вдумчивому, глубокому анализу ситуации внутри страны и конъюнктуры на зарубежных рынках, умение последовательно и твердо проводить намеченную линию. Однако Ногин не отошел от проблем кооперации совсем. И позднее ему пришлось не раз принимать участие в обсуждении вопросов, связанных с кооперацией. Особо острая полемика развернулась весной 1920 г. Тогда на IX съезде партии Ногину здорово досталось от товарищей по партии. Но как нам кажется сегодня, Ногин тогда занял более верную позицию. Он изложил ее в статье «За потребителя или производителя», опубликованной 9 марта 1920 г. в газете «Экономическая жизнь». Статья подверглась разгромной критике на IX съезде партии, особенно в выступлениях Крестинского и Мещерякова. В статье Ногин предлагал объединить все виды кооперации и в основу по-

ложить производственную кооперацию. Против выступил Мещеряков. Считая, что «важнее всего классовая борьба», Мещеряков предлагал опираться на ту кооперацию, в которой позиции большевиков прочнее всего, а таковой в то время была рабочая потребительская кооперация¹⁶⁷.

«А если брать в основу производственную кооперацию, то мы тем самым передадим в руки мелкой буржуазии все кооперативное движение. Мне пришлось говорить с идеологом сельскохозяйственной кооперации Чаяновым¹⁶⁸, – рассказывал Мещеряков, – так тот мечтает, чтобы “была диктатура крестьянства над пролетариатом”», а это, конечно, и для Мещерякова, и для партии в целом было неприемлемо. («Мы не смогли с ним сговориться», – сказал Мещеряков.) Он считал, что только потребительскую кооперацию и надо поддерживать, она «должна стоять над всем», и только ей давать машины и т. п. Мещерякова поддержал Крестинский¹⁶⁹. Он припомнил Ногину старый «грех»: когда предлагали ликвидировать экономические центры сельскохозяйственной и промысловой кооперации, то Ногин (от ВСНХ) был против их ликвидации¹⁷⁰. В этом полемике отразилось общее недостаточно глубокое понимание в среде большевиков роли кооперативного движения.

За два года (1918–1920) с момента национализации текстильная промышленность пережила такое стремительное падение своей производительности, которое можно было назвать только катастрофой: с 7 млн веретен летом 1917 г. дошла к лету 1920 г. до 350 тыс. веретен¹⁷¹. В эти годы фабрики только закрывались, сначала из-за недостатка хлопка, потом из-за недостатка топлива. Развитию производства мешала нехватка транспорта и топлива, но главной причиной остановки производства было сырье. На сентябрь 1920 г. в Главтекстиле, который теперь возглавлял Ногин, было всего 204 фабрики (89 прядильных, 127 ткацких, 92 отделочных, 24 ватных)¹⁷². Производительность труда на них была очень низкой. Если до войны на 1 тыс. веретен было 9 рабочих в смену (тогда как в Англии – 3,5 в смену), то есть наша промышленность занимала в два с половиной раза больше рабочих рук, то в 1920 г. производительность труда упала еще больше. На 1 тыс. веретен было занято 18–25 рабочих в смену, так как рабочие не имели нужной для этой профессии высокой квалификации¹⁷³.

Процесс восстановления начался с сентября 1920 г. Пустить фабрики после длительной остановки было совсем нелегко, особенно при отсутствии достаточного количества техников и квалифицированных рабочих, а подготовить такие кадры в несколько месяцев нельзя – особенно прядильщиков, на обучение которых нужны годы. И все-таки с лета 1920 г. положение начинает меняться в лучшую сторону. В июле-августе план фабриками выполнялся на 13–16%, в октябре – на 38,3% на прядильных и на 45,5% на ткацких¹⁷⁴. Омертвевшие за войну фабрики начали оживать.

В марте 1920 г. Ногин в составе одной из первых советских делегаций, командированных на Запад, выехал в Англию. Это была первая правительственная делегация, которой поручалось установить торговые отношения со странами Запада, прерванные войной и экономической блокадой Антанты. Ногин был назначен заместителем главы делегации Л.Б. Красина¹⁷⁵.

Из письма жене 29 марта 1920 г.:

Милая и дорогая Олюша, наконец мы двигаемся: получилось известие, что завтра утром на финляндской границе нас будет ждать экстренный поезд в сопровождении двух английских офицеров... Здесь пришлось поскучать... Посетил за это время ничтожную фабрику и сегодня был с Л.Б. в складе Музея картин, старинных вещей и пр. (то есть в подвалах Эрмитажа), [посещением] организованным Горьким и его женой, осматривали вместе с ними. Горький, глядя на нас, сказал, усмехаясь: «И все же вы, англичане, серы» (то есть не «сэры», а «серы»)¹⁷⁶.

Горький обратил внимание Ногина и Красина на их крайне бедную экипировку. Пришлось членам делегации в Стокгольме озаботиться о своем гардеробе.

30 марта утром поезд вышел из Петрограда в сопровождении английского офицера капитана Френча и финской военной части. В Выборге в поезд сел представитель правительства Финляндии (Энкель) и председатель экономической комиссии по возобновлению торговых сношений с Россией (Игнациус), на станции Раямяки к ним присоединился представитель МИД Финляндии. 31 марта прибыли в Стокгольм, 1 апреля часть делегации выехала в Копенга-

ген, 2 апреля ее встречали М.М. Литвинов и представитель английского правительства м-р Голл. 7 апреля начались переговоры, в которых участвовали советская делегация с Красиным во главе, представитель Антанты м-р Уайс, представитель французского правительства и председатель Верховной экономической комиссии Антанты¹⁷⁷. В Англию делегация попала лишь в середине мая 1920 г.

Из письма жене 29 мая 1920 г.:

Англия встретила нас хорошей погодой после дождливой датской, хорошим настроением масс, травлей в некоторых газетах и сложным политическим положением... На той неделе должны начаться наши переговоры с Supreme Economical Council. Сколько они продолжатся и как кончатся – об этом можно только гадать. Английские газеты сейчас переполнены этими гаданиями. Сами мы молчим, так как с нас взята подписка, что мы не будем давать никаких интервью без одобрения английского правительства¹⁷⁸.

Ногин хорошо знал английскую текстильную промышленность: еще в молодости работал там на фабриках. И теперь принял на себя всю экономическую работу делегации. Он разыскал старых поставщиков сырья, запчастей, машин для русских текстильных фабрик, установил контакты с ними, приступил к размещению заказов, что было задачей не из легких, так как вся Европа еще жила под знаком бойкота Советской России, объявленного Антантой. Ногин принял самое ближайшее участие в разработке того импортного плана, который, по свидетельству Л.Б. Красина, впервые в общегосударственном масштабе был разработан этой делегацией и послан на утверждение в Москву¹⁷⁹. Там, в Англии, Ногин еще и еще убедился в том, что всю систему управления текстильной промышленностью необходимо изменить. Построенная по принципу жесткой централизации управления, по системе «главкизма» – а Ногин как раз и возглавлял такой главк – Главное управление государственных текстильных предприятий (Главтекстиль), организация текстильной промышленности делала отдельные фабрики абсолютно во всем бесправными. От главка фабрики получали по сметам – деньги, по спискам – продоволь-

ствии, по нарядам – сырье, топливо, материалы. Самостоятельность предприятий была крайне ограничена. Фабрики не обладали собственными оборотными средствами, снабжение и распределение готовой продукции производилось без оплаты потребителем, по нарядам в строго централизованном порядке. Фабрики и заводы не могли вступать друг с другом в непосредственные хозяйственные связи. Поэтому, как только были закончены все дела, пребывание в Англии начало его тяготить, «он все чаще и чаще ворчал, что пора уже его отпустить домой, где непечатый угол работы»¹⁸⁰. И в июле 1920 г. вместе с Красиным он возвращается в Москву. Результаты поездки были вполне удовлетворительными¹⁸¹. В Лондоне делегацией было учреждено Всероссийское акционерное общество «Аркос», которое, не дожидаясь установления дипломатических отношений между двумя странами, начало торговый обмен. «Аркос» было зарегистрировано как частное акционерное общество, английское юридическое лицо. Оно было крупнейшим экспортно-импортным объединением в Англии, его конторы и отделения существовали во многих странах. К началу 1927 г. оборот «Аркос» превышал 100 млн фунтов стерлингов. Деятельность его прекратилась с началом Второй мировой войны.

В 1920–1921 гг. наряду с текстильной промышленностью, остававшейся главным его делом, Ногин занимается самыми разнообразными вопросами, одновременно участвуя во всевозможных комиссиях по разрешению самых разных проблем.

11 ноября 1919 г. он разрабатывает и докладывает на Президиуме ВСНХ «общее положение о введении премиальной системы оплаты труда»¹⁸².

С конца сентября 1920 г. участвует в работе Комиссии, избранной на 3 сессии ВЦИК, о разграничении функций отделов местных исполкомов и одноименных центральных органов (наркоматов)¹⁸³. Всем членам комиссии было поручено представить свои соображения (контрпроекты) или дополнения. Задачей комиссии был пересмотр Положения о советском строительстве, принятого VII Всероссийским съездом советов в декабре 1919 г. Ногину было поручено разработать инструкцию о правах уполномоченных, посылаемых центральными учреждениями на места и их взаимоотношениями с местными органами власти¹⁸⁴.

В ноябре-декабре 1920 г. Ногин возглавил Комиссию ВСНХ по ревизии горного дела, где ему пришлось улаживать конфликт между академиком И.М. Губкиным¹⁸⁵ (зам. председателя Горного совета) и Ф.Ф. Сыромолотовым (председателем). В этом конфликте Ногин поддержал Губкина, а суть конфликта заключалась в проблеме очень интересной, которую кратко можно обозначить так: управлять или руководить? Губкин в письме к Ногину от 27 октября 1920 г. просил об отставке, так как не был согласен с определением основной функции Горного совета. Он считал, что Горный совет должен объединять и руководить деятельностью горных главков (речь идет о таких главных управлениях ВСНХ, как Главруда, Главзолото, Центральный комитет промышленных разведок и др.), а не «управлять непосредственно всей горной промышленностью»¹⁸⁶, в противном случае «их самостоятельность была бы убита, и с них снята была бы ответственность за правильное и успешное ведение дела»¹⁸⁷. А Горный совет должен быть лишь «регулирующим и направляющим» органом. Ногин не только поддержал эту идею, но и пригласил Губкина участвовать в Комиссии по выработке Положения о Горном совете¹⁸⁸.

С конца января 1921 г. Ногин работает в Комиссии по проведению нового административно-территориального деления, образованной Президиумом ВЦИК по поручению VIII съезда Советов¹⁸⁹. Он привлекает к работе комиссии видных специалистов, в том числе А.В. Чайнова, П.А. Пальчинского¹⁹⁰ и др., сам разрабатывает принципы районирования, выступает с ними на заседании комиссии¹⁹¹, делает сообщение на заседании СТО 23 марта 1921 г. о районировании прилегающих к Петрограду губерний.

По вопросам административно-территориального деления у Виктора Павловича была своеобразная точка зрения. Прежде всего он считал, что в основу деления страны на административные единицы должны быть положены экономические нужды населения. Каждая административная единица должна совпадать с хозяйственной единицей. И каждая такая административно-хозяйственная единица должна иметь возможность удовлетворить сама свои потребности целиком и полностью, то есть каждая область, округ (губерния) должна «обеспечивать законченность процесса главной отрасли промышленности данного округа»¹⁹².

Точка зрения Ногина противостояла откровенной косности подходов со стороны многих партийно-государственных деятелей того времени, особенно группы Ларина¹⁹³. Последняя стремилась упростить проблему с помощью администрирования до механического объединения губерний. Разбираясь в этой проблеме, Ногин понял другое: реальная неуправляемость страной из единого центра настоятельно требовала поворота к *децентрализации власти и к демократизации управления*. Если нэп «всерьез и надолго», ему надо обеспечить пространственную базу для развития, сочетая элементы рынка с госкапитализмом. То есть вопрос об административном делении становился вопросом политическим, вопросом о переменах в политическом строе. А этому яростно противились сторонники «военно-коммунистической» теории и практики государственного и хозяйственного строительства. Борьба за реформу развернется позднее, когда Ногина уже не будет: попытки демонтажа военно-бюрократической системы партийной диктатуры в финале приведут к извращению основ районирования, к краху реформы.

Летом 1921 г. на страну обрушилась невиданная по масштабам засуха в Поволжье. Она захватила территорию восьми губерний, в которых буквально выжгла все живое. По далеко не полным подсчетам, голодало свыше 20 млн человек. Более месяца (с 19 августа по 28 сентября) Ногин находился в поездке по голодающим районам по реке Каме от Саранула до Перми. По дороге он делал беглые записи для себя, исписав тетрадь в 60 страничек¹⁹⁴. Картина, которая открылась перед ним, была удручающей по своей безысходности. Никакой свободной торговли в этих местах не было, подвоз хлеба в эти районы тоже отсутствовал. Даже детские учреждения в некоторых городах снабжали хлебом из лебеды с очень малым количеством овса, а крестьяне ели лебеду, желуди, рябину и т. п.

Но самое тяжкое впечатление у Ногина оставил советский и партийный аппарат: полная беспомощность и бездеятельность, особенно в низовом звене (волисполкомов) усугубляла и без того трудное положение. А кое-где вскрылись и бюрократизм, и волокита, и хищения, и кумовство, а то и нарушения законности («аресты по запискам без должного основания»).

«Народ измучили...», – записывает Ногин в своей тетрадке. 23 сентября в Перми в губкоме партии на совещании хозяйственников Ногин делает доклад. Выступили и другие руководители края. Сложилось впечатление, что местные работники до этого момента не имели даже представления о размерах бедствия.

С тяжелым сердцем вернулся он в Москву и снова с головой окунулся в не менее острые проблемы текстильной промышленности. Но здесь его снова подкарауливала командировка. На этот раз – далеко на юг, в Азию.

Подъем текстильной промышленности во многом зависел от обеспеченности сырьем, в первую очередь – хлопком. Еще в 1920 г. Совнарком РСФСР принял решение о восстановлении хлопковой культуры в Туркестане. В начале 1921 г. в Туркестане был создан Хлопковый комитет на правах наркомата. Но его первые шаги осложнялись тяжелой разрухой на транспорте: Ташкентская дорога была парализована, и подвоз хлопка из Туркестана в районы текстильных фабрик почти прекратился. Советское правительство неоднократно оказывало финансовую помощь Туркестанской республике для развития хлопководства. 29 января 1920 г. Совнарком выделил на заготовку хлопка и шерсти в Туркестане 1 млрд руб., 21 февраля 1920 г. было принято еще одно постановление о направлении в Туркестан поезда с мануфактурой и нитками в обмен на хлопок¹⁹⁵.

В апреле 1921 г. для упрочения федеративных связей и проведения политики советской власти по национальному вопросу Комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (Турккомиссия)¹⁹⁶ в новом составе выехала на место. Председателем Комиссии был назначен М.П. Томский¹⁹⁷. Для Томского это была новая сфера деятельности, а ситуация в республике была очень сложной. Только что была отменена продрозверстка (а также сырьевая и фуражная розверстка), началась земельно-водная реформа.

Томский не сумел сработаться с местными руководителями. 13 сентября 1921 г. Ленин в письме к А.А. Иоффе¹⁹⁸ пишет, что разногласия между Томским и некоторыми членами Туркбюро ЦК партии, в частности с Г.И. Сафаровым¹⁹⁹, приводят к разжиганию вражды между национальностями, между русскими и местным населением. Для нас, пишет Ленин, «дьявольски важно завоевать доверие..., доказать, что мы не

империалисты... Это мировой вопрос, без преувеличения мировой. Тут надо быть архистрогим»²⁰⁰. В связи с этим 14 октября 1921 г. Политбюро принимает решение о новом составе Туркбюро и Турккомиссии. Ленин предлагал послать в Туркестан Ногина, но на него «претендовали» и другие ведомства: Наркомат внешней торговли предлагал послать Ногина в Аргентину для закупок хлеба в связи с голодом в Поволжье, а Бела Кун просил оставить его в Профинтерне²⁰¹.

К туркестанским делам Виктор Павлович прикоснулся еще раньше, когда в правительстве обсуждался вопрос об организации оросительных работ в Туркестане. По утвержденному СНК РСФСР плану (май 1918 г.) подлежало провести оросительные работы на 500 тыс. десятин земли Голодной степи, Ходжента, Самаркандской области, 10 тыс. десятин в Фергане, построить водохранилища на реке Заревшан. Для осуществления этих проектов было создано Управление ирригационных работ в Туркестане «Иртур»²⁰².

Президиум ВСНХ 6 мая 1919 г., заслушав доклад Ногина, поручил ему срочно выяснить в Наркомвоене, можно ли проехать в Ташкент и организовать завершение работ по составлению проектов Иртура. Однако из-за военных действий далеко не все тогда удалось сделать.

В ноябре 1921 г. Турккомиссия в составе А.А. Иоффе (председатель), Я.З. Сурица²⁰³, Я.Х. Петерса²⁰⁴, В.П. Ногина, А.Р. Рахимбаева, Н.Т. Тюрякулова и др. начала свою работу по руководству хозяйственной и экономической жизнью Туркеспублики²⁰⁵. Уже в Ташкенте, ознакомившись с положением дел, Ногин пришел к выводу, что хозяйственное и политическое положение Туркестана «заставляет бить в набат»²⁰⁶. В этот период народы края переживали свою «октябрьскую» революцию, и в это же время начал вторгаться нэп, то есть, как писал Иоффе, в Туркестане одновременно был и 1917 и 1921 годы. Еще держались внутренние фронты, воевать приходилось перманентно и почти повсеместно. Новая экономическая политика там проводилась слабо, полное непонимание сущности нэпа привело к ряду непродуманных проектов, например, об уничтожении государственной монополии на хлопок. Ногин исходил из того, что в Туркестане «старой колониальной политике должно быть противопоставлено правильное разделение труда во всех частях федерации»²⁰⁷. Не считаясь с тем, что на хлопок

«никогда не было разверстки», писал Ногин, и что декреты СНК о восстановительной программе обеспечивали декхан снабжением «в таком количестве, какого никто из крестьян остальных частей РСФСР от государства не получал», противники государственной монополии успели провести ряд постановлений, направленных к срыву нэпа. Турккомиссии предстояло не только отстоять монополию, но и разработать немедленно ряд поощрительных мер для развития хлопководства в этом регионе.

Позднее Иоффе, вспоминая об этих днях, писал, что все, кто знал «Макара» и до этой поездки, еще раз удивлялись его неутомимости, энергии и самоотверженности, тем более что он уже тогда сильно страдал от болезни желудка. Сколько раз, писал Иоффе, глотая порошки, Ногин ворчал: «Вы, черти, тут меня вашей едой доканаετε...»²⁰⁸.

Турккомиссия решала самый разнообразный круг вопросов: о золотой валюте для Туркестана, о заключении договора с Бухарой на продажу каракуля, о борьбе с эпидемиями, о восстановлении транспорта, о закупках продовольствия в Бухаре, о борьбе с басмачами и контрабандистами, и даже об ассигновании 100 млн руб. на срочные работы по укреплению падающего минарета Улуг-Бека в Самарканде.

Но особенно тяжелое положение было с поднятием хлопководства, это было главной задачей Ногина, задачей почти неразрешимой.

Хлопковые районы своего хлеба не имели, питались только привозным. Ташкентская железная дорога, по выражению одного местного работника – колонизаторская кишка, была доведена до полного развала. Создалось такое положение, когда в хлебных районах не знали, что делать с пшеницей, а в хлопковых районах хлопок был дешевле хлеба и поэтому декхане не собирались на следующий сезон его сеять. Иоффе рассказывал, что «Макар» придумал такой способ поднятия хлопководства: он начал выдавать ссуды и премии под будущий посев хлопка, сам встречался с хлопководами и убеждал их в выгодности дела. И в результате сумел и старые запасы вывезти, и посевы расширить. Много лет я знал его, писал Иоффе, но работа в Туркестане заставила «меня еще больше полюбить и уважать этого самоотверженного работника, благородного человека и прекрасного товарища»²⁰⁹.

В январе 1922 г. Виктор Павлович вернулся в Москву, а можно сказать – в совсем другую страну.

Гражданская война была завершена. Внутренняя контрреволюция была разгромлена. Интервенты из страны изгнаны. Помещики и капиталисты были экспропрированы. Советское общество по классовой структуре стало обществом рабочего класса и особого мелкобуржуазного класса – крестьянства, которое, получив землю, поднялось до уровня среднего крестьянства. Кулачество в результате нивелировки размеров земельной площади не представляло прежней опасности. Крестьянство нуждалось в свободном товарообороте для реализации своего продукта и приобретения тех городских изделий (сельскохозяйственных орудий, мануфактуры, обуви, керосина, спичек, соли, домашней утвари), которые были ему необходимы в повседневной жизни. А разоренная двумя войнами экономика России не могла этого дать в достаточном количестве. Необходимость снятия с государственного снабжения предприятий, неудачи Наркомата продовольствия РСФСР с заготовкой сырья, плохое обеспечение предприятий топливом поставили вопрос – что дальше? Надо было найти выход из положения.

15 марта 1921 г. X съезд партии принял резолюцию «О замене разверстки натуральным налогом».

Нэп как хозяйственная реформа объединил две самостоятельные проблемы. Первая – изменение принципов отношений между предприятиями, которые отныне должны были строиться на хозяйственном расчете, вторая – временный допуск частного капитала в экономику, то есть «поступиться принципами» (что и было отступлением) в интересах крестьянства, чьи нужды государственная промышленность в связи с бедностью и разорением страны сама не могла удовлетворить.

Необходимо было коренным образом изменить как сами принципы работы промышленных предприятий, так и организационные формы управления промышленностью. «Военно-коммунистические» методы и вся система «главкизма» должны были уступить место совершенно другим принципам – рыночным. А это в первую очередь требовало децентрализации управления, предоставления значительно больших прав регионам, а не «центру». Когда на X съезде

партии обсуждались основные установки новой экономической политики, большевикам было очень трудно решиться на введение свободной торговли, и потому вслед за съездом на десятой партийной конференции был взят курс на регулируемый государством товарообмен. Посчитали, что прямой «тoварoобмен есть проверка правильного взаимоотношения промышленности и земледелия»²¹⁰. Однако крестьянство думало иначе: ему нужна была свободная торговля в виде отношений купли-продажи. И уже в октябре 1921 г. Ленин вынужден был сказать: «С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получилась обыкновенная купля-продажа, торговля. Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного обращения захлестнет вас!»²¹¹

Но как приспособиться? Свободная торговля, хозрасчет означали коммерческие отношения. Для их успеха необходимо было, прежде всего, повысить производительность труда, добиться безубыточности, а лучше – прибыльности каждого государственного предприятия.

Основные начала были определены в постановлении от 8 августа 1921 г. «Наказ СНК о проведении в жизнь начал нэпа» и 12 августа 1921 г. в «Основных положениях» о преобразовании «главквистской» системы, о восстановлении крупной промышленности и развитии производства²¹².

Имелось в виду, что важные и крупные предприятия будут восстанавливаться за государственный счет, более мелкие – силами и средствами частного капитала, нежизнеспособные предприятия будут вовсе ликвидированы. Промышленные предприятия, за исключением самых крупных (в том числе оборонных), передавались в непосредственное управление местным совнархозам, переводились на хозяйственный расчет, снимались с государственного снабжения и трестировались. Грандиозная перестройка промышленности была проведена довольно быстро. К осени 1922 г. перевод на хозрасчет был закончен. По переписи 1920 г. в России насчитывалось 37 017 национализированных промышленных предприятий. Среди них были мелкие и мельчайшие (с 1–2 рабочими), которые составляли 13,9%, мелкие предприятия с числом рабочих от 2 до 15 человек составляли 53,7%. На долю средних и крупных предприятий оставалось 32,4%²¹³. В результате хозяйственной перестройки часть

предприятий закрывалась совсем, часть сдавалась в аренду прежним или новым владельцам. Последние составляли до 33% всех находившихся на 1 января 1923 г. в ведении ВСНХ предприятий. Общее количество государственных предприятий уменьшилось с 37 тыс. до 13 тыс., из которых – 4 тыс. находились на аренде, 5 тыс. в эксплуатации, а около 4 тыс. бездействовали²¹⁴.

Большинство действующих предприятий были объединены в тресты, которые начали возникать в конце лета 1921 г. В них объединялись предприятия одной отрасли, удобно расположенные для объединения. Первый трест «Льноправление» был образован в августе 1921 г., в 1922 г. трестов было уже 484, они объединяли 4482 предприятия с числом рабочих 825 тыс. человек. К середине 1923 г. по всей стране насчитывалось 478 трестов: 133 центральных и 345 местных. Первые находились в ведении ВСНХ, вторые – в ведении местных губернских и областных совнархозов.

Тресты были общероссийские, областные, губернские. Первые подчинялись непосредственно ВСНХ, вторые – Промбюро, третьи – губсовнархозам. Исключением были 23 текстильных и 13 лесных трестов: они оказались в двойном подчинении (ВСНХ и губсовнархозам) из-за споров за них между «центром» и «местами».

Каждый трест непосредственно возглавлялся Правлением, которое и являлось органом управления треста, распорядителем кредитов.

Входя в состав треста, заводы и фабрики юридических прав не имели, являлись как бы структурными подразделениями трестов. Крупным организациям, каковыми и являлись тресты, было легче конкурировать на рынке, чем мелким предприятиям.

Эта форма очень быстро привилась в текстильной промышленности. Но тресты не только производили конечный продукт, она должны были его продать, то есть заняться торговлей. Они начали торговать, не зная условий и емкости рынка, не зная условий, определяющих колебания цен.

Да еще, кроме этого, на трестах лежала забота о заготовлении продовольствия для своих рабочих, сырья и топлива для фабрик. И каждый неудачный шаг трестов грозил им большими расходами, так как посредники, а проще – спекулянты-перекупщики, присасывались к ним.

Ногин понимал, что трест должен быть полномочным хозяином на рынке. Но получалось это на первых порах плохо (в силу разных причин, а главным образом от неумения торговать, от неумения овладеть рынком).

Трудности сбыта продукции трестов поставили вопрос о создании специальных органов в этой области. Первая попытка наладить сбыт продукции государственных предприятий путем создания в октябре 1921 г. торговых отделов при Центроснабе ВСНХ и при губснабах местных совнархозов не удалась: они не справились со своими задачами²¹⁵.

Начальник Главтекстиля и Главного хлопкового комитета В.П. Ногин, возглавивший в этот момент комиссию по реорганизации ВСНХ, поставил вопрос о необходимости синдицирования. 21 января 1922 г. Президиум ВСНХ РСФСР согласился с этим предложением. Так наряду с трестами вскоре появились синдикаты, которые не должны были заниматься производством. Синдикаты представляли собой добровольные хозрасчетные паевые торговые организации трестов, выполнявшие функции сбыта промышленной продукции трестов. Управленческим органом синдиката было Собрание уполномоченных, совет, правление (или единоличный заведующий). Собрание уполномоченных должно было рассматривать и утверждать годовой отчет, баланс, смету расходов синдиката и т. п. Другими словами, оно обладало правами собрания акционеров в акционерных обществах, с тем, однако, отличием, что ряд вопросов оно не могло решать окончательно и представляло их на утверждение ВСНХ или губернского совнархоза.

Решение о синдицировании промышленности ВСНХ РСФСР принял 21 января 1922 г. по проекту, который был разработан специальной комиссией под председательством В.П. Ногина. Энтузиаст и идеолог синдицирования, Ногин стал председателем самого крупного тогда синдиката – Всероссийского текстильного синдиката (ВТС), а позднее возглавил Всероссийский совет синдикатов.

Синдикаты были вызваны к жизни тем хаосом в торговле, который образовался при первых шагах нэпа. Виктор Павлович представлял, что в новых условиях схема управления должна стать такой. Вопросы регулирования всей текстильной промышленности, выработка планов, программ,

согласование их с планами других отраслей промышленности должны быть возложены на текстильную секцию Центрального производственного управления ВСНХ. При этом никаких оперативных заданий секция на себя не берет. Все дело управления принадлежало бы правлениям трестов. Правления трестов должны быть выборными органами, формирование которых должно происходить при участии губсовнархозов и профсоюзов. Что касается продажи продукции трестов, заготовки для них продовольствия, топлива, сырья, а также кредита – все это теперь должен делать синдикат. ВТС становился таким образом как бы исполнительным органом правлений трестов.

ВТС был образован 28 февраля 1922 г. как хозрасчетный орган, его высшим органом было Собрание уполномоченных²¹⁶. Учредителями ВТС стали 17 хлопчатобумажных, 9 шерстяных, 8 льняных трестов, шелковый, трикотажный, пеньковый тресты и Главный хлопковый комитет. Он создавался для регулирования текстильного рынка.

На 1 декабря 1922 г. всего было синдицировано 38 трестов, объединявших 390 фабрик (из них работало 295), где было занято 284 624 рабочих²¹⁷. Они давали по сравнению с 1913 г. (в границах СССР) 15,9% хлопчатобумажных, 43,2% шерстяных и 44,5% льняных тканей.

Синдикаты коренным образом отличались от прежних главков. В статье «Быть или не быть синдикатам?» Ногин определял синдикат как свободное и инициативное объединение трестов для разрешения задач в области заготовки сырья, торговли. Тресты, входя в синдикат, могли давать ему на продажу всю свою продукцию или только ее часть, а остальное сбывать самостоятельно. Централизованный сбыт через синдикат был эффективнее, но если он навязывал невыгодные условия, трест был вправе отказаться.

«Наиболее верными, близкими ценителями работ синдикатов, – писал Ногин, – являются сами тресты»²¹⁸. Благодаря синдикатам тресты освобождались от посредников, то есть от заготовителей-сырьевщиков, которые рассматривали промышленность как источник своих доходов и часто влекли их руководителей на скамью подсудимых. Самих же сырьевщиков, как считал Ногин, тоже надо включить в синдикат, тогда последний мог бы перейти «к общим генеральным договорам» с ними. А пока ВТС мог лишь

бороться против безудержного взвинчивания цен, которое проводили сырьевые организации.

Виктор Павлович считал, что только полная свобода действий трестов является гарантией их успеха, «нельзя поэтому допустить и мысли, – писал он, – о каком-то бюрократическом управлении трестами»²¹⁹. Таким образом, возникнув как органы исключительно торговые, синдикаты фактически тяготели к тому, чтобы стать органами, регулирующими производство, специфическими плановыми и централизующими функцию сбыта в своей отрасли. Если тресты были органами так называемой горизонтальной концентрации производства, то синдикаты, как это представлялось Виктору Павловичу, становились органами регулирования цен и всех рыночных отношений.

Но в таком случае возникал вопрос – а какая же роль отводится государственному органу по управлению промышленностью в лице ВСНХ? Ногин считал, что в этих условиях за ВСНХ надо сохранить только «контрольно-наблюдательные функции и решительно отмежевать его от всех операционных заданий»²²⁰.

В октябре 1922 г. Ногин выступает со статьей «Долой перекупщиков». В ней он обнародовал результаты обследования, которое ВТС провел в сентябре 1922 г. Обследование выявило, что целый ряд самых разнообразных организаций и учреждений перекупщиков продавали закупленные у трестов текстильные товары по очень высоким ценам. Цены эти были выше того порога, который утвердил Комвнуторг (Комиссия по внутренней торговле при СТО): ситец на 55–80% и выше, полудрап – на 111% и т. п. Кто были эти перекупщики? Частные торговцы, ГУМ, кооперативы, губсоюзы потребительской кооперации, облторги, губторги, райторги, Центросоюз, частные оптовики. К ним относились еще и целый ряд, как писал Ногин, «губернских снабженческих органов, которые не занимаются теми работами, ради которых они были созданы, а ведут исключительно торговые операции ради самой торговли»²²¹. Нельзя ли обойтись без них, то есть без посредников между трестом и покупателем? – спрашивал Ногин и отвечал: можно и нужно, поручив эту работу исключительно синдикатам. Ведь пока тресты торговали сами, они продавали свои товары почти за бесценок, дешевле их себестоимости, стремясь быстро продать товар и

выручить хоть какие-то деньги в условиях инфляции. При этом товар далеко не возили, сбывали, как правило, в центре, в Москве, из-за неорганизованности провинциальной торговли и слабости транспорта. В 1922 г. Москва, как и раньше, была крупным «мануфактурным торжищем», была наводнена представителями различных торговых организаций. А так как твердой денежной единицы в стране еще не было (до первой денежной реформы оставалось еще 2 года), то единственной надежной «валютой», куда можно было помещать накапливаемые средства, была мануфактура. Она проходила через 10–15 рук, прежде чем попадала к потребителю. Отсюда – периодически повторяющиеся кризисы сбыта, которые тоже толкали хозяйственников на снижение цен. Но ведь предприятия сами понимали, что если и дальше понижать цены, это приведет в конце концов к полному разорению, а крестьянин, «узнавши, что мы продаем ему товары за бесценок, назовет нас дураками», писал Ногин в статье «Должно ли советское государство продавать свои товары за бесценок»²²². Чтобы этого не произошло, и нужен был синдикат.

Синдикат в свою очередь сам был в зависимости от трестов (или – должен был быть), которые его создавали, выделяя уставной капитал. Тресты посылали в него своих уполномоченных на выборы правления синдиката, утверждали его устав, то есть деятельность синдикатов регулировалась не административными рычагами, а экономическими. Ногин считал, что главная задача ВТС – плановое регулирование торговли и в определенной степени управление самим производством.

Синдикаты были встречены хорошо, к концу 1922 г. они объединяли 53% трестированных предприятий, хотя и была известная доля скептицизма. Руководители некоторых трестов считали, что синдикаты скатываются к «главкизму». Возник спор. В «Экономической жизни» в феврале 1922 г. была опубликована статья, автор которой, некто Маркович, выступил против синдикатов, а организацию ВТС назвал собранием текстильной промышленности в Ноев ковчег, лично Ногина обвинил чуть ли не в контрреволюции, в «подрывании основ» и т. п. Ногин говорил: «Плохие синдикаты обречены на распад, а хорошие обязательно превратятся в тресты»²²³, т. е. в такие органы, которые управ-

ляют уже не только торговлей, но и самим производством. Жизнь скоро подтвердила это.

Прежде всего, ВТС занялся разгрузкой Москвы от мануфактуры. В течение 1922–1923 гг. он создал 25 оптовых отделений и около 10 розничных магазинов²²⁴. ВТС открывал отделения в разных районах страны: в Екатеринбурге, Ереване, Харькове, Киеве, Омске, Петрограде, Ростове-на-Дону, Одессе, Баку, Минске, Ташкенте, Саратове. Личный состав отделений подбирался из старых мануфактурных работников с большим торгово-коммерческим стажем. С их помощью тресты освободились от неходких в Москве товаров, которые московский рынок уже не принимал, но которые довольно охотно принимала провинция. ВТС добивался удешевления накладных расходов, снижал постепенно те накладки, которые он делал в отделениях. Кроме того, удалось достичь такого положения, когда оптовые покупатели сократили свои поездки в Москву.

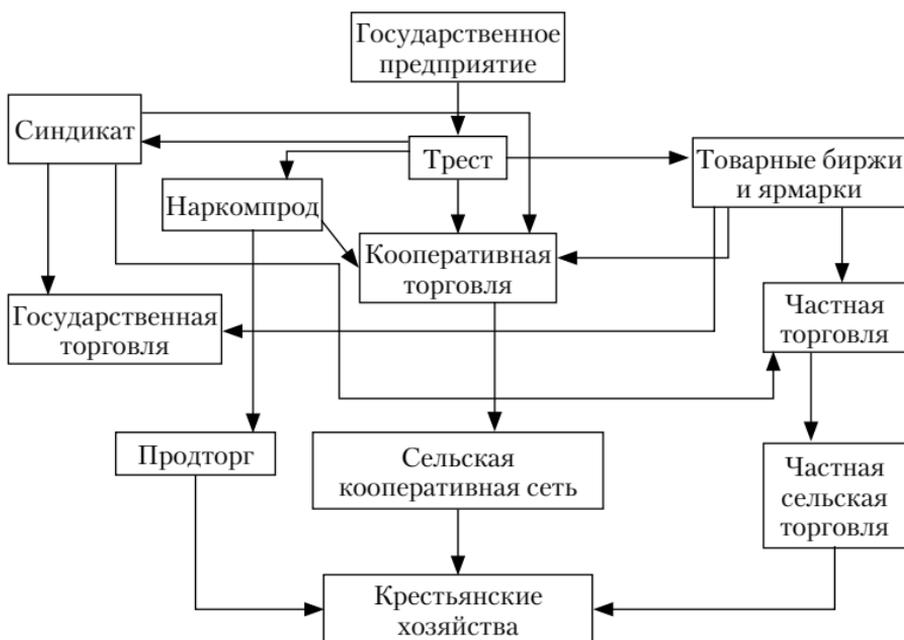
В декабре 1922 г. на собрании заведующих отделениями ВТС был поставлен вопрос об ассортименте. ВТС предложил фабрикам и трестам план перехода к выработке определенного ассортимента. Этот план был принят и был выполнен: он обеспечил потребителя тем товаром, который был ему нужен. Это постепенно привело к удешевлению накладных расходов, дало возможность ВТС постепенно снижать расходы. Текстильная промышленность стала зависеть не только от московского рынка, но и от рынка всей страны, ее положение стало более устойчивым.

При возникновении ВТС столкнулся с тем, что отсутствие учета и калькуляции у трестов приводило их к разбазариванию продукции и к уменьшению основного капитала. Тогда ВТС создал калькуляционный отдел, который в течение года провел громадную работу, выровнял цены. В 1923 г. торговая деятельность ВТС резко возросла. Сдача продукции трестами синдикату выросла в 5 раз, оборот ВТС вырос с 7 млн товарных руб. в 1922 г. до 71 млн червонных руб. за 9 месяцев 1923 г.²²⁵ В 1923 г. открываются новые отделения в Тифлисе, Иркутске, Чите, Барнауле, Бухаре, Перми, Казани и в трех городах Ирана – Реште, Тавризе, Мешхеде. В отделения ВТС направлял теперь до 50% принятых от трестов товаров. Увеличив загрузку отделений, ВТС сумел снизить накладные расходы на 2–4%, организовать продажу в кредит под векселя.

Но осенью 1923 г. в народном хозяйстве обнаружись осложнения, связанные с расхождением высоких цен на промышленные товары (в том числе и на ткани) и низких цен на продукцию сельского хозяйства. Наступил кризис сбыта. Обострению кризиса способствовали недостаточное развитие торговых отношений, политика высоких цен синдикатов, высота накладных расходов в промышленности, слабое развитие транспортной сети, система двух валют (началась денежная реформа), при которой крестьянство наиболее страдало от обесценения советских знаков.

Применительно к текстильной промышленности объяснялось это тем, что хотя ВТС и был обязан продавать товар в первую очередь государственным и кооперативным организациям, прежде чем он – товар – попадал в розничную торговлю, он проходил через множество владельцев: Центросоюз, губсоюз, райсоюз и т. п., каждый из которых делал накидку к цене. Получалось, что ситец, который ВТС продал в Москве по 33 копейки за аршин, в Царицыне уже продавался по 2 рубля, что при низкой цене хлеба делало этот ситец совершенно недоступным для крестьянина.

Схема продвижения товаров государственной промышленности в деревню в 1922 г. выглядела так:

С начала кризиса сбыта Ногин предлагал отказаться от посредничества центрального аппарата Центросоюза, губторгов и т.п. и обслуживать кооперативные союзы через оптовые базы ВТС. 2 октября 1923 г. на заседании Правления ВТС было решено снизить цены на товары крестьянского спроса, предоставив льготы первичным кооперативам. Первые два снижения – 18 октября 1923 г. и 1 марта 1924 г. – сразу сделали текстильные товары доступными широкому покупателю и во втором полугодии 1924 г. спрос превысил, наконец, предложение²²⁶.

ВТС за эти годы сумел организовать достаточно сильный заготовительный аппарат, это удешевило расходы трестов и позволило им понизить цены. С другой стороны, ВТС повысил цены на сырье (хлопок, лен, коноплю) и тем дал возможность крестьянину получить больший доход, чем от хлеба. Убедившись, что большие трудности с заготовкой и перевозкой сырья возникают из-за неразвитости транспорта в некоторых районах, ВТС поставил вопрос в ВСНХ и Госплане о необходимости строительства Семиреченской железной дороги и выделил на это из собственных средств 300 тыс. рублей золотом.

Таким образом, ВТС занимался организацией рынка, развернул сеть оптовых баз, через которые продукция поступала в торговлю, наладил торговый аппарат, выяснил потребности рынка и устанавливал ассортимент. Годовой оборот ВТС по торговой деятельности за 1923/24 хозяйственный год составил 255 936 тыс. рублей. Постепенно шло увеличение и собственного капитала синдиката, он составлял на 1 октября 1923 г. 11,8 млн руб., на 1 октября 1924 г. – 23,8 млн руб., на 1 октября 1925 г. – 31,2 млн руб.²²⁷ Правда, в первое время тресты плохо платили паевые взносы в синдикат, на 1 апреля 1922 г. они составили 7%, на 1 января 1923 г. – 35%. Тогда ВТС взял небольшую по тем временам – 3 триллиона руб. (дензнаками 1922 г.) – ссуду в Госбанке и использовал ее для закупки товаров у трестов, которые находились в особо тяжелом положении, тем самым избавив их от необходимости продавать свою продукцию на рынке совсем уж по бросовым ценам. В пору кризиса это было очень важно. Введение в торговый оборот червонцев создало условия для вексельного кредита. И скоро синдикат сам мог давать кредиты трестам. Опыт ВТС показал,

писал Ногин, что «только синдикаты смогут оказать товарный кредит нашим сельскохозяйственным организациям или кооперативным и иным, с которыми им приходится сталкиваться по проведению в жизнь операций по заготовке сырья»²²⁸. Все это привело к улучшению дел на фабриках, а затем стало возможным уменьшение расходов и в производстве. Если в 1921–1922 гг. тресты торговали по цене ниже себестоимости, с созданием ВТС эта полоса разбазаривания быстро кончилась. Промышленность постепенно вставала на ноги. ВТС начал снижать цены на свои товары задолго до решений XII партконференции, на которой было предложено «искать у себя» пути снижения цен.

Был ли ВТС исключением? К моменту кризиса сбыта (1923 г.) текстильная промышленность почти восстановила свой довоенный объем производства. В этой отрасли гораздо быстрее был оборот капитала, чем в металлургии или машиностроении, доходы почти сразу же подпитывали новые производства. Несмотря на трудности, перебои в кредите, несмотря на ряд сбоев, полученных из-за краха разных частных фирм, процесс оздоровления продолжался, «мы вылезаем, – писал Ногин, – из трясины бестоварья»²²⁹. Все это позволило ВТС по соглашению с Наркоматом продовольствия провести с 1 марта 1924 г. понижение цен на хлопчатобумажные ткани на 15%, на льняные на 10%, на камвольные на 20%. «Промышленность, – писал Ногин, – сделала громадную жертву в полном сознании своего государственного долга. Эта жертва будет стоить ей недешево»²³⁰. Он предлагал собранию уполномоченных ВТС теперь перейти от работы наугад к работе по плану: сократить ассортимент и давать наиболее дешевые, практичные ткани, чтобы полностью удовлетворить потребность населения. Это позволило бы сразу насытить рынок. А переход к массовому производству и в широком ассортименте, как планировал Ногин, можно будет осуществить с 1925 г.

В 1923 г. синдикаты прочно утвердились в хозяйственной жизни. Но далеко не все из них работали так, как ВТС. Стала нарастать критика работы синдикатов. В других синдикатах положение было иное: они всегда и везде отстаивали свои ведомственные интересы, особенно в политике цен, становясь тем самым уж очень похожими на капиталистические монополии. Неслучайно Ленин в проекте тези-

сов о роли и задачах профсоюзов в условиях нэпа обращал внимание на то, что неизбежные пока ведомственные интересы и преувеличенное ведомственное усердие в условиях хозрасчета «неминуемо порождает известную противоположность интересов между рабочей массой и директорами, управляющими госпредприятий или ведомствами, коим они принадлежат»²³¹.

Такие синдикаты проводили политику высоких цен из стремления к прибыли, подрывая тем самым союз рабочего класса и крестьянства. Ведь перестав покупать у государства (если цены высоки), крестьянин покупал у частного. И получался союз крестьянина с частником, а не с рабочим.

Усиление роли трестов и синдикатов сопровождалось ослаблением их связей с центром. ВСНХ постепенно «растерял своих птенцов», ослабились связи и местных трестов с губсовнархозами. Этого допустить административно-командная система управления не могла. Тем более что новая перестройка совпадала с другой – политической реформой: образованием СССР.

Теперь с образованием СССР вся промышленность была разделена по значению и подчиненности на три категории: общесоюзную, республиканскую и местную. Из 130 трестов общесоюзного значения (независимо от того, в какой республике Федерации они находились) непосредственно за ВСНХ СССР было оставлено 75 самых важных и крупных. Они стали непосредственно подчиняться Центральному управлению государственной промышленности (ЦУГПРОМ) ВСНХ СССР. 3 марта 1924 г. Огрбюро ЦК РКП(б) утвердило назначение В.П. Ногина председателем правления ВТС и старшим директором по текстильной промышленности ЦУГПРОМ ВСНХ СССР²³². Остальные тресты и предприятия передавались ВСНХ союзных республик и их местным губ (обл) совнархозам.

Декрет о центральных трестах от 10 апреля 1923 г. давал ВСНХ СССР право влиять на главные моменты в деятельности этих трестов, хотя и оговаривалось, что «центр» не должен вмешиваться в их текущую оперативную и административную работу. Теперь «центр», то есть ВСНХ СССР:

- 1) управлял капиталами трестов;
- 2) определял руководящий состав трестов (уже была введена в практику номенклатура и все назначения по тре-

стовским верхам проходили только через Оргбюро или Политбюро ЦК партии);

3) осуществлял полный контроль над деятельностью трестов – обследовал их работу, рассматривал их балансы и т. п.

Что касается республиканских и местных трестов, то декрет от 17 июля 1923 г. оставлял за губсовнархозами обширную компетенцию, еще более жесткую систему контроля, не оставляющую трестам никакой самостоятельности. Такой подход отрицал сами основы нэпа, подрывал всякое предпринимательство трестов, вел к огосударствлению промышленности, что и не замедлило начаться в середине 20-х годов. Ленин предполагал существование нэпа на долгие годы, строя экономику на всемерном развитии товарно-денежных отношений, идя пусть и медленно, но вместе с крестьянством, принаравливаясь к существующим условиям. Такой путь предполагал наиболее полное кооперирование крестьянства, развитие крупной промышленности, способной реорганизовать и земледелие. Характеризуя нэп, Ленин обращал внимание на то, что старательный крестьянин становится центральной фигурой хозяйственного подъема и при наличии кооперирования свободная торговля с крестьянством не таит для нас, говорил он, никакой опасности²³³. Однако, как известно, нэп просуществовал относительно недолго. Но Ногин уже не увидит этого.

2 февраля 1924 г. председателем ВСНХ СССР был назначен Ф.Э. Дзержинский. Он быстро понял, что синдикаты необходимо не только сохранить, но усилить, сделав их уже не представителями трестов, а представителями государства, поставив перед ними задачу по наблюдению за розничными ценами, дав им необходимые права для вмешательства в торговлю в сторону понижения цен. Одновременно Дзержинский понимал и другое: чтобы синдикаты хорошо работали, надо выработать гарантии против их бюрократического перерождения. К сожалению, последующая практика показала, что далеко не все руководители синдикатов понимали и принимали «государственный интерес».

Многие синдикаты явно тяготели к тому, чтобы стать монополистами (в отрасли или по производству одного вида товара или продукта) и навязывали покупателю высокую цену за свой товар.

ВТС Ногина был демократическим представителем коллективных интересов предприятий перед другими отраслями и перед государством. И в то же время ВТС был представителем государственных интересов перед своими предприятиями. ВТС был похож на западные акционерные компании с той только разницей, что у ВТС капитал принадлежал государству, а не частным лицам.

Уже в 1922 г. ВТС вышел на внешние рынки: для развития операций за границей ВСНХ РСФСР разрешил ему открыть свои представительства в Берлине, Лондоне, Риге в 1923–1924 гг. ВТС открыл три отделения в Персии, организовал там закупку сырья (шерсть, кенаф, чернильный орех и т. п.). Для получения валюты ВТС экспортировал вместе с Льноторгом лен, льняные ткани, канаты, лоскут. На вырученные деньги ВТС закупал красители и химикаты по более дешевым ценам, чем рыночные.

С начала 1923 г. остро встал вопрос о сырье. Главный хлопковый комитет удовлетворял потребности текстильной промышленности в хлопке на 40%. Иногда ВТС предпринимал сложные обходные маневры. Например, отправив 11 вагонов тканей в Иран и 3 вагона в Монголию, на вырученные от продажи деньги ВТС заготавливал шерсть по низким ценам и продавал ее обществу «Шерсть» (часть экспортируемого сырья ВТС принимал от кооперативов или госторгов как уплату за товары и затем продавал его за границу через Госторг и «Аркас»). В Сибири, например, две трети оборота совершались в обмен на сырье. И несмотря на то что экспорт тканей в восточные страны рос, отдельные удачные сделки положения дел не меняли.

И тогда ВТС занялся импортом хлопка, связавшись с крупнейшим в тот период экспортером – США.

Это была непростая операция. Дело в том, что все закупки хлопка для Европы тогда были монополизированы гамбургскими купцами-перекупщиками. Поездка Ногина в ноябре-декабре 1923 г. как представителя ВТС в США вызвала переполох среди гамбургских перекупщиков. Его сбивали с толку, запугивали, доказывая невыгодность прямых связей с Америкой. До конца 1922 г. ВТС закупал значительное количество хлопка, до 2 млн пудов, через Бремен, переплачивая миллионы перекупщикам. До этой поездки ВТС не имел возможности получить кредит в каком-либо иностранном банке.

«Мы принуждены были пользоваться, – писал Ногин, – только кредитом хлопкоотроговцев, который был не только дорог, так как приходилось платить за него большие проценты, но и вызывал переплату в ценах и отражался на качестве хлопка, так как мы очень часто принуждены были брать хлопок именно у тех фирм, которые оказывали нам кредит»²³⁴.

Посетив ряд банков США, Ногин скоро понял, что для успеха дела, для получения кредитов надо... открыть контору. И открыл общество «All Russian Textile Syndicate inc.» с основным капиталом в 1 млн долларов. С его помощью он смог правильно организовать закупку хлопка, получить кредиты от одного из крупнейших американских банков. Так ВТС разбил гамбургскую монополию, установил прямые связи с США, освободился от необходимости оплачивать дорогостоящие услуги перекупщиков.

В США Ногин посетил до 30 фабрик и заводов. Отметил для себя три главных момента: специализацию, разделение труда и механизацию. Каждая фабрика давала не более 2–3 сортов ткани (а в СССР – до сотни), отдельные фабрики давали только один вид продукции, ткань только для простыней или только для автопокрышек. «Меньше сортов, больше выработки»²³⁵, – записывает для себя Ногин. – Ни одна фабрика не занимается торговлей, торгуют коммиссионные фирмы: они забирают товар у фабрик и распределяют по своим отделениям». Ни на одной фабрике он не увидел склада готовых изделий: считалось, что работа на склад нерентабельна. Если нет заказов – фабрика останавливалась. Эта поездка была полезной во всех отношениях, но главное, Ногин убедился, что курс, взятый ВТС, был правилен.

Эта поездка была его последней командировкой. О деловой стороне поездки – главным образом о работе текстильной промышленности и торговых предприятий – он подробно рассказал в статье, опубликованной в «Правде» 23 марта 1923 г.

Что касается общих впечатлений, о них он писал в письмах к жене.

23 ноября 1923 г.:

Милая, дорогая Оля! Третьего дня мы приехали в Нью-Йорк., моментально меня закружили и начались неотложные деловые разговоры... Все здесь оказалось проще,

не так блестяще, как в европейских столицах, и грязнее. Движение по улицам гигантское, город кипит и давит своими небоскребами, автомобилями, ж.д., дорогами подземными, воздушными и проч. Но все-таки это не то, что я ждал.

7 декабря:

Милая, дорогая Олюша! Пишу тебе, пользуясь коротким моментом свободного времени, приходится так крутиться, что в Москве то у меня было больше свободного времени... Круг людей, среди которых мне приходится быть, это главным образом торговцы хлопком, банкиры, заводчики, фабриканты и газетчики, а также здешние политики, главным моим делом являются поиски кредита – думается мне, что найду его, есть хорошие признаки... Поражает также прекрасная организация работы на фабриках и разделение труда на них...

Коленца А.И. (А.И. Рыков, тогда председатель ВСНХ СССР. – Т. К.) меня не пугают: ВТС уже даже здесь признан, и во всех специальных журналах есть достаточно лестного для него.

По поводу ВТС – и правда, он считался крупнейшим предприятием, хотя бы потому, что имел наибольшее количество веретен в мире. На приемах у американских банкиров, представляя Ногина, например, самому крупному продавцу хлопка, обычно говорили о нем как о самом крупном покупателе хлопка²³⁶. Кстати, на этих приемах его засыпали вопросами: почему произошла революция, почему пал Керенский, что такое «военный коммунизм» и нэп, и даже – думает ли советское правительство свергнуть американское и будет ли в Америке коммунизм.

12 декабря:

Эти дни у меня опять были бешеные: был занят с утра до ночи всякими делами, главным образом в банках. Я решил организовать здесь нашу контору на основании закона Соед. Штатов с капиталом в один миллион долларов. Это очень помогло и облегчило мои разговоры в банках. Думаю, что удастся получить кредит. Удалось найти очень хорошего специалиста по хлопку, большого знатока дела... В банках иногда приходится читать чуть не целые лекции, слушают

с громадным интересом. Хотя мой английский и подвигается, но все же я жалею, что не знаю его в совершенстве...

К здешней жизни начинаю привыкать и чуточку понимать ее, страшной она мне не кажется уже, да и на самом деле здесь значительно проще, чем мы в России представляем. Вот только не могу привыкнуть к нью-йоркскому воздуху, очень уж он плох – прямо нечем дышать...

19 декабря:

На этих днях я оформил организацию по американским законам All Russian Textile Syndicate incorporated, что дало мне возможность получить кредит на хороших условиях...

Но наиболее меня измучили Муравьев и Притвиц (первый – ведущий специалист ВТС, второй – уполномоченный ВТС по закупкам хлопка. – Т. К.), которые все время – Муравьев из Москвы, а Притвиц из Бремена – доказывают преимущества Бремена и ненужность покупок в Америке и довольно ловко и упорно добиваются затягивания американских дел. Приходится поэтому иной раз идти напролом. Главный вопрос, который тут приходится ставить, – это чьи интересы защищают эти господа?

28 декабря:

Как ни хочется мне выбраться отсюда, но разве можно, несмотря на всю присущую американцам быстроту, так быстро пустить в ход громадную закупочную машину... Д-р Max Einhorn, о котором мне говорил пр. Александров, оказался жив, и я был у него сегодня. Он настойчиво советует, чтобы я лег к нему в госпиталь... Очень уже надоели мне эти исследования, но смутило меня его замечание, что он сомневается, что причиной моих болей – они продолжают – являются спайки...²³⁷

За год до поездки Ногин перенес операцию удаления желчного пузыря. В клинике М. Эйнхорна, куда профессор Александров дал Ногину рекомендательное письмо, обнаружили язву желудка, но лечение ее Ногин отложил до возвращения в Москву.

Теперь на очереди был вопрос о создании Союза или Совета синдикатов. Ногин мечтал, что Совет синдикатов

станет тем органом, который будет рассматривать портфель векселей всех синдикатов и трестов (он называл это клиринг-хауз). «Скажем, появился ряд организаций, которые просят отсрочки платежа, или какая-то торговая организация потерпела крах. Совет рассматривает эти вопросы, решает, кому из покупателей может быть оказана поддержка, а кто из них должен быть признан безнадежным. Совет определял бы количество и список потенциальных покупателей, предпочтительных для государственной промышленности и т. п.»²³⁸ Заметим, что Советы синдикатов начали возникать еще с 1922 г., но имелись они далеко не везде – не во всех отраслях промышленности и не во всех регионах – а Всесоюзный совет синдикатов будет создан лишь в 1926 г.

Последний раз Ногину пришлось выступать по этим вопросам на XII съезде партии (апрель 1923 г.) в связи с нападками Лядова и Троцкого на возглавляемую Ногиным отрасль. Заметив, что своим «комвраньем» они подрубают сук, на котором сидят, Ногин дал краткую и емкую характеристику состояния дела. Мировой сбор текстильного сырья до войны, говорил он, был равен 491 млн пудов, из них Россия производила 78,5 млн пудов (16%). К 1923 г. мировой сбор составил 385 млн пудов, из них Россия производила 11,5 млн пудов (3%). То есть за последние годы произошло сокращение посевов технических культур и в мире, и в России, что не могло не отразиться на мировых ценах в сторону их роста (в США и Англии – в два раза). «Я думал, – говорил Ногин, – что в тезисах Троцкого по хозяйственным вопросам будет сказано о торговле, но в них – ни слова. Возможно, это не его вина: в стране нет даже такого учреждения, которое взяло бы на себя руководство государственной торговлей, а то, которое есть – Комвноторг²³⁹ – интересуется только частной торговлей». Поэтому вопросы государственной торговли «приходится вести до сих пор полулегальному учреждению – совету синдикатов»²⁴⁰. Ногин был убежден, что торговать должны синдикаты: они уже сейчас продают товар главным образом государственным учреждениям и кооперации и только 11% частникам, тогда как тресты продавали частникам до 90% своей продукции.

Рассматривая все эти события из сегодняшнего далека, приходится признать, что Ногин был более прозорлив в своем понимании нэпа, чем многие представители старой

«партийной гвардии». Как только был декларирован нэп, сразу же обнаружилась непоследовательность курса, причудливое сочетание шагов вперед и назад. С одной стороны – стремление предприятий к хозяйственной самостоятельности (движение снизу), сопровождаемое громкими фразами о предоставлении прав «производителям», с другой стороны – попытки государственной власти ввести это движение в какие-то границы (движение сверху), регулировать рынок, то есть фактическое ограничение прав этих самых производителей. Все это можно объяснить только крайней боязнью развития капитализма в экономике страны. Такие понятия, как хозрасчет, кредит, прибыль, рынок, для представителей старой партийной гвардии и новых «командиров» промышленности, только что вышедших из окопов гражданской войны, были не чем иным, как признаком возрождающегося капитализма. С ним-то они и намеревались бороться, так как конечным результатом, которого предстояло достичь «в конце нэпа», было не рыночное, а плановое хозяйство. Представляется, что и на создание синдикатов «власть» (в лице ВСНХ) дала свое согласие только исходя из желания и стремления сохранить государственную монополию на наиболее важную продукцию, сохранить свое – то есть аппарата ВСНХ – влияние на промышленность, сохранить в промышленности элементы централизации, понимаемые как элементы «социализма». Ведь с точки зрения аппаратчиков из ВСНХ синдикаты должны были стать центрами, организующими сбыт государственной промышленности, устанавливающими государственные цены на нее. При этом синдикаты должны были выполнять директивы ВСНХ по снабжению различных государственных ведомств самой разной продукцией.

Создавая синдикат, Ногин не мог предположить, что из структуры рыночной они после 1924 г. выродятся в структуру распределительную: создание в 1924 г. Наркомата по внутренней торговле СССР означало, что ценообразование, как одна из составных частей рыночной экономики, будет подчинено административному регулированию. С образованием Наркомата ни тресты, ни синдикаты уже не имели возможности изменять оптовые цены без ведома наркомата. Другими словами, синдикаты, лишившись права устанавливать цены (что и определяло их положение как коммерче-

ских органов), начинают развивать свои административные функции, невероятно быстро приспосабливаясь к системе централизованного управления. Дефицит промышленной продукции, отсутствие конкуренции, государственное регулирование цен способствовали тому, что руководимая «сверху» промышленность сама становится «диктатором» в отношении потребителя в силу своей независимости от колебаний спроса и предложения.

Если исходить из идеи, что нэп мог стать той экономической реформой, которая с неизбежностью потянула бы за собой и реформу политическую (а в истории России всегда все начиналось с реформ экономических, а не политических, в том числе и переживаемая нами сегодня «перестройка»), то Ногин был прав в оценке роли и места синдикатов. Это была не только полезная, но и объективно необходимая форма организации народного хозяйства. Начав с объединения торговых связей предприятий одной отрасли, передавших их одному хозрасчетному центру в лице синдикатов, последние неизбежно перерождаются и в коммерческое и в производственное единство уже на новом витке развития народного хозяйства. Как коммерческие организации синдикаты были прямыми родственниками акционерных обществ. Различие состояло в том, что акционерные общества не поглощали всего капитала объединившихся в них предприятий и организаций, и в этом смысле синдикаты были формой более всеобъемлющей и более жесткой. Но это не значило, что они не могли бы со временем превратиться в другую родственную форму. Тем более что и та и другая форма были почти равными каналами сбыта продукции государственной промышленности. Приведем данные оборотов посреднической торговли (в млн руб.)²⁴¹:

Формы организаций	1923/24 хоз. год	1924/25 хоз. год
Синдикаты	971,2	1718,8
Акционерные общества	760,3	1346,5
Хозрасчетные предприятия	425,6	753,5
Прочие госпредприятия	343,3	382,7

Но этому не суждено было сбыться. Надвигалось время «социалистической индустриализации» с совершенно иными – административно-командными – методами хозяйствования, с централизацией «капитала» в масштабах страны, с жестким планом и бюджетом и т. п. Исчезнут не только синдикаты и акционерные общества, но и товарные биржи и ярмарки, задушена будет кооперация. О нэпе с его инструментами забудут надолго, вплоть до середины 80-х гг., когда начнет возрождаться коммерческая форма паевых объединений. Но это уже другое время.

У него было много планов и замыслов по развитию текстильной промышленности, которая при всех условиях оставалась его главным делом. Хотя ему часто приходилось отвлекаться для решения других важных дел. Так, в 1921 г. он был избран в Центральную ревизионную комиссию партии (ЦРК). X съезд партии (март 1921 г.) избрал ЦРК в составе трех человек: председателем В.П. Ногина, членами – Д.И. Курского²⁴² и И.И. Скворцова-Степанова²⁴³. Это назначение не было случайным. Ногин принадлежал к той части старой партийной гвардии, для которой вопросы партийной чести всегда стояли очень высоко. На съездах партии он не раз выступал по организационным вопросам, обращая внимание на необходимость борьбы с бюрократизмом в партийном механизме, на необходимость гласного и открытого обсуждения недостатков в партийном строительстве. Так, на VIII съезде партии (март 1919 г.) он предельно откровенно (чтобы не сказать – резко) критиковал появившиеся в партийной среде пьянство, разгул, взяточничество, безрассудные действия. Пора на съезде сказать о том, говорил Ногин, что «партия опустилась», «мы слишком поздно стали вскрывать “маленькие недостатки механизма” в наших партийных рядах. Мы эти материалы не опубликовывали...²⁴⁴».

ЦРК приступила к работе с октября 1921 г. Она проверяла быстроту и правильность прохождения дел, «налаженность аппарата Секретариата ЦК РКП», периодически ревизовала кассу и предприятия ЦК партии. Комиссия обнаружила много недостатков в работе всего аппарата ЦК. В одних отделах – отсутствие порядка в системе сбора и обработки информации, в других – наличие очень полезной информации, которой никто не интересуется и не использует.

Значительную часть дел, от решения которых порой зависела судьба местных партийных организаций, вели в аппарате люди мало кому известные. Через год, выступая с докладом на XI съезде партии (1922 г.), Ногин говорил, что аппарат ЦК – это «средостение между партией и ЦК», так как во главе отделов не избранные члены ЦК, а товарищи, которым съезд и не поручал эту работу, в партии они никому не известны, это *«партийная бюрократия, партийные чиновники»*²⁴⁵. Он предложил поставить во главе отделов обязательно членов ЦК партии. Это предложение было поддержано. Делегат от Московской организации РКП(б) И.Н. Стуков прямо сказал, что «ревизионная комиссия увидела все то, что не хотелось видеть ЦК». Упрекнув Молотова за его доклад, который пропитан насквозь «бесшабашным канцелярским благодушием и оптимизмом», Стуков заметил, что Ногин первый раз «сказал нам правду»²⁴⁶.

Через год на XII съезде партии (апрель 1923 г.) Ногин снова возвращается к этому вопросу, заметив, что решение предыдущего съезда о назначении заведующими отделами членов ЦК не выполнено. Одной из причин такой настойчивости Ногина было то, что буквально за один только год произошли существенные изменения в самом аппарате ЦК. Была введена должность генерального секретаря ЦК (на этот пост был избран Сталин), аппарат начал бурно расти, количество дел, проходивших через отделы в секретариат, также увеличилось, времени для их тщательного рассмотрения не хватало, решения принимались в таком виде, в каком их предлагали отделы. Значительная часть бумаг в Бюро секретариата имела гриф секретных, тогда как ничего секретного в них не было, а порой это были просто пустяки. Ревизионная комиссия увидела и другое. Квалификация служащих аппарата ЦК была крайне низкой, а сам состав очень часто менялся, и требовать от них четкой, оперативной работы не имело смысла. Но именно через Секретариат и Оргбюро проходило самое большое число дел: в день там решалось от 70 до 100 вопросов, внимательно рассмотреть которые просто не было возможности, и на 90% Секретариат «штамповал» решения в том виде, как это предлагали отделы. Все очевиднее становилась угроза бюрократизации аппарата. Эти недостатки были свойственны всему аппарату ЦК партии. Говоря об Агитационно-пропагандистском отделе ЦК,

Ногин отметил, что в нем, равном по объему «среднему наркомату», так много бумаг, что они даже не записываются никак. На что Троцкий с места отреагировал: «Бюрократизма нет». «Бюрократизма нет, но зато есть хаос», – ответил Ногин²⁴⁷.

Видя, какую силу набирает аппарат ЦК с его молодым составом работников, но сомнительным уровнем их теоретической и политической подготовки и отсутствием практического опыта, Ногин считал особенно важным, чтобы во главе отделов ЦК стояли члены ЦК, старая партийная гвардия. «Меня просили обратить внимание, – сказал он, – что в последнее время в нашей партии происходит некоторое оттирание старых партийных работников»²⁴⁸.

Ногин собирался выступить с докладом о работе ЦРК и на XIII съезде партии, который открылся в пятницу 23 мая 1924 г. в 12 часов дня. Но на рассвете 22 мая в 5 часов 15 минут он скончался в Солдатенковской (ныне – Боткинской) больнице...

Накануне того дня, когда Виктор Павлович должен был лечь в больницу, он встречался с Л.Б. Красиным. Подробно рассказав ему о своей поездке в Америку, о недостатках наших текстильных фабрик, Ногин сказал, что ожидает летом приезда в Москву видных американских текстильщиков. Они обсудили план согласования заграничных заказов ВТС и контактов с Наркоматом внешней торговли СССР. Выглядел Ногин неплохо, как вспоминал Красин, и лишь изредка морщился от болей.

Операция, сделанная 17 мая профессором В.Н. Розановым, имела трагический исход: Виктор Павлович скончался. Хоронили его в воскресенье 25 мая в 11 часов утра на Красной площади. 24 и 25 мая «Правда» поместила на своих страницах многочисленные отклики на смерть Ногина. Зиновьев, Калинин, Рыков, Бубнов, Сольц, Смидович, Томский, Скворцов-Степанов, Муралов, Енукидзе, Яковлева и многие другие отмечали, что Ногин обладал незаурядными качествами организатора, широтой взглядов, обширными познаниями, а недостаток «образованности» восполнял практикой и способностью постоянно учиться, постигая отечественный и зарубежный опыт в избранной профессии. А кроме того, он обладал счастливым даром сразу располагать к себе, был общителен и отзывчив, выдер-

жан и терпим, настойчив и тверд в защите своей позиции. Он не мог «закомиссариться» или «разложиться» от нэпа, писал И.И. Скворцов-Степанов, и хотя производил впечатление человека застенчивого, с поразительно мягким, нежным сердцем, Виктор Ногин был стойким борцом за свои убеждения. И даже американских бизнесменов поразила красота его человеческой личности, его кристаллическая честность. В откликах на смерть Ногина они писали, что ни один из представителей советской России не произвел в Америке такого обаятельного впечатления: его способности, мужественный дух, искренность снискали ему уважение американцев²⁴⁹.

И только один из мемуаристов с некоторым удивлением и сожалением написал: «Владимир Ильич почему-то недолюбливал его...»²⁵⁰.

- ¹ *Андропов Сергей Васильевич* (1873–1955) – социал-демократ, искровец. На путь революционной борьбы вступил в 1893 г. В 1898 г. принимал активное участие в работе группы «Рабочее знамя», за что в декабре 1898 г. был арестован. С 1901 г. один из первых агентов «Искры». В августе 1901 г. сослан в Восточную Сибирь. В 1911 г., отбыв ссылку, уехал в Германию и отошел от партийной работы. С 1921 г. С.В. Андропов работал в Москве в ВСНХ, Коминтерне, Институте Маркса–Энгельса, в Наркомате текстильной промышленности (вместе с В.П. Ногиным), преподавал математику на курсах красных командиров в Кремле, состоял сотрудником Главной астрономической обсерватории, опубликовал ряд научных работ.
- ² *Наши фабрики и заводы. Фабрика Паля.* Типография «Рабочей мысли», 1899. Переиздана после смерти В.П. Ногина в 1924 г.
- ³ *Смирнов М.В. («Петербургжец»)* (1871–?) – социал-демократ, член петербургской группы «Рабочее знамя». В 1899 г. арестован, в 1900 г. выслан в Уфимскую губернию.
- ⁴ *Сольц Арон Александрович* (1872–1945) родился в местечке Соленки Виленской губернии в зажиточной еврейской купеческой семье. Окончил гимназию в г. Вильно, учился один год в Петербургском университете на юридическом факультете. Член РСДРП с 1898 г. Неоднократно арестовывался, был в ссылке, бежал. После февраля 1917 г. член Московского комитета РКП(б), в 1919–1920 гг. работал в продовольственном отделе Моссовета, в Центросоюзе. В 1920–1934 гг. возглавлял Центральную комиссию партийного контроля, одновременно член Верховного суда РСФСР, затем СССР. В 1934–1938 гг. старший помощник Генерального прокурора СССР (А.Я. Вышинского). Как работник прокуратуры поддерживал сталинский террор и все

инспирированные судебные процессы начала 30-х годов, однако расходился с Вышинским в вопросах о методах ведения следствия. В знак протеста в феврале 1938 г. объявил голодовку. На два месяца был помещен в психиатрическую больницу, после чего уволен из прокуратуры. Несколько месяцев работал в Музее народов СССР архивариусом и в этом же году перешел на пенсию. Умер 30 апреля 1945 г. Как и многие большевики, не был сторонником идеи правового государства, отдавая предпочтение так называемой «революционной законности» и выступая ее пропагандистом.

⁵ В январе 1901 г. «Рабочее знамя» объединилось с группой «Социалист», но к апрелю этого же года почти все члены группы, находившиеся в России, были арестованы.

⁶ Факел-89: Историко-революционный альманах. М., 1989. С. 223.

⁷ Там же.

⁸ См.: *Подгорный И. В. П.* Ногин. Л., 1966. С. 9.

⁹ Факел-89. С. 223–224.

¹⁰ Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения. М., 1990. С. 298.

¹¹ *Зубатов Сергей Васильевич* (1864–1917) – один из видных представителей политического сыска в России. В юности принимал участие в революционном движении, с 80-х годов начал работать в розыске. В 1896–1902 гг. – начальник Московского охранного отделения, организатор так называемой «зубатовщины» – «полицейского социализма»: метода борьбы царизма с рабочим движением через создание легальных рабочих организаций по профессиям, где пропагандировалась идея о том, что власти, мол, без революционеров решат все рабочие вопросы и установят справедливые отношения. Зубатовщина была особенно успешна в Москве, где по профессиональному составу преобладали текстильщики, пиццевики и др., большинство которых были выходцами из деревни, легко поддававшимися на демагогию и обман. В 1903 г. уволен в отставку. При первом известии о Февральской революции в 1917 г. покончил с собой.

¹² Факел-89. С. 158–159.

¹³ Подробнее см.: *Ерофеев Н. Д.* Численность и состав социал-демократов, привлекавшихся к дознаниям в 1892–1902 гг. // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11.

- ¹⁴ *Бауман Николай Эрнестович* (1873–1905) революционную деятельность начал в 1890-х годах в Казани, неоднократно арестовывался, в 1899 г. эмигрировал в Швейцарию. В 1901–1902 гг. – агент «Искры», делегат II съезда РСДРП от Москвы. С декабря 1903 г. во главе Московского комитета партии. В июне 1904 г. арестован, в октябре 1905 г. освобожден. 18 октября 1905 г. убит на демонстрации.
- ¹⁵ *Бабушкин Иван Васильевич* (1873–1906) – рабочий, по профессии слесарь. Профессиональный революционер с 1893 г., член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», активный корреспондент и агент «Искры». Неоднократно арестовывался, бежал из тюрем, был в эмиграции. При перевозке оружия по дороге в Иркутск захвачен карательным отрядом генерала Меллер-Закомельского и без суда расстрелян.
- ¹⁶ *Радченко Любовь Николаевна* (1871–1962) в социал-демократическом движении в Томске с конца 1880-х годов. Член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1896 г. арестована и выслана в Псков под гласный надзор полиции. После II съезда РСДРП примкнула к меньшевикам. После октября 1917 г. от политической деятельности отошла, работала в различных учреждениях статистиком.
- ¹⁷ *Книпович Лидия Михайловна* (1856–1920) революционную деятельность начала в 70-х годах в народовольческих кружках, затем член РСДРП большевиков, агент «Искры», член Петербургского комитета партии. Вследствие тяжелой болезни с 1908 г. оставила партийную работу и поселилась в Крыму.
- ¹⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 59.
- ¹⁹ Там же. Т. 46. С. 123.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 17. Л. 15.
- ²¹ *Бубнов Андрей Сергеевич* (1884–1938) родился в купеческой семье. Член РСДРП с 1903 г. С 1912 г. кандидат в члены ЦК партии большевиков. Неоднократно арестовывался, был в ссылке, бежал, жил в эмиграции. В 1917 г. член Московского областного бюро РКП(б), член Петербургского комитета и ЦК партии большевиков. В октябрьские дни 1917 г. – член Петроградского военревкома, затем комиссар железных дорог Республики, член коллегии Наркомата путей сообщения. В 1922–1923 гг. – зав. агитпропотделом ЦК РКП(б). С 1924 г. – нач. Политуправления, член Рев-

военсовета СССР, одновременно с 1925 г. – секретарь ЦК партии. В 1929–1937 гг. – нарком просвещения РСФСР. Неоднократно входил в оппозиционные группы (в 1918 г. – в группу «левых коммунистов»; в 1920–1921 гг. – в группу «демократического централизма»; в 1923 г. был в числе 46-ти подписавших «троцкистское» заявление). В 1937 г. арестован, 1 августа 1938 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1956 г.

²² Подробнее см.: *Уральский Ю.С.* Конспирация в деятельности ленинской «Искры» // Вопросы истории. 1982. № 4.

²³ *Цедербаум Сергей Осипович* (1879–1939), брат Ю.О. Мартова. В революционное движение вступил в 1896 г., в 1898 г. вошел в Петербургскую социал-демократическую организацию «Рабочее знамя». Был арестован и выслан в Полтаву. Неоднократно арестовывался, был в ссылке, бежал. В 1911–1912 гг. – лидер петербургской группы меньшевиков-ликвидаторов. После Октябрьской революции отошел от политической деятельности. В 1937 г. арестован, 25 февраля 1939 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1991 г.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 79. Л. 81.

²⁵ *Каменев (наст. фам. Розенфельд) Лев Борисович* (1883–1936) родился в Москве. Окончил гимназию, учился на юридическом факультете в Московском университете (не окончил). Член РСДРП с 1901 г. Неоднократно арестовывался, был в ссылке (1914–1917), жил в эмиграции. В 1917 г. работал в редакции газеты «Правда». После Октябрьской революции избран первым председателем ВЦИК. В январе–августе 1918 г. находился в заключении в Финляндии. В 1918–1926 гг. – председатель Моссовета, одновременно с 1922 г. зампреда СНК РСФСР, затем СССР, председатель Совета труда и обороны. С 1923 г. – директор Института Ленина. В январе–августе 1926 г. нарком внешней и внутренней торговли СССР. В 1926 г. полпред СССР в Италии, затем председатель Научно-технического управления ВСНХ СССР и председатель Главконцесскома. С 1933 г. – директор Издательства «Академия», с 1934 г. – директор Института мировой литературы АН СССР. Избирался членом ЦК партии (1917–1918, 1919–1927), членом Политбюро (1917, 1919–1925). 14 ноября 1927 г. исключен из состава ЦК, затем из партии, 22 июня 1928 г. восстановлен. 9 октября 1932 г. снова исключен из партии, был в ссыл-

ке в Минусинске, 14 декабря 1933 г. восстановлен. 20 декабря 1934 г. вновь исключен из партии, 16 декабря 1934 г. арестован по делу так называемого «московского центра», 16 января 1935 г. приговорен в 5 годам тюремного заключения. 27 июля 1935 г. по делу так называемой «кремлевской библиотеки» приговорен в 10 годам, 24 августа 1936 г. – к расстрелу по делу так называемого «объединенного троцкистско-зиновьевского центра». 25 августа расстрелян. Реабилитирован в 1988 г.

²⁶ *Обух Владимир Александрович* (1870–1934) родился в дворянской семье, окончил Петербургский университет, по образованию врач. Член РСДРП с 1894 г., активный участник революции 1905–1907 гг. (организатор Бутырского района Москвы). Работал врачом 1-й городской больницы Москвы и одновременно вел партийную работу. Член Московского областного бюро партии большевиков в 1916 г., член МК партии в 1917–1918 гг. В 1919–1929 гг. возглавлял Московский отдел здравоохранения, инициатор создания диспансерной системы здравоохранения. Принимал участие в лечении В.И. Ленина.

²⁷ *Вульфсон Самуил Давыдович* (1879–1932) в революционном движении с 1902 г., член РСДРП. Накануне Октябрьской революции – председатель фракции большевиков Лефортовской районной думы г. Москвы, член Совета районных дум. После Октября принимал участие в работе ряда продовольственных организаций в Москве. В 1919 г. был народным комиссаром продовольствия и торговли Временного рабоче-крестьянского правительства Крымской республики. В годы гражданской войны работал по снабжению армии на фронтах. После разгрома Врангеля входил в состав военревкома Крыма и Крымск. обл. комитета РКП(б). По возвращении в 1921 г. на работу в Москву – председатель МПО, член МК партии и член Президиума Моссовета. В 1924 г. перешел на работу в Наркомат внешней торговли (торгпредства в Италии и Австрии). С 1927 г. работал по хлебоэкспорту в Москве. В 1929 г. вследствие сильного обострения туберкулеза уехал за границу. Умер в Берлине в 1932 г.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6. Л. 28.

²⁹ *Лядов (наст. фам. Мандельштам) Мартын Николаевич* (1872–1947) родился в Москве в купеческой семье. Окончил не-

мецкое реальное училище в Митаве. В революционном движении с 1891 г. Неоднократно арестовывался, был в ссылке (с 1897 г. на пять лет в Верхоянске), жил в эмиграции. После февраля 1917 г. стоял на меньшевистских позициях, в 1920 г. восстановлен в рядах РКП(б). В 1923 г. – ректор Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, председатель совета Музея революции. Автор самой первой «Истории Российской социал-демократической рабочей партии» 1906 г. издания. С 1929 г. – нач. Главнауки Наркомпроса РСФСР, с 1930 г. – зав. Архивом Октябрьской революции. С 1932 г. на пенсии.

³⁰ *Гусев Сергей Иванович (наст. Драбкин Яков Давидович) (1874–1933)* родился в г. Сапожке Рязанской губернии, окончил реальное училище, один год проучился в Петербургском политехническом институте. Член РСДРП с 1896 г. Несколько раз арестовывался, был в ссылке, бежал, жил в эмиграции. В 1910–1917 гг. не участвовал в партийной работе по болезни. В 1917 г. – секретарь Петроградского военревкома, затем член РВС ряда фронтов и армий, член РВС Республики, с марта 1921 г. – нач. Политуправления Красной армии. В 1923–1925 гг. – член коллегии НК РКИ СССР, член и секретарь ЦКК. С 1925 г. – зав. отделом печати ЦК партии. В 1926 г. возглавил Истпарт, с 1929 г. работал в Коминтерне. Избирался членом ВЦИК, кандидатом в члены ЦК партии. Урна с прахом в Кремлевской стене.

³¹ *Смидович Петр Гермогенович (1874–1935)* родился в патриархальной помещицкой дворянской семье, окончил Тульскую гимназию, учился в Московском университете на физико-математическом факультете (не окончил). В революционном движении с конца 90-х годов. Неоднократно арестовывался, был в ссылке, жил в эмиграции (член «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии»). В 1905 г. – член Московского окружного комитета партии большевиков. В 1918–1920 гг. – член Президиума Моссовета, затем член Президиума ВСНХ. В 1920 г. работал в Президиуме ВЦИК, был председателем Комитета по земельному устройству трудящихся евреев и председателем Комитета Севера.

³² А.С. Серебрякова была разоблачена и судима как агент охраны в 1926 г. (см.: Факел-89. С. 168).

³³ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 17. Л. 17.

- ³⁴ *Радус-Зенькович Виктор Алексеевич* (1877–1967) – профессиональный революционер, член РСДРП с 1898 г., участник трех революций в России. Работал в Наркомате труда РСФСР, затем председателем Саратовского губисполкома, членом Правления Центросоюза. В 1920–1922 гг. – председатель СНК Киргизской АССР, секретарь Киргизского бюро ЦК РКП(б). В 1925–1927 гг. – нарком РКИ Белоруссии и председатель ЦК профсоюза работников связи, с 1940 г. – научный сотрудник ИМЛ при ЦК партии. Избирался членом ВЦИК, членом ЦКК партии (1923–1930).
- ³⁵ РГАСПИ. Д. 74. Л. 14–15.
- ³⁶ Там же. Л. 16.
- ³⁷ Русское знамя. 1906. 15 июня.
- ³⁸ *Радус-Зенькович В.А.* Страницы героического прошлого. М., 1960. С. 24.
- ³⁹ *Гуковский Исидор Эммануилович* (1871–1921) родился в купеческой семье. Трудовой путь начал аптекарским помощником. В революционном движении с 1898 г., член РСДРП. Неоднократно арестовывался, был в ссылке (5 лет) в Енисейской губернии. После Октябрьской революции нарком финансов РСФСР, затем полпред в Эстонии. Умер осенью 1921 г. от воспаления легких.
- ⁴⁰ *Соловьев Николай Иванович* (1870–1947) – член РСДРП с 1900 г. Партийную работу вел в Саратове, Самаре, Баку, Петербурге. После Октябрьской революции 1917 г. – председатель Особого совещания по топливу, зав. отделом топлива ВСНХ РСФСР. С 1919 г. – председатель Главного нефтяного комитета. С 1921 г. – зав. стат. отделом ЦК РКП(б). С 1932–1936 гг. – начальник управления народно-хозяйственного учета РСФСР и зам. председателя Госплана РСФСР.
- ⁴¹ *Джапаридзе Прокопий Апресянович* (1880–1918) родился в семье крупного кутаисского помещика. Окончил Тифлисский учительский институт. В революционном движении с 1903 г., член РСДРП. Партийную работу вел в Кутаиси, Баку, Нахичевани. Неоднократно арестовывался, был в ссылке. Февральская революция застала его в Трапезунде, где он работал в Красном Кресте. В 1917 г. – во главе Бакинского Совета, затем комиссар внутренних дел и продовольствия Азербайджанской республики. С занятием англичанами Баку был арестован и 20 сентября 1918 г. расстрелян в числе 26 комиссаров.

- ⁴² *Радус-Зенькович В.А.* Страницы героического прошлого. М., 1960. С. 25.
- ⁴³ *Эссен Эдуард Эдуардович* (1879–1931) родился в дворянской семье. В революционном движении с 1898 г. Партийную работу вел в Москве, Петербурге, Финляндии, Харькове. После октября 1917 г. – зам. наркома государственного контроля РСФСР, с 1918 г. – на преподавательской работе. В 1924–1925 гг. – ректор Института народного хозяйства в Ленинграде, в 1925–1930 гг. – ректор Академии художеств СССР.
- ⁴⁴ *Эссен Мария Моисеевна* (1872–1956) родилась в семье железнодорожного служащего. В революционном движении с начала 90-х годов, работала в Петербургском комитете РСДРП, в 1903 г. кооптирована в состав ЦК партии. Неоднократно арестовывалась, была в ссылке в Якутии, бежала. В 1906 г. – член Московского комитета партии, затем отошла от революционной деятельности. В 1920 г. вступила в РКП(б). С 1921 г. – зав. отделом агитации ЦК Грузии, с 1925 г. работала в Москве в Госиздате, в 1927–1930 гг. – в Истпарте, затем в Институте Ленина. С 1930 г. – в Коммунистическом институте журналистики им. В.В. Воровского.
- ⁴⁵ *Дубровинский Иосиф Федорович* (1877–1913) – профессиональный революционер, широко образованный литератор. В революционном движении с 1893 г., «искровец». С 1903 г. – член ЦК партии большевиков. Неоднократно арестовывался, был в ссылке (в тюрьме и ссылке провел 13 лет), жил в эмиграции (1907–1910). В последней ссылке в Туруханском крае тяжело болел туберкулезом легких, покончил жизнь самоубийством.
- ⁴⁶ *Покровский Михаил Николаевич* (1868–1932) окончил Московский университет (1891) и занимался научной и литературной деятельностью. Член РСДРП с 1905 г., до 1907 г. был членом редакции всех большевистских газет, издававшихся в Москве. В 1909–1917 гг. – в эмиграции во Франции, вел научную и литературную работу. В октябре 1917 г. сменил В.П. Ногина на посту председателя Московского совета рабочих и крестьянских депутатов. В 1918 г. – председатель Московского областного совнаркома, затем в 1918–1932 гг. – зам. наркома просвещения РСФСР. Инициатор и организатор рабфаков, Института красной профессуры, Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР и его председатель с 1919 г. Избирался членом ЦКК ВКП(б)

(с 1930 г.). Известный историк, академик АН СССР (1929), председатель Общества историков-марксистов, автор «Русской истории с древнейших времен» (М., 1925), «Русской истории в самом сжатом очерке» (М., 1928–1929) и др.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 17. Л. 18.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Зиновьев (наст. фам. Радомысльский) Григорий Евсеевич* (1883–1936) родился в г. Елизаветграде Херсонской губернии в семье мелкого предпринимателя. Работал конторщиком, затем учился в Бернском университете (не окончил). В революционном движении с 1900 г., с 1901 г. – член РСДРП. Неоднократно арестовывался, жил в эмиграции (1908–1917). Вернулся в Россию после Февральской революции 1917 г. В 1917–1926 гг. – председатель Петроградского совета, одновременно в 1918 г. – председатель ВЦСПС, в 1919–1926 гг. – председатель Исполкома Коминтерна. С 1928 г. – ректор Казанского университета. С 1931 г. – член коллегии Наркомата просвещения РСФСР. В июле 1926 г. исключен из состава Политбюро ЦК партии, в октябре 1927 г. исключен из состава ЦК партии, 14 ноября 1927 г. исключен из партии. 22 июня 1928 г. восстановлен в партии. 9 октября 1932 г. по постановлению ОГПУ СССР осужден, исключен из партии и отправлен в ссылку в Кустанай (1932–1933). 14 декабря 1933 г. восстановлен в партии, был членом Центросоюза, редколлегии журнала «Большевик». После убийства С.М. Кирова в декабре 1934 г. вновь исключен из партии и арестован, 16 января 1935 г. как главный организатор «московского центра» приговорен к 10 годам тюремного заключения, 24 августа 1936 г. приговорен к расстрелу, 25 августа расстрелян. Избирался членом ВЦИК, ЦИК СССР, членом ЦК РКП(б) (1912–1927), членом Политбюро (1917, 1921–1926). Реабилитирован в 1988 г.

⁵⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 108.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6. Л. 40.

⁵² *Германов Л.* Из партийной жизни в 1910 году // Пролетарская революция. 1922. № 5. С. 231.

⁵³ *Раскольников (наст. фам. Ильин) Федор Федорович* (1892–1939) родился в Петербурге в семье служащего. В революционном движении с 1910 г. С начала Первой мировой войны мобилизован во флот. После февраля 1917 г. – зам. председателя Кронштадтского совета, руководил там же газетой «Голос

правды». В октябре 1917 г. – член Петроградского военревкома, затем комиссар Морского генерального штаба, в 1918 г. – зам. наркома по морским делам. В годы Гражданской войны командовал Волжской флотилией, член РВС Восточного фронта. Попал в плен к англичанам, где провел 9 месяцев, и был обменен на 19 английских офицеров. В 1919 г. – командующий Каспийской флотилией, в 1920–1921 гг. – командующий Балтийским флотом. Награжден двумя орденами Красного знамени. В 1921 г. – полпред в Афганистане, затем редактор журнала «Красная новь». С 1928 г. – председатель Главреперткома, с 1929 г. – нач. Главискусства Наркомпроса РСФСР. В 1930–1938 гг. – полпред в Эстонии, Дании, Болгарии. 18 октября 1938 г. послал письмо Сталину с обвинением его в репрессиях. 17 июля 1939 г. Верховным судом СССР был объявлен «врагом народа» и поставлен вне закона. Умер 12 сентября 1939 г. в Ницце от мозгового заболевания. 10 июля 1963 г. приговор по его «делу» отменен, реабилитирован и восстановлен в партии.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 74. Л. 18 об.

⁵⁵ Большевики... Указ. соч. С. 83.

⁵⁶ *Германов Л.* Указ. соч. С. 232.

⁵⁷ Большевики... Указ. соч. С. 83.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 80. Л. 1, 2, 7, 8, 11, 13, 20, 26, 29.

⁵⁹ Там же. Л. 32.

⁶⁰ Там же. Д. 2. Л. 11 об.

⁶¹ Там же. Д. 80. Л. 33, 35, 37, 39, 43, 46, 51–52, 54, 56, 58, 63–65, 68, 70.

⁶² Большевики... Указ. соч. С. 97.

⁶³ *Скворцов-Степанов Иван Иванович (1870–1928)* – литератор, экономист, историк. Родился в семье мелкого служащего. Окончил Московский учительский институт (1890), с этого же времени участвовал в революционном движении. Неоднократно арестовывался, был в ссылке. В 1911 г. выдвинут большевиками в 3-ю Государственную Думу; снова арестован и выслан, в общей сложности в тюрьмах и ссылке пробыл 8 лет. С февраля 1917 г. – редактор «Известий Моссовета», затем «Социал-демократа». В 1918 г. примыкал к «левым коммунистам». В 1919–1920 гг. работал во Всероссийском совете рабочей кооперации, в Центросоюзе. С 1921 г. – пред. редколлегии Госиздата, с 1924 г. – зам. отв. редактора «Правды», с 1925 г. – редактор «Известий».

С 1926 г. – директор Института Ленина, член Комакадемии. Автор многочисленных работ, переводчик. Избирался членом ЦК партии большевиков (с 1925 г.).

⁶⁴ *Поляков А.А.* (1884–1918) – рабочий, социал-демократ, большевик. Работал в Одессе, Петербурге, с 1909 г. – в Москве. В 1911–1915 гг. секретный сотрудник Московского охранного отделения под кличкой «Сидор». Делегат Августовской конференции 1912 г. в Вене. В 1912 г. входил в состав московского социал-демократического избирательного комитета; во время избирательной кампании отстранен от партийной работы в связи с подозрениями в провокации.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 74. Л. 18–19.

⁶⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 25.

⁶⁷ Там же. Т. 20. С. 262.

⁶⁸ Там же. Т. 48. С. 17.

⁶⁹ *Лейтейзен Гавриил Давидович* (1874–1919) родился в г. Орле в семье ремесленника. В революционном движении в Екатеринославе с 1891 г. В эмиграции примкнул к группе «Освобождение труда», с 1903 г. – член РСДРП(б). Сотрудничал в газетах «Вперед» и «Пролетарий». В 1907 г. арестован, сидел в «Крестах», затем на поселении в Туле. После Октябрьской революции 1917 г. – член коллегии Наркомата труда РСФСР. В годы гражданской войны – комиссар Реввоенсовета 4-й армии Восточного фронта. Убит в январе 1919 г. Избирался членом ЦК партии большевиков (с 1907 г.).

⁷⁰ Факел-89. С. 161.

⁷¹ См.: Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 96.

⁷² Заметим, что с середины 1930-х годов проблема провокаторства почти исчезла со страниц отечественной исторической литературы.

⁷³ *Бурцев Владимир Львович* (1862–1942) – публицист и издатель. В революционном движении с 80-х годов XIX века. Жил в эмиграции, занимался собиранием и публикацией документов о революционном движении, издавал газеты «Свободная Россия», «Будущее», журнал «Былое». Занимался разоблачением секретных дел Департамента полиции и провокаторов. Во время Первой мировой войны вернулся в Россию, после Октябрьской революции 1917 г. снова эмигрировал. В 1920-е годы работал над мемуарами, вел борьбу с советской агентурой в среде российской эмиграции, с антисемитизмом. В 1930 – годах напечатал ряд антифашист-

ских статей. Последние годы жил в крайней нищете, умер в Париже от заражения крови.

⁷⁴ Большевики... Указ. соч. С. 175.

⁷⁵ Политической полиции Российской империи только дважды удалось добиться исключительного успеха в борьбе с революционным движением. Первый раз – в случае с Е.Ф. Азефом, который, будучи агентом охраны, много лет руководил боевой организацией партии эсеров, и второй раз, когда членом ЦК РСДРП был секретный сотрудник охраны Р.В. Малиновский. Впервые дело Малиновского рассматривалось в мае–июле 1914 г. Комиссией ЦК РСДРП в Поронино (Финляндия). Она не сумела доказать факт провокаторства. Более подробное расследование провела Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, часть документов была опубликована. Третье расследование состоялось после возвращения Малиновского из Германии в октябре 1918 г. По приговору Верховного революционного трибунала при ВЦИК в ночь с 5 на 6 ноября 1918 г. он был расстрелян (См.: Материалы революционного трибунала по делу провокатора Малиновского // История СССР. 1991. № 1).

⁷⁶ В 1910 г. был судим партийным судом и объявлен провокатором. Эмигрировал в США, сменил фамилию, вступил в Социалистическую рабочую партию США, и там доносил на местных социалистов. В 1921 г. вернулся в Россию, в 1923 г. был опознан А.А. Сольцем, судим в мае 1925 г. Мосгубсудом и приговорен к расстрелу.

⁷⁷ *Серова Ю.* (кличка «Ворона») была разоблачена как агент охраны в 1920-е годы.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 2. Л. 8 об.

⁷⁹ Там же. Л. 4.

⁸⁰ Там же. Л. 5 об.

⁸¹ Впервые была издана в Москве в 1919 г., переиздана в 1928 г. и 1931 г.

⁸² *Ногин В.П.* В стране полярного холода. М., 1931. С. 80.

⁸³ Там же. С. 62.

⁸⁴ Там же. С. 63.

⁸⁵ Володя (Владя) – сын В.П. Ногина, родившийся, когда он был в тюрьме.

⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6. Л. 5 об.

⁸⁷ Там же. Д. 4. Л. 10.

⁸⁸ *Ольминский (наст. фам. Александров) Михаил Степанович* (1853–1933) родился в г. Воронеже в дворянской семье мелкого чиновника, окончил гимназию. В революционном движении с 1885 г. Неоднократно арестовывался, был в ссылке в Якутии, бежал, жил в эмиграции. После февраля 1917 г. – член МК партии большевиков, избран в Учредительное собрание. С декабря 1917 г. – член коллегии Наркомата финансов РСФСР. С 1920 г. работал в Истпарте, был председателем Общества старых большевиков. С 1928 г. – член дирекции Института Ленина.

⁸⁹ *Ломов-Опкоков (наст. фам. Опкоков) Георгий Ипполитович* (1888–1937) родился в г. Саратове в семье священника. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1913). Член РСДРП с 1903 г. Участник трех революций в России. Неоднократно арестовывался, был в ссылке. В 1910 г. сослан в Архангельскую губернию, где увлекся полярными исследованиями и в 1911 г. принял участие в экспедиции в Крестовскую губу Новой Земли, в 1912 г. – зам. начальника Канинской экспедиции. В 1913–1914 гг. вел партийную работу в Москве, Саратове. В 1916–1917 гг. в ссылке в Якутии. В октябре 1917 г. – член МК партии большевиков, в первом составе СНК РСФСР – нарком юстиции, но в должность не вступил, так как выехал в Москву, где был членом Московского военревкома, зам. председателя Моссовета. В 1918 г. – член Президиума и зам. председателя ВСНХ РСФСР. В 1921–1923 гг. – член Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома. С 1923 г. – председатель Нефтесиндиката, с 1926 г. – треста Донуголь, с 1929 г. – Союзнефти. В 1931–1933 гг. – зам. председателя Госплана СССР. С 1934 г. – член бюро Комиссии советского контроля при СНК СССР. Избирался членом ВЦИК, ЦИК СССР, Политбюро ЦК КП(б) Украины, кандидатом в члены и членом ЦК ВКП(б). Незаконно репрессирован и расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

⁹⁰ *Милютин Владимир Павлович* (1884–1937) – литератор, экономист. В революционном движении с 1903 г., меньшевик, с 1910 г. – большевик. Партийную работу вел в Москве, Петербурге, Курске, Орле, Туле. Восемь раз арестовывался, был в ссылке. В октябре 1917 г. в первом составе Правительства РСФСР – нарком земледелия РСФСР. Был, как и Ногин, сторонником создания коалиционного правитель-

ства с участием представителей других социалистических партий и вышел из состава СНК РСФСР и ЦК партии. В 1918–1921 гг. – зам. председателя ВСНХ. С 1924 г. – член коллегии НК РКИ, с 1928 г. – управляющий ЦСУ СССР, зам. председателя Госплана СССР. В 1934–1937 гг. – председатель Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР. Избирался кандидатом в члены ЦК РКП(б), членом ЦКК, ВЦИК, ЦИК СССР. В июле 1937 г. арестован; 29 октября 1937 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1956 г.

⁹¹ *Ульянова Мария Ильинична* (1878–1937) – член партии с 1898 г., профессиональная революционерка, младшая сестра и помощник В.И. Ленина. Училась в Брюссельском университете, пять раз арестовывалась, была в ссылке. С осени 1903 г. работала в Секретариате ЦК РСДРП, в 1917 г. – член Бюро ЦК партии, член редколлегии газеты «Правда» (до 1929 г.). С 1929 г. на научной работе в Институте Ленина. В 1932–1937 гг. – член Президиума ЦКК и член коллегии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции СССР, зав. Объединенным бюро жалоб НК РКИ СССР и НК РКИ РСФСР. С 1934 г. – член Комиссии советского контроля. Избиралась членом ЦИК СССР. Похоронена на Красной площади.

⁹² *Яковлева Варвара Николаевна* (1884–1941) окончила гимназию и Высшие женские курсы Герье (физико-математический факультет, специальность – астрономия). В революционном движении с 1904 г. Неоднократно арестовывалась, была в ссылке в Нарымском крае, через два года бежала, жила в эмиграции. С 1916 г. – член Московского областного бюро ЦК большевиков. В октябре 1917 г. – член партийной пятерки, руководившей восстанием в Москве. С 1917 г. – член коллегии НКВД РСФСР, с 1918 г. – упр. делами ВСНХ и член коллегии ВЧК по борьбе с контрреволюцией. В 1919–1920 гг. – член коллегии Наркомата продовольствия, с 1920 г. – член Сиббюро ЦК и нач. Сибполитпути. В 1922 г. – зав. Главпрофобром Наркомпроса РСФСР, зам. наркома. С 1929 г. – нарком финансов РСФСР. Избиралась членом ВЦИК, ЦИК СССР. В 1938 г. арестована, в 1941 г. расстреляна. Реабилитирована в 1958 г.

⁹³ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

⁹⁴ *Землячка (наст. фам. Залкинд) Розалия Самойловна* (1876–1947) родилась в Киеве, член РСДРП(б) с 1896 г., агент «Искры»,

делегат всех партийных съездов, кроме пятого. Неоднократно арестовывалась. В 1918–1921 гг. – политработник на фронте. После освобождения Крыма – секретарь Крымского обкома партии. С 1922 г. – секретарь Замоскворецкого райкома партии в Москве, с 1924 – на партийной работе на Северном Кавказе, затем на Урале. В 1924–1934 гг. избиралась членом ЦКК, с 1926 г. – член коллегии НК РКИ СССР. В 1932–1933 гг. – член коллегии Наркомата путей сообщения СССР, с 1934 г. – член коллегии Комиссии советского контроля, затем зам. председателя Комиссии советского контроля при СНК СССР. Одновременно в 1939–1943 гг. – зам. председателя СНК СССР. Избиралась членом ЦК ВКП(б) (1939), ВЦИК, ЦИК СССР, депутатом Верховного Совета СССР. Ярая сторонница ужесточения методов контроля, «чрезвычайщины», борьбы «за чистоту» партийных рядов.

⁹⁵ *Львов Георгий Евгеньевич* (1861–1925) – князь, крупный помещик, председатель Тульской уездной земской управы (1903–1906 гг.). В 1905–1907 гг. примыкал к кадетам. Депутат I Государственной думы. В Первую мировую войну – председатель Земского союза. В 1917 г. – председатель Совета министров в первом и втором составе Временного правительства, министр внутренних дел. После октября 1917 г. эмигрировал во Францию.

⁹⁶ *Милюков Павел Николаевич* (1859–1943) – историк, приват-доцент Московского университета, председатель ЦК партии кадетов, вождь русского либерализма. Избирался депутатом III и IV Государственных дум. Министр иностранных дел Временного правительства (март–май 1917 г.). После Октябрьской революции эмигрировал, издавал в Париже газету «Последние новости». Автор многочисленных работ по истории России, истории революции и воспоминаний.

⁹⁷ *Гучков Александр Иванович* (1862–1936) – крупный промышленник, основатель и лидер партии октябристов. Во время Первой мировой войны – председатель Центрального военно-промышленного комитета. В 1917 г. – военный и морской министр в первом составе Временного правительства.

⁹⁸ Состав см.: *Спирин Л.М.* Россия в 1917 г. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 122.

⁹⁹ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1990. № 12. С. 126–128.

¹⁰⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 131.

¹⁰¹ Рыков Алексей Иванович (1881–1938) родился в г. Саратове, окончил гимназию, учился на юридическом факультете Казанского университета. В революционном движении с 1900 г., член РСДРП. Неоднократно арестовывался, был в ссылке, бежал, жил в эмиграции. После Февральской революции 1917 г. – член Президиума Моссовета. В октябре 1917 г. вошел в состав первого советского правительства как нарком внутренних дел, а 4 ноября вместе с В.П. Ногиным и др. вышел. В феврале 1918 г. назначен председателем ВСНХ РСФСР (затем СССР), с лета 1921 г. – зам. В.И. Ленина в СНК и СТО, после смерти последнего избран председателем СНК СССР и СТО СССР и РСФСР (председатель СНК РСФСР до 1929 г.). В 1931–1936 гг. – нарком связи СССР. Избирался членом ЦК РКП(б), Политбюро ЦК (1919–1930). В 1928 г. возглавил так называемый «правый уклон» в ВКП(б). В ноябре 1929 г. признал ошибочность своих взглядов. 27 февраля 1937 г. исключен из ВКП(б) и арестован. 13 марта 1938 г. по делу так называемого «правотроцкистского блока» приговорен к расстрелу. Реабилитирован и восстановлен в партии в 1988 г.

¹⁰² Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков): Протоколы. М., 1958. С. 107.

¹⁰³ Там же. С. 106.

¹⁰⁴ Там же. С. 129.

¹⁰⁵ Там же. С. 103.

¹⁰⁶ Там же. С. 257.

¹⁰⁷ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 г.: Протоколы. М., 1958. С. 25, 128.

¹⁰⁸ Там же. С. 129.

¹⁰⁹ Смилга Ивар Тенисович (1892–1938) родился в семье фермера в Лифляндской губернии. Окончил реальное училище, недолго учился в Московском университете. В революционном движении с 1907 г. С 1917 г. – член Петроградского комитета РСДРП. Неоднократно арестовывался, был в ссылке. С февраля 1917 г. – член Кронштадтского комитета РСДРП, с апреля – член ЦК РКП(б), с октября – уполномоченный СНК РСФСР в Финляндии. С 1919 г. – член Реввоенсовета Республики, в 1919–1921 гг. – начальник Политуправления Красной армии, член Реввоенсовета Кавказского фронта. В 1921–1923 гг. – зам. председателя

ВСНХ РСФСР, начальник Главного управления по топливу. С осени 1923 г. – зам. председателя Госплана СССР. В 1925–1927 гг. – ректор и профессор Института народного хозяйства им. Плеханова. Поддерживал оппозицию Троцкого, за что на XV съезде партии (1927) был исключен из ее рядов. В 1930 г. восстановлен. С 1927 г. работал председателем Дальневосточного банка. С 1930 г. – зам. начальника мобилизационного управления ВСНХ СССР. В 1938 г. арестован и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

¹¹⁰ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 г.: Протоколы. М., 1958. С. 131.

¹¹¹ *Володарский В. (наст. фам. – Гольдштейн Моисей Маркович)* (1891–1918) родился в местечке Острополье Волынской губернии в бедной еврейской семье. Исключен из пятого класса гимназии, другого образования не получил. В революционном движении с 1905 г., член «Малого Бунда». С 1917 г. – член РСДРП(б). Неоднократно арестовывался, в 1911–1913 гг. был в ссылке в Архангельской губернии, затем в эмиграции в США. После Февральской революции 1917 г. – комиссар по делам печати Петроградского совета, редактор газеты «Красная газета». Избирался членом ВЦИК. Убит по дороге на митинг 20 июля 1918 г.

¹¹² Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 г.: Протоколы. М., 1958. С. 119.

¹¹³ Там же. С. 127.

¹¹⁴ *Хинчук Лев Михайлович* (1868–1939) родился в г. Полтаве в семье состоятельного владельца портняжной мастерской. Учился в «хедере», затем в гимназии (не окончил), недолго учился в Берне на философском факультете. В революционном движении с 1890 г., с 1903 г. – меньшевик, с 1920 г. – большевик. Неоднократно арестовывался, был в ссылке (Якутия, Енисейская губерния), бежал. В марте–сентябре 1917 г. – председатель Моссовета. В 1919 г. – член коллегии Наркомата продовольствия РСФСР, одновременно работал в Центросоюзе. С 1921 г. – председатель Центросоюза и председатель Всероссийского Центрального кооперативного совета. С 1927 г. – зам. наркома торговли СССР; в 1930–1934 гг. – полпред СССР в Германии; в 1934–1937 гг. – нарком внутренней торговли РСФСР. С 1938 г. – Главный арбитр при СНК РСФСР. Избирался членом ВЦИК, ЦИК СССР. В 1938 г. арестован, 7 марта 1939 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1956 г.

- ¹¹⁵ Протоколы ЦК РСДРП(б): Август 1917 – Февраль 1918 г. М., 1958. С. 121.
- ¹¹⁶ *Шляпников А.Г.* Октябрь // Утро страны Советов. Л.: Лениздат, 1988. С. 134.
- ¹¹⁷ См., например: *Пятницкий О.* Избранные воспоминания и статьи. М., 1969. С. 261–262.
- ¹¹⁸ *Троцкий (наст. фам. Бронштейн) Лев Давыдович (1879–1940)* родился в деревне Яновке Елизаветградского уезда Херсонской губернии в семье богатого колониста. Систематического образования не получил. В революционном движении с 1897 г. – меньшевик, с 1917 г. – большевик. Неоднократно арестовывался, был в ссылке, жил в эмиграции (1908–1917). С 1917 г. – председатель Петроградского совета, с октября – нарком иностранных дел РСФСР в первом составе СНК РСФСР. В 1918–1925 гг. – нарком по военным делам и председатель Реввоенсовета Республики (затем – СССР). Одновременно в марте–декабре 1920 г. – нарком путей сообщения РСФСР и председатель ЦК профсоюза транспортных рабочих. С 1925 г. – член Президиума ВСНХ СССР, председатель Главконцесскома при СНК СССР. Избирался членом ВЦИК, ЦИК СССР, членом Политбюро ЦК партии (1917, 1919–1926). Неоднократно возглавлял оппозиционные группы внутри партии. За фракционную работу в октябре 1926 г. освобожден от обязанностей члена Политбюро, в октябре 1927 г. исключен из состава ЦК. 14 ноября 1927 г. исключен из партии и выслан в Алма-Ату, в 1929 г. – за границу. В 1932 г. лишен советского гражданства. Убит в Мексике в результате покушения.
- ¹¹⁹ *Троцкий Л.Д.* История русской революции // История СССР. 1990. № 5. С. 145.
- ¹²⁰ *Аросев Александр Яковлевич (1890–1938)* родился в Казани в буржуазной семье. Окончил реальное училище, учился на философском факультете в Льеже, затем в Петербургском психоневрологическом институте (не окончил). В революционном движении с 1905 г. – эсер, с 1907 г. – член РСДРП, большевик. Неоднократно арестовывался, был в ссылке, бежал, жил в эмиграции. В октябре 1917 г. – член Московского военревкома, помощник командующего войсками Московского военного округа. В 1918 г. – комиссар Главвоздухфлота Наркомата по военным делам РСФСР. Участник гражданской войны на Украине. С 1921 г. – со-

ветник полпредства РСФСР в Риге, затем сотрудник Института Ленина. В 1924–1933 гг. снова на дипломатической работе во Франции, Литве, Чехословакии. С 1934 г. – председатель Всесоюзного общества культурных связей с иностранной. В 1937 г. арестован, 10 февраля 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

¹²¹ Год борьбы: Сб. ст. М., 1927. С. 85.

¹²² Там же. С. 95.

¹²³ См.: Пролетарская революция. 1922. № 5. С. 249–254.

¹²⁴ *Чернов Виктор Михайлович* (1873–1952) – один из лидеров и теоретиков партии эсеров. В мае–августе 1917 г. – министр земледелия во Временном правительстве. В 1920 г. эмигрировал за границу.

¹²⁵ См.: Книжное обозрение. 1990. 20 ноября.

¹²⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 340.

¹²⁷ Московский строитель. 1990. 30 июня.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ *Суханов (наст. фам. Гиммер) Николай Николаевич* (1882–1940) родился в Москве в семье чиновника. Окончил гимназию, учился в Московском университете. В революционном движении с 1901 г. – эсер, с 1909 г. – меньшевик. После ссылки (3 года в Архангельской губ.) с 1913 г. – редактор журнала «Современник», затем «Летопись» (основан М. Горьким). Избирался членом ВЦИК и членом Исполкома Петроградского совета. Работал в хозяйственных организациях в качестве эксперта или редактора периодических изданий. Автор широко известных «Записок о революции» (7 томов). Был членом Комакадемии. В 1931 г. арестован и осужден как руководитель подпольной организации меньшевиков (так называемое «дело союзного бюро ЦК РСДРП(б)»). В 1937 г. вновь арестован, приговорен трибуналом Сибирского военного округа к расстрелу. Расстрелян 29 июня 1940 г. в Омске.

¹³⁰ *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Берлин; Пг.; М., 1923. С. 217–222.

¹³¹ Там же.

¹³² Русские ведомости. 1918. 21 января.

¹³³ Революционное движение в России в августе 1917 г.: Док. и мат. М., 1959. С. 576.

¹³⁴ Известия. 1917. 19 октября (1 ноября).

¹³⁵ Воспоминания о Ленине. М., 1956. Т. 1. С. 628.

¹³⁶ См.: Пролетарская революция. 1927. № 10. С. 172.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ См.: Утро страны Советов. Л.: Лениздат, 1988. С. 134.

¹³⁹ *Сокольников (наст. фам. Бриллиант) Григорий Яковлевич* (1888–1939) родился в г. Ромнах Полтавской губернии в семье врача. Окончил гимназию в Москве, учился в Париже на юридическом факультете. Член РСДРП с 1905 г. Неоднократно арестовывался, был в ссылке, бежал. В 1909–1917 гг. – в эмиграции. В 1917 г. – член МК и Московского областного бюро РСДРП(б). С 1918 г. – член Президиума ВСНХ РСФСР. Участвовал в Первом конгрессе Коминтерна. В 1920 г. направлен в Среднюю Азию, возглавлял Туркестанскую комиссию при ВЦИК. Весь 1921 г. был болен: оперировался в Германии, вернулся в Россию в ноябре 1921 г., назначен зам. наркома финансов РСФСР, в 1923–1926 гг. – нарком финансов СССР. Во внутрипартийных разногласиях 1923–1926 гг. поддерживал меньшинство ЦК. С весны 1926 г. работал зам. председателя Госплана СССР. С 1927 г. – председатель Нефтесиндиката, в 1929–1932 гг. – полпред в Великобритании. После непродолжительной опалы (полгода без работы) с марта 1933 г. – член коллегии НКВД СССР, первый зам. наркома. В 1935–1936 гг. – первый зам. наркома лесной промышленности СССР. Избирался членом ЦК партии большевиков (1917–1919, 1922–1930), кандидатом в члены Политбюро (1924–1926). 26 июля 1936 г. арестован по делу так называемого «параллельного антисоветского троцкистского центра», 30 января 1937 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения, умер в заключении в Верхнеуральском политизоляторе в 1939 г. Реабилитирован в 1988 г.

¹⁴⁰ *Авксентьев Николай Дмитриевич* (1878–1943) – один из лидеров партии эсеров, член ее ЦК. После Февральской революции 1917 г. – председатель Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Министр внутренних дел во втором коалиционном Временном правительстве, затем председатель «Предпарламента». В 1918 г. – член «Уфимской директории», в ноябре – выслан за границу.

¹⁴¹ Вопросы истории. 1989. № 10. С. 119–126.

¹⁴² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 41.

¹⁴³ Там же. Т. 32. С. 344.

¹⁴⁴ *Шлихтер А.* Октябрьские дни // Пролетарская революция. 1922. № 5. С. 245–246.

- ¹⁴⁵ *Пестковский Станислав Станиславович* (1882–1937) родился в помещицкой семье в Польше. Окончил гимназию в г. Лодзи, учился в университете за границей. В революционном движении с 1901 г., член Социал-демократической партии Польши и Литвы. Неоднократно арестовывался, был на каторге в Сибири, бежал, с 1913 г. в эмиграции, где работал помощником электромонтера на лондонских трамваях, член Британской социалистической партии. Вернулся в Петроград после Февральской революции 1917 г., работал в Петроградском совете профсоюзов. После Октябрьской революции – комиссар телеграфа, управляющий Госбанка (три дня), затем до лета 1919 г. – член коллегии, зам. наркома по делам национальностей РСФСР. В 1919–1920 гг. – председатель военревкома Киргизского края, с 1920 г. – на западном фронте. В 1922–1924 гг. – на партийной работе. С 1924 г. – полпред СССР в Мексике, с 1926 г. – председатель ЦК МОПР, затем работал в Коминтерне. В 1937 г. арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1955 г.
- ¹⁴⁶ *Муранов Матвей Константинович* (1873–1959) – рабочий, по профессии слесарь. Член РСДРП с 1904 г. Избирался членом 4-й Государственной думы (судился по процессу думской фракции большевиков и был сослан на поселение в Туруханский край). Неоднократно арестовывался, был в ссылке. В 1917–1923 гг. работал инструктором ЦК РКП(б), с 1923 г. – член коллегии Верховного суда СССР. Избирался членом ЦИК и ЦК партии большевиков (1922–1934). Похоронен на Новодевичьем кладбище.
- ¹⁴⁷ *Пестковский С.С.* Об октябрьских днях в Питере // Утро страны Советов. Л., 1988. С. 157, 162.
- ¹⁴⁸ Утро страны Советов. Л., 1988. С. 148, 149.
- ¹⁴⁹ *Горбунов Николай Петрович* (1892–1944) – один из организаторов советской науки. Член РСДРП(б) с 1917 г. С октября 1917 г. – секретарь СНК и личный секретарь Ленина. В 1918 г. – зав. Научно-техническим отделом ВСНХ СССР, в 1919–1920 гг. – член реввоенсовета ряда фронтов. В 1920 г. – управляющий делами СНК СССР, затем СНК и СТО СССР. В 1923–1929 гг. – одновременно ректор Московского высшего технического училища, с 1929 г. – зам. президента ВАСХНИЛ. В 1931–1939 гг. – зам. директора Физико-химического института им. Л. Карпова, участник

экспедиций на Памир (1928–1933). С 1935 г. – неперменный секретарь Академии наук СССР.

¹⁵⁰ Там же. С. 150.

¹⁵¹ *Бухарин Н.И.* Избр. произведения. М., 1988. С. 299–300.

¹⁵² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 47.

¹⁵³ *Днепровский С. П.* Кооператоры. М., 1986. С. 268–269.

¹⁵⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 202.

¹⁵⁵ Там же. С. 205.

¹⁵⁶ *Шмидт Василий Владимирович* (1886–1938) родился в Петербурге в рабочей семье, окончил четырехклассное городское училище, трудовую деятельность начал в железнодорожных мастерских. В революционном движении с 1905 г., член РСДРП. С 1907 г. в эмиграции, где долго бедствовал, затем работал маляром в Гамбурге. С 1911 г. вел партийную работу в Петербурге, работал на заводе «Новый Леснер». С 1914 г. секретарь Петербургского профсоюза металлистов. Неоднократно арестовывался, сидел в тюрьмах, бежал. В 1917 г. секретарь Петербургского комитета РСДРП(б), член Военревкома и Петроградского бюро профсоюзов. В 1918 г. – секретарь ВЦСПС, одновременно с декабря 1917 г. помощник наркома, в 1918–1923 гг. – нарком труда РСФСР. В 1923–1928 гг. – нарком труда СССР. В 1928 г. был среди тех, кто критиковал сталинский курс «наступления на кулака» и ускорение темпов коллективизации. В 1930–1931 гг. – зам. наркома земледелия СССР, с 1931 г. – Главный арбитр при СНК СССР, с 1933 г. на хозяйственной работе на Дальнем Востоке (председатель Приморского облплана). Избирался членом ВЦИК, ЦИК СССР, ЦК РКП(б) (1918–1919, 1925–1930). 5 января 1937 г. арестован, 3 июня 1937 г. приговорен к 10 годам лишения свободы, 29 июля 1938 г. – к расстрелу и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1961 г.

¹⁵⁷ *Пельше Роберт Андреевич* (1880–1955) – в революционном движении с 1898 г., член РСДРП и член ЦК Социал-демократии Латышского края. В 1911–1915 гг. – в эмиграции. С 1917 г. – член Московского городского комитета партии. В 1918 г. работал в Моссовете. В 1922–1924 гг. возглавлял отдел искусств Наркомпроса Украины, затем в Наркомпросе РСФСР. Одновременно вел научную работу. С 1945 г. на преподавательской и научной работе в Латвии. Заслуженный деятель культуры Латвийской ССР (1945), академик АН Латвийской ССР (1951).

¹⁵⁸ *Шмидт Отто Юльевич* (1891–1956) – выдающийся советский ученый, математик, астроном, географ. Родился в г. Могилеве в мещанской семье. Окончил Киевский университет и преподавал в нем. Член РСДРП с 1918 г. С ноября 1917 г. – начальник управления в Наркомате продовольствия, в 1918–1920 гг. – член коллегии Наркомпроса РСФСР, одновременно в 1921–1922 гг. – член коллегии Наркомата финансов РСФСР, в 1920–1930 гг. – член коллегии Наркомата просвещения РСФСР. В 1921–1924 гг. – зав. Госиздатом, в 1928–1929 гг. – зам. управляющего ЦСУ СССР, в 1929–1930 гг. – член Президиума Госплана СССР, в 1932–1939 гг. – начальник Главсевморпути, в 1939–1942 гг. – первый вице-президент Академии Наук СССР, академик АН СССР (1935) и АН УССР (1934). Герой Советского Союза (1937). Директор Всесоюзного арктического института (1930–1932), основатель и директор Института теоретической геофизики АН СССР. С 1921 г. вел преподавательскую работу в вузах Москвы. Избирался членом ЦИК СССР, депутатом Верховного Совета СССР.

¹⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 49. Л. 13.

¹⁶⁰ Там же. Л. 15.

¹⁶¹ Там же. Л. 19 об.

¹⁶² Там же. Л. 37, 40.

¹⁶³ Там же. Д. 54. Л. 10–12.

¹⁶⁴ *Мещеряков Николай Леонидович* (1865–1942) родился в крестьянской семье в Рязанской губернии. Окончил реальное училище в г. Зарайске, учился в Петербургском технологическом институте, в университете г. Льежа (Франция). В революционном движении с 1885 г., народоволец. С 1901 г. – член РСДРП. Неоднократно арестовывался, был в ссылке (в Якутии, Енисейской губернии), на поселении (Красноярский край). После Февральской революции 1917 г. член Красноярского комитета партии, с августа 1917 г. – председатель Московского Совета рабочих депутатов, член редакции «Известий Моссовета», затем в редакции «Известий», «Правды». Избирался членом Центросоюза. В 1920–1924 гг. – зав. Госиздатом, с 1924 г. работал в Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ), в Крестинтерне. В 1929–1931 гг. – член президиума кооперативной секции Коминтерна.

¹⁶⁵ *Лезава Андрей Матвеевич* (1870–1937) родился в г. Сигнахе Тифлисской губернии в семье приказчика. Окончил ше-

стикласное городское училище и поступил в Тифлисский учительский институт. Член РСДРП с 1904 г. Неоднократно арестовывался, был в ссылке. В 1918–1920 гг. председатель Центросоюза, в 1920–1925 гг. зам. наркома внешней торговли, одновременно в 1923–1924 гг. – председатель Комиссии по внутренней торговле, а с 1924 г. – нарком внутренней торговли СССР. В 1925–1930 гг. зам. председателя СНК СССР, одновременно в 1925–1929 гг. председатель Госплана РСФСР. В 1933–1937 гг. – нач. Главного управления субтропических культур. Избирался членом ВЦИК, ЦИК СССР, членом ЦИК партии большевиков. В 1937 г. арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

¹⁶⁶ *Фрумкин Моисей Ильич* (1878–1938) родился в г. Гомеле Могилевской губернии в семье крупного хлебо- и виноторговца. Систематического образования не получил. В революционном движении с 1894 г. (член БУНД), с 1898 г. – член РСДРП. Неоднократно арестовывался, был в ссылке, бежал. В 1911–1917 гг. – в ссылке (Канск, Красноярск). В 1917 г. – член Красноярского губкома партии и председатель губисполкома, в 1918 г. – член краевого Совета Западной Сибири. В 1918–1922 гг. – член коллегии, затем зам. наркома продовольствия РСФСР, одновременно член Оргбюро ЦК партии. В 1922–1924 гг. – в наркомате внешней торговли РСФСР, затем СССР. В 1924–1925 гг. – член коллегии Наркомата финансов СССР, в 1925–1926 гг. – член коллегии Наркомата внешней торговли СССР, с конца 1926 г. – снова член коллегии Наркомата финансов СССР. В 1929–1930 гг. – председатель Госрыбсиндиката, с 1931 г. – нач. сектора снабжения и сбыта ВСНХ СССР, затем член коллегии Наркомата путей сообщения СССР. В 1932–1935 гг. – зам. наркома внешней торговли СССР, затем управляющий трестом «Союзхимпластмасс». В начале 1920-х гг. был упорным противником государственной монополии внешней торговли, в 1923 г. возглавлял так называемый «правый уклон», затем отказался от дальнейшей защиты своих взглядов. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

¹⁶⁷ Девятый съезд РКП(б). Март-апрель 1920 года: Протоколы. М., 1960. С. 280.

¹⁶⁸ *Чаянов Александр Васильевич* (1888–1937) – крупнейший теоретик кооперации крестьянских хозяйств. После окончания Московского сельскохозяйственного института (Петров-

ская академия) оставлен в аспирантуре, затем на научной и педагогической работе. С 1919 г. – директор НИИ сельскохозяйственной экономии при Тимирязевской академии, одновременно в Наркомате земледелия РСФСР, в Правлении Центросоюза. 21 июля 1930 г. арестован по делу так называемой «Трудовой крестьянской партии», сослан в Казахстан. 3 октября 1937 г. приговорен и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1987 г.

¹⁶⁹ *Крестинский Николай Николаевич* (1883–1938) родился в г. Могилеве в семье учителя гимназии. Окончил гимназию и юридический факультет Петербургского университета. С 1907 до 1917 г. работал сначала помощником присяжного поверенного, затем присяжным поверенным. В революционном движении с 1901 г., с 1903 г. – член РСДРП. Неоднократно арестовывался, был в ссылке. После Февральской революции 1917 г. работал на Урале, был членом и председателем Уральского областного комитета РСДРП. После октября 1917 г. – зам. комиссара Народного банка, в 1918–1922 гг. – нарком финансов РСФСР, одновременно секретарь ЦК РКП(б). С октября 1921 г. – полпред в Германии. С 1930 г. зам., затем первый зам. наркома иностранных дел СССР. В марте–мае 1937 г. – зам. наркома юстиции СССР. Избирался членом ВЦИК, ЦИК СССР, членом ЦК РКП(б), членом ЦК ВКП(б) (1917–1921). Арестован в 1937 г., исключен из партии, в 1938 г. по делу так называемого «правотроцкистского блока» приговорен к расстрелу. 15 марта 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1963 г.

¹⁷⁰ Девятый съезд РКП(б). Март–апрель 1920 года: Протоколы. М., 1960. С. 301.

¹⁷¹ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 58. Л. 38.

¹⁷² Там же. Л. 17.

¹⁷³ Там же. Л. 40–41, 43.

¹⁷⁴ Там же. Д. 61. Л. 9–11.

¹⁷⁵ *Красин Леонид Борисович* (1870–1928) родился в г. Кургане Тобольской губернии в семье мелкого чиновника. Окончил реальное училище, поступил в Петербургский технологический институт. В революционном движении с 1890 г. Неоднократно арестовывался, был в ссылке. В 1897–1900 гг. учился в Харьковском техническом институте. В 1900–1904 гг. работает инженером в Баку на строительстве электростанции, организует нелегальную типографию «Нина».

С 1903 г. примкнул к большевикам, кооптирован в состав ЦК РСДРП(б). В годы революции 1905–1907 гг. возглавлял боевую техническую группу. В 1908 г. эмигрировал, отошел от политической деятельности и работал по инженерной специальности за границей и в России (зав. Петербургской осветительной кабельной сетью). После Октября 1917 г. принимает участие в Брест-Литовских мирных переговорах, затем назначается председателем ЧК по снабжению Красной армии (1918), затем членом Президиума ВСНХ и наркомом торговли и промышленности РСФСР, с марта 1919 г. – одновременно нарком путей сообщения. В 1920–1923 гг. – на дипломатической работе (полпред и торгпред в Великобритании), участник международных конференций в Генуе и Гааге. В 1923–1925 гг. нарком внешней торговли СССР. Являлся одним из трех учредителей (вместе с В.П. Ногиным и С.З. Розовским) акционерного общества «Аркос» в Англии. Последовательный сторонник государственной монополии внешней торговли. С 1924 г. – полпред во Франции, с 1925 г. – в Англии, где и умер. Избирался членом ЦК партии (1924–1925). Похоронен на Красной площади.

¹⁷⁶ Факел-89. С. 226.

¹⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

¹⁷⁸ Факел-89. С. 226.

¹⁷⁹ *Красин Л.Б.* Странички воспоминаний о В.П. Ногине // Исторический архив. 1962. № 2. С. 169.

¹⁸⁰ Там же. С. 170.

¹⁸¹ Переговоры с британским правительством закончились подписанием 16 марта 1921 г. англо-советского торгового соглашения.

¹⁸² РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 36.

¹⁸³ Там же. Д. 38. Л. 2.

¹⁸⁴ Там же. Л. 3 об.

¹⁸⁵ *Губкин Иван Михайлович (1871–1939)* – геолог, основатель советской нефтяной геологии, академик (1929). В 1936–1939 гг. – вице-президент АН СССР. Разработал основы теории происхождения нефти, условия формирования ее залежей. В 1920–1925 гг. руководил исследованиями Курской магнитной аномалии. Избирался членом ЦИК СССР, депутатом Верховного Совета СССР.

¹⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 40. Л. 114.

- ¹⁸⁷ Там же. Л. 114.
- ¹⁸⁸ Там же. Л. 156.
- ¹⁸⁹ В комиссию входили М.Ф. Владимирский, М.Н. Покровский, Н. Осинский, Б.С. Мальцман, С.А. Клепиков, В.Х. Ауссем, М.Я. Катунский и др. (см. также: Д. 42. Л. 3).
- ¹⁹⁰ *Пальчинский Петр Акимович (Иоакимович) (1875–1929)* – крупнейший русский инженер, член многих научных обществ, организатор и общественный деятель. В 1917 г. – товарищ министра торговли и промышленности во Временном правительстве, с 28 августа 1917 г. – помощник военного губернатора Петрограда. Арестован Петроградской ЧК в июне 1918 г. как член Временного правительства, в сентябре 1918 г. объявлен заложником, в 1919 г. освобожден. Вторично арестован в 1928 г. в Ленинграде по так называемому «делу о вредительстве в золотоплатиновой промышленности», в мае 1929 г. расстрелян без суда.
- ¹⁹¹ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 42. Л. 2.
- ¹⁹² Там же. Л. 27.
- ¹⁹³ *Ларин Ю. (наст. – Лурье Михаил Зальманович) (1882–1932)* – русский, советский экономист. Родился в Симферополе, окончил гимназию, другого систематического образования не получил. В революционном движении с 1900 г. Неоднократно арестовывался, был в ссылке, бежал. С 1904 г. примкнул к меньшевикам. В 1905 г. – один из организаторов профсоюзов в Петербурге. В 1913 г. арестован в Тифлисе и выслан за границу. Вернулся в Россию в феврале 1917 г. и в июне примкнул к большевикам. С 1918 г. работал в системе ВСНХ РСФСР: член Президиума, председатель Комитета хозяйственной политики, Комиссии использования, Высшего совета по перевозкам и др., затем в Госплане СССР. С 1929 г. – председатель Общества по борьбе с алкоголизмом. Избирался членом ВЦИК, ЦИК СССР. Похоронен на Красной площади.
- ¹⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 43.
- ¹⁹⁵ См.: Вопросы истории. 1982. № 11. С. 106.
- ¹⁹⁶ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 38. Д. 93. Л. 140. Образована еще в 1919 г. Ее возглавляли в разное время Фрунзе, Куйбышев, Рудзутак. Постановлением ЦК РКП(б) 16 августа 1922 г. ликвидирована, фактически закончила деятельность в марте 1923 г. Туркбюро – руководящий партийный орган, образованный ЦК партии в апреле 1920 г. для объединения всей

партийной работы в Туркестане. В мае 1922 г. реорганизовано в Среднеазиатское Бюро ЦК РКП(б).

¹⁹⁷ *Томский (наст. фам. Ефремов) Михаил Павлович (1880–1936)* родился в Петербурге в рабочей семье. Окончил трехклассное начальное училище, другого образования не получил. Член РСДРП с 1904 г., основатель Ревельского профсоюза металлистов. Неоднократно арестовывался, был в ссылке, бежал. В 1916 г. после отбытия пятилетней каторги жил на поселении в Иркутской губернии. В 1917 г. – председатель Московского совета профсоюзов, с 1918 г. – член Президиума, с октября 1918 г. до мая 1921 г. – председатель ВЦСПС. В 1920 г. участвовал в создании Профинтерна, один из инициаторов создания и руководитель Англо-русского комитета единства мирового профдвижения (1925–1927). С сентября 1922 г. по май 1929 г. – вновь председатель ВЦСПС. В 1928–1929 гг. вместе с Н.И. Бухариным и А.И. Рыковым выступал против применения чрезвычайных мер по отношению к крестьянству, форсирования темпов коллективизации, бюрократизации партийной жизни. В апр. 1929 г. освобожден от должности председателя ВЦСПС. С 1929 г. – член Президиума и зам. председателя ВСНХ СССР. В 1932–1936 гг. – зав. Объединением книжно-журнальных издательств «ОГИЗ» РСФСР. Избирался членом ЦК (1919–1934) и Политбюро ЦК (1922–1930) партии, членом Президиума ВЦИК и ЦИК СССР. 22 августа 1936 г., после объявления в газете «Правда» о начале расследования по делу лидеров «правого уклона», покончил жизнь самоубийством.

¹⁹⁸ *Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927)* родился в Симферополе в богатой еврейской семье. Окончил гимназию, некоторое время учился на медицинском (в Берлине) и юридическом (в Цюрихе) факультетах. В 1903–1917 гг. – меньшевик, с 1917 г. – большевик. В октябре 1917 г. член Петроградского военревкома, затем глава делегации на переговорах о мире с Германией, затем на дипломатической работе. В 1921 г. – член Туркестанской комиссии ВЦИК и Туркестанского бюро ЦК РКП(б). С 1922 г. – снова на дипломатической работе (полпред в Японии, Китае, Австрии). Избирался членом ВЦИК, ЦИК СССР, кандидатом в члены ЦК РКП(б). В 1927 г. покончил жизнь самоубийством.

¹⁹⁹ *Сафаров Георгий Иванович (1891–1942)*. В революционном движении с 1908 г. С 1910 г. – в ссылке в Архангельской губер-

нии, затем в эмиграции. После октября 1917 г. был членом Петроградского комитета партии большевиков, работал в «Правде». В 1919–1921 гг. – член Турккомиссии ВЦИК. В 1921–1922 гг. – член Исполкома Коминтерна. В 1922–1926 гг. – редактор «Ленинградской правды». С 1926 г. – секретарь полпредства в Китае, в 1927 г. назначен в торгпредство в Турции, куда отказался ехать. В 1927 г. исключен из партии, в ноябре 1928 г. восстановлен. С 1929 г. работал в Исполкоме Коминтерна. После убийства С.М. Кирова в 1934 г. снова исключен из партии, затем арестован. 21 декабря 1936 г. приговорен к 5 годам лишения свободы. Расстрелян в июле 1942 г. Реабилитирован в 1991 г.

²⁰⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 190.

²⁰¹ Там же. Т. 53. С. 432, 268.

²⁰² РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 34. Л. 60, 80.

²⁰³ Суриц Яков Захарович (1882–1952) – советский дипломат. Родился в семье владельца ювелирного магазина. В 1902 г. примкнул к революционному движению. Член Бунда (1902), РСДРП (1903), с 1917 г. – большевик. В 1907 г. арестован и сослан в Тобольскую губернию, освобожден в 1910 г. Эмигрировал в Германию, где учился на отделении государственно-общественных наук философского факультета Гейдельбергского университета, изучал право в Берлинском университете. В 1917 году вернулся в Россию. С 1918 года на дипломатической службе. В 1948 г. вышел в отставку.

²⁰⁴ Петерс Яков Христофорович (1886–1938) родился в Латвии в семье батрака. Систематического образования не получил. В революционном движении с 1904 г., член Либавской организации Социал-демократии Латышского края. В 1909–1917 гг. в эмиграции. После Февральской революции 1917 г. на партийной работе в Риге, член ЦК СДЛК, редактор газеты «Циня». В октябре – член Петроградского военревкома, делегат II Всероссийского съезда Советов, где избран членом ВЦИК. С 1918 г. – член коллегии и зам. председателя ВЧК по борьбе с контрреволюцией при СНК РСФСР, председатель Ревтрибунала при ВЦИК. В 1920–1922 гг. – член Туркестанского бюро ЦК РКП(б) и представитель ВЧК в Туркестане. В 1928–1930 гг. – член коллегии ОГПУ СССР, одновременно член коллегии ЦКК НК РКИ СССР. В 1930–1934 гг. – председатель Московской област-

- ной контрольной комиссии партии. В ноябре 1937 г. арестован, 25 апреля 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.
- 205 РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.
- 206 Там же. Д. 13. Л. 2.
- 207 Там же. Л. 1.
- 208 Там же. Д. 74. Л. 2.
- 209 Там же. Л. 8.
- 210 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 275.
- 211 Там же. Т. 44. С. 208.
- 212 СУ РСФСР. 1921. № 59. Ст. 403; № 63. Ст. 462.
- 213 Народное хозяйство России за 1921/22 год: Стат.-эконом. ежегод. М., 1923. С. 325.
- 214 См.: *Бокарев Ю.П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. М., 1989. С. 175.
- 215 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 112.
- 216 СУ РСФСР. 1923. Отд. II. № 1. Ст. 3.
- 217 См.: *Звездин З.К.* Всероссийский текстильный синдикат в 1922–1929 гг. // Исторические записки. Т. 88. М., 1971. С. 12.
- 218 РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.
- 219 Там же. Л. 12–13.
- 220 Там же. Л. 14–15.
- 221 Там же. Д. 11. Л. 38.
- 222 Там же. Л. 26.
- 223 *Лацис О.* Искусство сложения. М., 1984. С. 55.
- 224 РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 72. Л. 10.
- 225 *Звездин З.К.* Указ. соч. С. 17.
- 226 Там же. С. 21.
- 227 Там же. С. 31, 33.
- 228 РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.
- 229 Там же. Д. 17. Л. 47.
- 230 Там же. Л. 48.
- 231 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 343.
- 232 РГАЭ. Ф. 7770. Оп. 13. Д. 38. Л. 43.
- 233 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 382.
- 234 РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 20. Л. 22.
- 235 Там же. Л. 6.
- 236 Там же. Л. 19.
- 237 Факел-89... С. 227–229.
- 238 РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.
- 239 Образована в 1922 г. во главе с назначаемой Советом труда и обороны тройкой: А.М. Лежава (председатель), Н.Б. Эйсмонт

(от ВСНХ), В.А. Тихомиров (от Центросоюза). Только в мае 1924 г. Комвнудторг и Наркомпрод были ликвидированы и на их базе впервые создан Наркомат внутренней торговли (См.: СУ РСФСР. 1922. № 34. Ст. 400).

²⁴⁰ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г.: Стеногр. отчет. М., 1968. С. 393–396.

²⁴¹ *Лацис О.* Экономическая централизация и централизм управления. М., 1987. С. 106.

²⁴² *Курский Дмитрий Иванович (1874–1932)* родился в Киеве в семье инженера-железнодорожника, окончил юридический факультет Московского университета, после чего поступил в Московскую адвокатуру помощником присяжного поверенного. В революционном движении с 1895 г. Участник трех революций, член Московского областного бюро большевиков. Принимал участие в издании большевистских газет «Борьба», «Наша мысль», «Рабочее знамя». В 1914–1917 гг. в армии, председатель Совета солдатских депутатов 4-й армии на Румынском фронте. В октябре 1917 г. – член Одесского военревкома, с ноября 1917 г. – организатор первых народных судов в Москве. В 1918–1928 гг. – нарком юстиции РСФСР, одновременно член РВС Республики. С 1920 г. руководил разработкой гражданского, уголовного, процессуального кодексов, кодекса законов о браке, семье и опеке, положения о судеустройстве и о прокуратуре. В 1924–1927 гг. – председатель Центральной ревизионной комиссии партии, в 1923–1928 гг. – прокурор СССР. Возглавлял Институт советского права, участвовал в создании Конституции СССР 1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г. В 1928–1932 гг. – полпред СССР в Италии. Избирался членом ВЦИК, ЦИК СССР, членом ЦКК. Умер от заражения крови 20 декабря 1932 г.

²⁴³ Одиннадцатый съезд РКП(б). Март-апрель 1922 г.: Стеногр. отчет. М., 1961. С. 829, 839, 848.

²⁴⁴ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 г.: Протоколы. М., 1959. С. 168.

²⁴⁵ Одиннадцатый съезд РКП(б). Март-апрель 1922 г.: Стеногр. отчет. М., 1961. С. 70.

²⁴⁶ Там же. С. 99; *Стуков Иннокентий Николаевич (1887–1937)* – член партии с 1905 г. С 1905 г. участвовал в революционном движении в Украине, с 1907 г. – в Сибири. После Февральской революции член Петрогр. к-та РСДРП(б), с июня 1917 г. – Моск. обл. бюро РСДРП(б), в окт. – Моск. ВРК.

Член большевистской фракции Всероссийского Учредительного собрания. Как член РВС 5-й армии проводил партийную работу в г. Самара, Омск, Уфа. В 1918 г. – «левый коммунист». С янв. 1919 г. – председатель Временного рев. к-та Уфы и Уфимской губернии, в марте – ноябре 1920 г. – секр. Уфимского губ. к-та РКП(б). В 1920–1921 гг. примыкал к группе «демократического централизма». С 1921 г. – редактор газеты «Московский рабочий», изд-ва «Красная новь», журнала «Безбожник у станка». В 1926–1927 гг. участвовал в объединенной оппозиции, после чего был исключен из партии и сослан. В последующие годы на военной и хозяйственной работе в Москве. В 1936 г. – начальник сектора экономических исследований Народного комиссариата финансов РСФСР. Арестован 21 марта 1936 г. и приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 4 ноября 1936 г. Реабилитирован 30 ноября 1957 г.

²⁴⁷ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. М., 1968. С. 75.

²⁴⁸ Там же. С. 197.

²⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 145. Оп. 1. Д. 74. Л. 11.

²⁵⁰ Там же. Ф. 71. Оп. 15. Д. 282. Л. 107.

Хронологический указатель трудов

1955

1. [Рец.] // Вопросы истории. – 1955. – № 12. – С. 150–152. – *Рец. на кн.*: Разгром пепеляевской авантюры / П.У. Петров. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1955. – 114 с.

1957

2. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии: (сборник документов и материалов). Ч. 1, кн. 1 / АН СССР, Якут. фил., Ин-т яз., лит. и истории, Центр. гос. арх. ЯАССР, Парт. арх. Якут. ОК КПСС; [сост.: Тебекин Д.А., Николаева В.В.; подготовка документов к изданию: Т.П. Коржихина, Н.П. Шамаева, Р.В. Шелехова, Р.А. Шелковникова, М.Я. Жорницкая, С.П. Тартыев]. – Якутск: Кн. изд-во, 1957. – 246, [1] с.: ил. – Указ.: с. 226–233.
3. Документы о революционных событиях 1905–1907 гг. в Якутии / АН СССР, Якут. фил., Ин-т яз., лит. и истории, Центр. гос. арх. ЯАССР; [сост.: Т.П. Коржихина, Д.А. Тебекин, О.М. Тебекина, Н.П. Шамаева]. – Якутск: Кн. изд-во, 1957. – 208, [1] с. – Парал. тит. л. якут. – Библиогр.: с. 189–192. – Указ.: с. 193–201.

1959

4. Справочник о составе и содержании документальных материалов Центрального государственного архива РСФСР / Центральный государственный архив РСФСР; [Подготовка Коржихиной Т.П.]. – Москва: [б. и.], 1959. – 144, [1] с. – Для служеб. пользования. – Указ.: с. 129–144.

1962

5. Поднятый из руин: Сборник документов и материалов о восстановлении и развитии Волгограда (1943–1960 гг.) / Сост.:

Составлен Л.Н. Простоволосовой, Л.Д. Шаповаловой

И.И. Белов, В.Г. Сидорин, Т.П. Коржихина; Центр. гос. арх. РСФСР, Парт. арх. Волгогр. обкома КПСС. – Волгоград: Кн. изд-во, 1962. – 369 с.: ил. – Библиогр. в конце кн.

6. Каталогизация документальных материалов ЦГА РСФСР // Вопросы архивоведения. – 1962. – № 1. – С. 71–74.

1963

7. Возрожденный из руин: Сборник документов и материалов о восстановлении и развитии г. Смоленска 1943–1962 годов / Центр. гос. арх. РСФСР, Парт. арх. Смол. обл., Гос. арх. Смол. обл.; Сост.: И.И. Белов, Т.П. Коржихина, З.И. Парамонова, Т.П. Иделевич, В.И. Радикорский; редактор П.Е. Богданов. – Смоленск: Кн. изд-во, 1963. – 441, [1] с.: фот., табл.

1964

8. Создание советской государственности и государственного аппарата в Якутии (1917–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Москва, 1964. – 21 с. – На правах рукописи. – Библиогр.: с. 21 (4 назв.).
9. Источники по истории образования Якутской АССР // Источниковедение истории советского общества / АН СССР, Ин-т истории СССР; [редкол.: Н.А. Ивницкий (отв. ред.), Б.Г. Литвак, Г.Е. Рейхберг, В.В. Фарсобин, Д.А. Чугаев]. – Москва: Наука, 1964. – С. 248–264.
10. Образование Якутской АССР (1922–1923 гг.) // История СССР. – 1964. – № 1. – С. 94–105.
11. Розыск документальных материалов ликвидированных фондообразователей / Т.П. Коржихина, С.И. Хорошая // Вопросы архивоведения. – 1964. – № 2. – С. 53–57.
12. [Рец.] / Т.П. Коржихина, В.С. Познанский // История СССР. – 1964. – № 3. – С. 181–184. – *Рец. на кн.*: История Якутской АССР (Советская Якутия). Т. 3. – Москва, 1963. – 362 с.

1965

13. К истории восстановления органов советской власти в Якутии (1919–1920 гг.) // Труды Московского государственного историко-архивного института. – Т. 20. – Москва: [б. и.], 1965. – С. 67–115.
14. Отбор сведений при каталогизации документальных материалов советской эпохи // Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. – Т. 3: Материалы на-

учно-методической конференции архивистов РСФСР / Главархив СССР. Отв. ред. Л.Н. Кривошеин. – Куйбышев, 1965. – С. 181–187.

1966

15. Из истории возникновения советской государственности якутского народа // Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму. Вып. 6: Сибирь в период строительства социализма. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1966. – С. 24–37.

1967

16. [Рец.] // Преподавание истории в школе. – 1967. – № 2. – С. 96–97. – *Рец. на кн.:* Ирошников М.П. Создание советского центрального государственного аппарата. Совет народных комиссаров и народные комиссариаты. Окт. 1917 – янв. 1918. – Москва: Наука, 1966.
17. [Ред.] Труды Московского государственного историко-архивного института. – Т. 23: Статьи аспирантов по вопросам истории СССР, источниковедения, архивоведения и документоведения / под ред. Т.П. Коржихиной, Ю.Ф. Кононова. – Москва: [б. и.], 1967. – 376 с.

1968

18. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма / [АН СССР, Отд-ние истории АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии; гл. ред. А.П. Окладников]. – Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. – 500 с., [4] л. к., ил.: ил. – Библиогр. в подстроч. примеч. – Указ.: с. 480–498.
Из содерж.: Культурно-просветительная работа. – Гл. 10. – С. 410–415. Ликвидация неграмотности. – Гл. 10. – С. 406–409.

1970

19. Об издании географо-статистического словаря России // Советские архивы. – 1970. – № 5. – С. 112–113.

1971

20. Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967 гг.): справочник: (по материалам государственных архивов) / Центр. гос.

арх. РСФСР; [отв. ред. Н.П. Ерошкин; сост.: Н.П. Беликова, Е.В. Белова, Т.Г. Кий, Т.П. Коржихина (отв. сост.), Р.Д. Кузнецова, А.К. Панфилова, К.В. Плешкова, Г.П. Тихачева, С.И. Хорошая]. – Москва: [б. и.], 1971. – 623 с. – Библиогр.: с. 605–622. – Указ.: с. 510–604.

Из содерж.: Предисловие. – С. 10–31; Высшие органы государственной власти РСФСР. – С. 35–49; Общеэкономические органы. – С. 77–141; Органы управления торговлей и общественным питанием. – С. 371–389; Органы управления в области национального государственного строительства. – С. 483–485; Органы управления в области организации и охраны труда. – С. 432–438; Библиография. – С. 605–622.

21. Программа курса «История и современная организация государственных учреждений СССР»: для специальности 2009 – архивоведение / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Моск. гос. ист.-арх. ин-т; [сост.: Н.П. Ерошкин, Т.П. Коржихина; отв. ред. Н.П. Ерошкин]. – Москва: [б. и.], 1971. – 50 с. – Библиогр.: с. 47–49.

22. [Рец.] Первый сборник документов об обществах и союзах // Советские архивы. – 1971. – № 5. – С. 102–103. – *Рец. на кн.*: К истории советских общественных организаций (сборник архивных документов) / Т.Т. Попов, Д.Т. Субботин. – Москва: Высшая школа, 1970. – 439 с.

1972

23. Программа курса «Система и организация государственных учреждений СССР: для факультета государственного делопроизводства» / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Моск. гос. ист.-арх. ин-т, Каф. гос. учреждений и орг. управленческого труда; [сост.: Н.П. Ерошкин, Т.П. Коржихина, В.А. Скултынь; отв. ред. Н.П. Ерошкин]. – Москва: [б. и.], 1972. – 20, [2] с. – Библиогр. в конце кн.

1973

24. О комплектовании государственных архивов СССР материалами общественных организаций // Советские архивы. – 1973. – № 4. – С. 36–41.

1974

25. История и современная организация государственных учреждений СССР, 1917–1972 гг.: Учебное пособие / Т.П. Кор-

жихина; под ред. Н.П. Ерошкина; Моск. гос. ист.-арх. ин-т. – Москва: [б. и.], 1974. – 309 с.

26. Краткий справочник по фондам (1701–1972 гг.) / Центр. гос. архив ЯАССР; Сост.: Акимов В.Р. (ч. 1), Николаева К.С. (ч. 2), авт. предисл. и ред. Коржихина Т.П. – Якутск: [Якутское] кн. изд-во, 1974. – 104 с.
27. [Рец.] Красный генерал // Советский воин. – 1974. – № 5. – С. 34. – *Рец. на кн.*: Сибирский красный генерал / Познанский В. – Новосибирск: Наука, 1973.

1975

28. История государственных учреждений в документах и материалах: учебное пособие для студентов Московского историко-архивного института. Ч. 1: 1917–1922 / Моск. гос. ист.-арх. ин-т; ред. Ерошкин Н.П.; сост.: Архипова Т.Г., Коржихина Т.П., Смирнова Т.М., Степанский А.Д. – Москва: [б. и.], 1975. – 65 с.
См. также № 31.

29. О создании каталога [архивных фондов] по истории государственных учреждений [РСФСР] / Т.П. Коржихина, Г.П. Тихачева // Советские архивы. – 1975. – № 1. – С. 53–60.
30. [Рец.] // Вопросы истории. – 1975. – № 4. – С. 160–162. – *Рец. на кн.*: Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин): Очерки государственной деятельности в 1917–1918 гг. / М.П. Ирошников. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1974. – 448 с.

1977

31. История государственных учреждений в документах и материалах: учебное пособие для студентов Московского историко-архивного института. Ч. 2: 1922–1936 / Моск. гос. ист.-арх. ин-т; ред. Ерошкин Н.П.; сост. Архипова Т.Г., Коржихина Т.П., Смирнова Т.М., Степанский А.Д. – Москва: [б. и.], 1977. – 103 с.
См. также № 28.

32. Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия / Под ред. Г.Н. Голикова, М.И. Кузнецова. – Москва: Сов. энцикл., 1977. – 712 с.: ил. – Библиогр.: с. 700–709. *Из содерж.:* Наркомат внутренних дел РСФСР. – С. 364–365; Наркомат государственного контроля РСФСР. – С. 365; Наркомат государственного призрения РСФСР. – С. 365; Наркомат государ-

ственных имуществ РСФСР. – С. 365; Наркомат дворцов республики. – С. 365; Наркомат здравоохранения РСФСР. – С. 365–366; Наркомат земледелия РСФСР. – С. 366; Наркомат имуществ Российской Республики. – С. 365; Наркомат местного самоуправления РСФСР. – С. 366; Наркомат по военным делам РСФСР. – С. 366–367; Наркомат по делам железнодорожным РСФСР. – С. 367; Наркомат по делам национальностей РСФСР. – С. 367–368; Наркомат по иностранным делам РСФСР. – С. 368; Наркомат по морским делам РСФСР. – С. 368; Наркомат почт и телеграфов РСФСР. – С. 368–369; Наркомат продовольствия РСФСР. – С. 369; Наркомат просвещения РСФСР. – С. 369–370; Наркомат путей сообщения РСФСР. – С. 370; Наркомат торговли и промышленности РСФСР. – С. 370; Наркомат труда РСФСР. – С. 370–371; Наркомат финансов РСФСР. – С. 371; Наркомат юстиции РСФСР. – С. 371; Центральная контрольная коллегия. – С. 655; Центропланбюро. – С. 663.

См. также № 50.

33. [Ред.] Смирнова Т.М. Государственные учреждения СССР в условиях развитого социализма – фондообразователи центральных государственных архивов: Учебное пособие / Т.М. Смирнова; под ред. Т.П. Коржихиной; Моск. гос. ист.-арх. ин-т. – Москва: [б. и.], 1977. – 78 с. – Библиогр.: с. 78.

1978

34. История и современная организация государственного аппарата СССР: программа курса для факультета государственного делопроизводства / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Моск. гос. ист.-арх. ин-т; [сост.: Н.П. Ерошкин, Т.М. Смирнова, Т.П. Коржихина; отв. ред. Н.П. Ерошкин]. – Москва: [б. и.], 1978. – 19 с. – Библиогр.: с. 18.

1979

35. [Рец.] // Советские архивы. – 1979. – № 5. – С. 79–80. – Рец. на кн.: Научно-технические общества СССР (1917–1941 гг.) / Филиппов Н.Г. – Москва: МГИАИ, 1977. – 81 с.

1980

36. Москва: энциклопедия / гл. ред. А.Л. Нарочницкий. – Москва: Сов. энцикл., 1980. – 687 с., [12] с. к.: ил.

Из содерж.: Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка. – С. 188; Комиссия по улучшению быта ученых. – С. 316; Комитет защиты мира московский. – С. 316; Общество художников-станковистов. – С. 467; Объединение современных архитекторов. – С. 467; Союз русских художников. – С. 577; Центральное бюро профсоюзов. – С. 646.

1981

37. Общественные организации СССР в 1917–1936 гг.: Учебное пособие / под ред. Н.П. Ерошкина; Моск. гос. ист.-арх. ин-т. – Москва: [б. и.], 1981. – 95 с. – Библиогр.: с. 94–95.
38. История добровольных обществ и союзов СССР в советской историографии // Вопросы истории. – 1981. – № 3. – С. 114–123.

1983

39. История государственных учреждений СССР: программа курса для специальности 2009 – история СССР / Моск. гос. ист.-арх. ин-т; [сост.: Н.П. Ерошкин, Т.П. Коржихина; отв. ред. Н.П. Ерошкин]. – Москва: МГИАИ, 1983. – 44 с. – Библиогр.: с. 41–43.
40. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / гл. ред. С.С. Хромов. – Москва: Сов. энцикл., 1983. – 702 с., [28] л. ил., к.: ил. – Библиогр.: с. 683–697.
- Из содерж.:* Бюро по переводу на красноармейский паек. – С. 83; Всерабочкомсод. – С. 124; Всеракомпом при ВЦИК. – С. 124; Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности и малограмотности Наркомпроса РСФСР (ВЧК Ликбеза). – С. 125; Всероссийский закупочный союз сельскохозяйственной кооперации (Сельскосоюз). – С. 125; Всероссийский союз работников искусств (Всерабис). – С. 126–127; Всероссийский союз работников просвещения и социалистической культуры. – С. 127; Всероссийский учительский союз (ВУС). – С. 129; ВСНХ РСФСР. – С. 129–131; ВЦИК. – С. 134–135; Главкомтруд при СТО. – С. 149; Главкустпром ВСНХ. – С. 150; Главснабпродарм. – С. 152; Главполитпросвет. – С. 152; Главпродукт Наркомпрода. – С. 152; Главпрофобр Наркомпроса. – С. 152; Госиздат. – С. 155; Государственный ученый совет Наркомпроса РСФСР. – С. 156; Гукон Наркомзема. – С. 161; Комиссия использования при Президиуме ВСНХ. – С. 266; Комитет миллиардного фонда при Наркомземе. – С. 266; Комитет по де- и мобилизации промышленности при ВСНХ. – С. 267; Комитет

хозяйственной политики (КХП) ВСНХ. – С. 267; Комитет цен при Президиуме ВСНХ. – С. 267; Народный банк РСФСР. – С. 376; Научно-технический отдел ВСНХ (НТО ВСНХ). – С. 387; Российское общество Красного Креста (РОКК). – С. 513; РОСТА при ВЦИК. – С. 513; Совет врачебных коллегий. – С. 546; Союз советских журналистов. – С. 562; Союз учителей-интернационалистов. – С. 562–563; Цеконрабснаб Наркомпрода. – С. 637; Цеконпродарм. – С. 637; Центральная комиссия по борьбе с эпидемическими заболеваниями при Наркомздраве. – С. 638; Центральная комиссия по улучшению быта ученых. – С. 638; Центральное военно-продовольственное бюро. – С. 640; Центральное управление военных сообщений (ЦУПВОСО). – С. 640; Центропланберж. – С. 645; Центросоюз. – С. 645–646; Центротئاتр при Наркомате просвещения. – С. 646.

41. [Рец.] // Советские архивы. – 1983. – № 5. – С. 82–83. – Рец. на кн.: История астрономических общественных организаций в СССР (1888–1941 гг.) / Луцкий В.К. – Москва: Наука. – 1982. – 262 с.

1984

42. Общественные организации в СССР, 1917–1936 гг.: (Профсоюзы интеллигенции): Учебное пособие для студентов заочного факультета / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. – Москва: [б. и.], 1984. – 98 с. – Библиогр.: с. 96–97.
43. Профсоюзы интеллигенции: борьба за демократическую интеллигенцию после Октября // Городские средние слои в Октябрьской революции и гражданской войне: Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. К.В. Гусев; М-во просвещения РСФСР, Науч. совет АН СССР по комплекс. проблеме «История Великой Окт. соц. революции», Тамбов. гос. пед. ин-т. – Москва: [Б. и.], 1984. – С. 180–188.

1985

44. Борьба с алкоголизмом в 1920-е – начале 1930-х годов // Вопросы истории. – 1985. – № 9. – С. 20–32.
45. Великая Отечественная война, 1941–1945: энциклопедия / [Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР]; гл. ред. М.М. Козлов. – Москва: Сов. энцикл., 1985. – 831 с., [35] л. ил., фронт.: ил.
Из содерж.: Антифашистский комитет советских женщин. – С. 55; Антифашистский комитет советских ученых. – С. 56; Антифашистский комитет советской молодежи. – С. 56; Всеславянский коми-

тет. – С. 185; *Всеславянские антифашистские митинги.* – С. 185; *Еврейский антифашистский комитет.* – С. 257; *Комитет при СНК СССР по восстановлению хозяйства.* – С. 351; «Славяне». – С. 654; *Совинформбюро.* – С. 670.

46. Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность: Межвузовский сборник / Моск. гос. ист.-арх. ин-т; [отв. ред. Н.П. Ерошкин; редкол.: Ерошкин Н.П., Воробьева Ю.С., Коржихина Т.П., Юрий М.Ф., Новикова Е.Э.]. – Москва: МГИАИ, 1985. – 163 с.: табл.

Из содерж.: К вопросу о взаимоотношениях государства и общественных организаций СССР в условиях государства диктатуры пролетариата. – С. 53–60.

1986

47. История государственных учреждений СССР: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «История». – Москва: Высш. шк., 1986. – 398 с.: схем. – Библиогр.: С. 381–397.

48. Документы добровольных обществ переходного периода от капитализма к социализму в СССР (1917–1936): Состояние и потребности исследования // Археографический ежегодник за 1984 год / Акад. наук СССР, Отд-ние истории, Археогр. комис. – Москва: Наука, 1986. – С. 173–181. – Библиогр. в подстроч. примеч.

1987

49. В.И. Ленин о сущности бюрократизма и методах борьбы с ним в условиях построения социалистического общества // Вопросы истории. – 1987. – № 8. – С. 3–19.

50. Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия / Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», АН СССР, Науч. совет по комплекс. проблеме «История Великой Окт. соц. революции»; под ред. П.А. Голуба, Ю.И. Кораблева, М.И. Кузнецова. – 3-е изд., доп. – Москва: Сов. энцикл., 1987. – 638, [1] с.: ил. – Указ.: с. 617–638.

Из содерж.: Наркомат внутренних дел РСФСР (НКВД). – С. 324–325; *Наркомат государственного контроля РСФСР (НКГК).* – С. 325; *Наркомат государственного призрения РСФСР (НКГП).* – С. 325; *Наркомат государственных имуществ РСФСР (НКГИ).* – С. 325; *Наркомат дворцов республики.* – С. 325; *Наркомат здравоохранения*

РСФСР (НКЗ). – С. 325; Наркомат земледелия РСФСР (НКЗ). – С. 325; Наркомат имуществ Российской Республики. – С. 325; Наркомат местного самоуправления РСФСР (НКМС). – С. 325; Наркомат по военным делам РСФСР (Наркомвоен). – С. 325–326; Наркомат по делам железнодорожным РСФСР. – С. 326; Наркомат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац). – С. 326; Наркомат по иностранным делам РСФСР (НКИД). – С. 326; Наркомат по морским делам РСФСР (НКМД). – С. 326–327; Наркомат почт и телеграфов РСФСР (НКПТ). – С. 327; Наркомат продовольствия РСФСР (НКП). – С. 327; Наркомат просвещения РСФСР (НКП). – С. 327–328; Наркомат путей сообщения РСФСР (НКПС). – С. 328; Наркомат торговли и промышленности РСФСР (НКТП). – С. 328; Наркомат труда РСФСР (НКТ). – С. 328; Наркомат финансов РСФСР (НКФ). – С. 328; Наркомат юстиции РСФСР (НКЮ). – С. 328–329; Центральная контрольная коллегия (ЦКК). – С. 569; Центропланберж (Центральная коллегия по делам пленных и беженцев). – С. 576.
См. также № 32.

51. Законодательные источники по истории общественных организаций СССР: (1917–1936 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 18 / АН СССР, Отд-ние истории, Археогр. комис., Ленингр. отд-ние. – Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. – С. 221–248.
52. [Рец.] // Вопросы истории КПСС. – 1987. – № 11. – С. 139–141. – *Рец. на кн.: Ленин и кинематограф. 1917–1924 / В.С. Листов.* – Москва: Искусство, 1986.

1988

53. Общественные организации в СССР в переходный период от капитализма к социализму: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. – Москва, 1986. – 38 с. – Библиогр.: с. 37–38 (14 назв.).
54. В.И. Ленин о борьбе с бюрократизмом // Политическое образование. – 1988. – № 1. – С. 59–66.
55. За пять лет до 1937-го: [Интервью] / Татьяна Коржихина // Московские новости. – 1988. – № 45. – С. 9.
56. Из истории общественных организаций / Т.П. Коржихина, А.Д. Степанский // Историки спорят: тринадцать бесед / [под общ. ред. В.С. Лельчука]. – Москва: Политиздат, 1988. – С. 406–431.
57. Советское правительство в первые месяцы после Октября // Политическое образование. – 1988. – № 12. – С. 83–89.

58. Revival / Т. Korzhikhina // *Centrosoyus Review*: ежемесячное издание Центросоюза СССР (на англ. яз.) – 1988. – № 7. – С. 15.
О бюрократизме советского государственного аппарата 1920-х годов.

1989

59. Викжель в хронике Октября // *Гудок*. – 1989. – 18 мая; 19 мая; 20 мая.
Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза и его противостояние власти большевиков в октябре-ноябре 1917 г.
60. Из истории Наркомата по делам национальностей РСФСР (1917–1923 гг.) // *Политическое образование*. – 1989. – № 7. – С. 85–90.
61. Из истории общественных организаций / Т.П. Коржихина, А.Д. Степанский // *Историки спорят: тринадцать бесед* / [под общ. ред. В.С. Лельчука]. – Москва: Политиздат, 1989. – С. 406–431.
Перепеч. см.: № 56.
62. Общество старых большевиков, 1922–1935 гг. // *Вопросы истории КПСС*. – 1989. – № 11. – С. 50–65.

1990

63. Высшие органы власти СССР (1922–1936) // *Народный депутат*. – 1990. – № 17. – С. 106–111.
64. Из истории общественных организаций: (Диалог историков) / [Т.П. Коржихина, А.Д. Степанский] // *Вся Москва*. 1990/91: Информационно-рекламный ежегодник. – Москва: Советско-западногерманское совместное предприятие «Вся Москва». – 1990. – С. 80–88.
Перепеч. см.: № 56, 61.
65. Первый правительственный кризис // *Историки отвечают на вопросы*: [сборник]. Вып. 2 / [сост. В.В. Поликарпов]. – Москва: Моск. рабочий, 1990. – С. 229–243.
О выходе из состава советского правительства народных комиссаров в ноябре 1917 года.
66. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС: справочник / [А.А. Кирилина, Т.П. Коржихина, В.А. Кутузов, А.И. Мельников, Ю.В. Прокопцев; сост. В.Н. Павленко]. – Москва: Политиздат, 1990. – 270 с.
Из содерж.: Лобов Семен Семенович. – С. 157; Малышев Вячеслав Александрович. – С. 161; Мехлис Леонид Георгиевич. – С. 167;

Полянский Дмитрий Степанович. – С. 187; Пузанов Александр Михайлович. – С. 197; Родионов Михаил Иванович. – С. 201; Смирнов Александр Петрович. – С. 214; Сулимов Даниил Егорович. – С. 226; Сырцов Сергей Иванович. – С. 228; Шмидт Василий Владимирович. – С. 260.

67. Рождение номенклатуры // Московский строитель: Газета Московского строительного комитета и ЦК профсоюза рабочих строительства и промышленности строительных материалов. – 1990. – 27 ноября – 4 декабря (№ 41). – С. 11.
68. [Рец.] Общественные организации в политической системе страны: из истории добровольных обществ в первое десятилетие Советской власти // История СССР. – 1990. – № 5. – С. 161–165. – *Рец. на кн.: Добровольные общества в Петрограде – Ленинграде в 1917–1937 гг.: Сб. ст. – Ленинград: Наука, 1989. – 183 с.*

1991

69. История государственных учреждений Российской империи и СССР: Программа курса / Рос. гос. гуманит. ун-т; [сост.: А.С. Сенин, Т.П. Коржихина; отв. ред. С.П. Стрекопытов]. – Москва: [б. и.], 1991. – 41 с.
См. также № 78, 90.
70. Информация историка // Перспективы. – 1991. – № 9. – С. 36–37; Альтернативная служба: за или против.
Военная реформа 1924–1925 гг. и смешанная система комплектования армии.
71. Народный комиссар торговли и промышленности В.П. Ногин // Первое Советское правительство, октябрь 1917 – июль 1918 / науч. ред. А.П. Ненароков. – Москва: Политиздат, 1991. – С. 164–179.
72. ...Строили вроде бы всерьез и надолго... // Российская газета: Издание Верховного Совета РСФСР. – 1991. – 12 дек. – С. 4.
Договор об образовании СССР 1922 г.
73. Судьбы кооперации // Социалистический труд. – 1991. – № 9. – С. 73–76.
Кооперативное движение в 1920–30-е годы.
74. [Ред.] Государственные учреждения и общественные организации СССР. Проблемы, факты, исследования: Межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. ист.-арх. ин-т; под ред. Т.П. Коржихиной. – Москва: МГИАИ, 1991. – 120 с.

75. [Ред.] Стрекопытов С.П. Государственное руководство наукой в СССР (1936–1958 гг.): Учебное пособие / С.П. Стрекопытов; под ред. Т.П. Коржихиной; Рос. гос. гуманит. ун-т. – Москва: [б. и.], 1991. – 92 с.

1992

76. История государственных учреждений СССР: материалы к источниковедению и историографии (1917–1990 гг.) / [ред. С.П. Стрекопытов]; Рос. гос. гуманит. ун-т. – Москва: РГГУ, 1992. – 234, [1] с.

77. Общественные организации в СССР: материалы к источниковедению и историографии / отв. ред. С.П. Стрекопытов; Рос. гос. гуманит. ун-т. – Москва: РГГУ, 1992. – 178 с.

78. История государственных учреждений Российской империи и СССР: [Программа курса для специалистов гуманитарного профиля] / Сост.: Коржихина Т.П., Сенин А.С. // Гуманитарная подготовка студентов негуманитарных специальностей и специалистов гуманитарного профиля: Всероссийская конференция, 2–3 апреля 1992 г.: [материалы к конференции: программы курсов] / М-во науки, высш. шк. и техн. политики Рос. Федерации, Ком. по высш. шк., Рос. гос. гуманит. ун-т. – Москва, 1992. – С. 3–21.

См. также № 69, 90.

79. «Извольте быть благонадежны!»: [Интервью] / Татьяна Коржихина, беседу вела Наталия Григорьева // Россия: Ежедневная иллюстрированная газета. – 1992. – 29 июля – 4 августа (№ 31). – С. 7.

Объединения творческой интеллигенции 1920–1930-х годов. В заглавии цитата из указа императрицы Екатерины II от 31 октября 1765 г. о создании Вольного экономического общества.

80. Основные черты административно-командной системы управления // Формирование административно-командной системы, 20–30-е годы: сборник статей / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; отв. ред. В.П. Дмитренко. – Москва: Наука, 1992. – С. 146–165.

См. также № 81.

81. Рождение административно-командной системы управления // Административно-командная система управления. Проблемы и факты: межвузовский сборник научных трудов / М-во науки, высш. шк. и техн. политики Рос. Феде-

рации, Рос. гос. гуманитар. ун-т. – Москва: РГГУ, 1992. – С. 4–26.

См. также № 80.

82. Советская власть и общественные организации в 1917–1918 годах // Общественные организации в политической системе России. 1917–1918 годы: Материалы конференции [14–16 ноября 1989 г.] / Рос. акад. наук, Науч. совет «История российских революций», Тверской гос. ун-т; [отв. ред. П.В. Волобуев]. – Москва: [Б. и.], 1992. – С. 81–90.
83. [Ред.] Административно-командная система управления. Проблемы и факты: межвузовский сборник научных трудов / М-во науки, высш. шк. и техн. политики Рос. Федерации, Рос. гос. гуманитар. ун-т; [отв. ред. Т.П. Коржихина]. – Москва: РГГУ, 1992. – 146 с.

1993

84. Российская государственность и государственный аппарат: Программа для средних специальных учебных заведений по специальности № 0206 «Делопроизводство и архивоведение» / Московский департамент образования, Учебно-методический кабинет по профессиональному образованию. – Москва: [Б. и.], 1993. – 13 с.
85. Номенклатура: становление, развитие, ликвидация, 1923–1989 гг. / Т.П. Коржихина, Ю.Ю. Фигатнер // Курс истории в вузе: методические материалы, тексты лекций / Респ. центр гуманитар. образования Рос. Федерации, Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист. колледж; [науч. рук. направления по истории Ю.Н. Афанасьев]. – Москва: РГГУ, 1993. – С. 57–79.
- См. также № 86.*

86. Советская номенклатура: становление, механизмы действия / Т.П. Коржихина, Ю.Ю. Фигатнер // Вопросы истории. – 1993. – № 7. – С. 25–38.

См. также № 85.

1994

87. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «История» / Рос. гос. гуманитар. ун-т. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – Москва: РГГУ, 1994. – 418 с.:

фронт. портр. – В прил.: Краткий перечень органов власти и управления СССР и их руководителей (1923–1991).

См. также № 93.

88. История государственных учреждений: Программа курса / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т. Каф. истории гос. учреждений и обществ. организаций; [сост.: Т.П. Коржихина, А.С. Сенин; отв. ред. С.П. Стрекопытов]. – Москва: РГГУ, 1994. – 20 с. – Библиогр.: с. 17–19.

89. История Российской государственности: Для факультета управления: Программа курса / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. истории гос. учреждений и обществ. орг.; сост.: А.С. Сенин, Т.П. Коржихина. – Москва: [Б. и.], 1994. – 13 с.

См. также № 94.

90. Программа курса «История государственных учреждений Российской империи и СССР» / Гос. ком. Рос. Федерации по высш. образованию, Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. истории гос. учреждений и обществ. орг.; [сост.: Т.П. Коржихина, А.С. Сенин]. – Москва: РГГУ, 1994. – 19 с.; 21 см. – Библиогр.: с. 17–18.

См. также № 69, 78.

91. «Не люблю всякую неточность... и мемуарную»: воспоминания Т.П. Коржихиной / [вступ. ст. Т.М. Горяевой; коммент. и подгот. текста к публ. В.Е. Антонец; интервьюеры: В.Е. Антонец, В.В. Шубина] // Отечественные архивы. – 1994. – № 6. – С. 72–84.

1995

92. История российской государственности / Т.П. Коржихина, А.С. Сенин. – Москва: Интерпракс, 1995. – 347 с. – (Программа «Обновление гуманитарного образования в России».) – На обл. авт. не указаны. – Библиогр. в подстроч. примеч. и в конце кн.: с. 333–346.

Содерж.: От авторов. Гл. 1. Геополитические факторы становления и развития российской государственности. Гл. 2. Россия – империя. Гл. 3. Самодержавная монархия; Гл. 4. Государственный аппарат: учреждения и чиновники. Гл. 5. Государственная идеология. Гл. 6. От монархии к «пролетарской диктатуре». Гл. 7. Советское государство: унитарное или федеративное. Гл. 8. Государственный аппарат. Гл. 9. Советская номенклатура: от властных отношений к собственническому. Гл. 10. Государственная идеология. Гл. 11. Лик-

видация СССР. Что дальше? Хроника событий, связанных с созданием СНГ.

93. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г.: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «История» / Рос. гос. гуманитар. ун-т. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – Москва: РГГУ, 1995. – 418 с.: фронт. портр. – В прил.: Краткий перечень органов власти и управления СССР и их руководителей (1923–1991).

См. также № 87.

94. История российской государственности: программа курса / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. истории гос. учреждений и обществ. орг.; [сост.: Т.П. Коржихина, А.С. Сенин, А.Ю. Юрчикова; отв. ред. Т.Г. Архипова]. – Москва: РГГУ, 1995. – 14, [1] с. – Библиогр. в конце кн.

См. также № 89.

95. Виктор Ногин: из большевиков в коммерсанты / Т.П. Коржихина; публикацию подготовила А. Юрчикова // Бизнес и политика. – 1995. – № 3. – С. 52–56.

1997

96. Извольте быть благонадежны! / Вступ. ст. А.С. Сенина; Ин-т «Открытое общество». – Москва: РГГУ, 1997. – 371 с.: фронт. портр.

Содерж.: Предисловие. Гл. 1. Великий перелом. 1917–1922. Гл. 2. У нового рубежа. 1922–1932. Гл. 3. Перед большим террором. 1932 – середина 30-х годов. Вместо заключения. Примечания. Приложения. Именной указатель.

В названии монографии цитата из указа императрицы Екатерины II от 31 октября 1765 г. о создании Вольного экономического общества.

*Литература о жизни и деятельности
Т.П. Коржихиной*

97. Российская государственность: опыт и перспективы изучения: Чтения памяти профессора Т.П. Коржихиной: материалы межвузовской научной конференции, 1–3 июня 1995 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т; сост.: Т.Г. Архипова, Л.Д. Шаповалова, А.Ю. Юрчикова. – Москва: РГГУ, 1995. – 132 с.
Из содерж.: Сенин А.С. «...Буду заниматься именно историей государственностей» (Памяти Т.П. Коржихиной). – С. 4–7.
98. Российская государственность: традиции, преемственность, перспективы: материалы II Чтений памяти профессора Т.П. Коржихиной, 26–27 мая 1999 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. истории гос. учреждений и обществ. орг.; сост.: Г.В. Кожевникова, Л.Д. Шаповалова; под общ. ред. Архиповой Т.Г. – Москва: РГГУ, 1999. – 315 с.
Из содерж.: Архипова Т.Г. Предисловие. – С. 9–10.
99. Государство и общество России в XX–XXI вв.: новые исследования: [сб. ст. памяти профессора Т.П. Коржихиной] / Рос. гос. гуманитар. ун-т; сост. Л.Д. Шаповалова. – Москва: РГГУ, 2013. – 208, [1] с., [1] л. фронт. портр.
Из содерж.: Архипова Т.Г. Памяти Т.П. Коржихиной. – С. 9–15; Хорхордина Т.И. О лекторском мастерстве Татьяны Петровны Коржихиной. – С. 16–20; Шаповалова Л.Д. Воспоминания об учителе. – С. 21–24.
100. Кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций: краткий очерк организации и деятельности, 1952–2002 гг. / С.П. Стрекопытов, А.С. Сенин; [отв. ред. Т.Г. Архипова]; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. истории гос. учреждений и обществ. орг. – Москва: Компания «Спутник+», 2002. – С. 5–6, 63, 65, 69–70, 76–77, 80, 82–88, 91–98, 100–103, 107, 109, 111, 114–115, 118–131, 136–142, 150–155, 159–164, 167, 170, 172, 179–186, 193, 208–221.
101. Сенин А.С., Шаповалова Л.Д. Научное наследие профессора Т.П. Коржихиной: о подготовке биобиблиографического указателя трудов Т.П. Коржихиной // Российская государственность в конце XX – начале XXI в.: Мат. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Москва, 24 марта 2016 г. – Москва: «Спутник+», 2016. – С. 230–241.

102. Коржихина Татьяна Петровна: [Статья] // Кто есть кто в РГГУ: краткий биографический справочник / Рос. гос. гуманитар. ун-т; [сост.: С.И. Голотик, С.М. Пчеляная, А.С. Сенин]. – Москва: РГГУ, 1993. – С. 130.
103. Коржихина Татьяна Петровна: [Статья] // Историки России: Кто есть кто в изучении отечественной истории: библиографический словарь / А.А. Чернобаев. – 2-е изд., испр. и доп. – Саратов: Летопись: Изд. центр Сарат. гос. экон. акад., 2000. – С. 256.
104. Сенин А.С. Коржихина Татьяна Петровна // Московская энциклопедия / [гл. ред. С.О. Шмидт]. Т. 1: Лица Москвы, кн. 2: И – М. – Москва: Московведение, 2008. – С. 255.

Список сокращений

- Агитпропотдел – агитационно-пропагандистский отдел
АКСУ – административно-командная система управления
АН – Академия наук
АССР – автономная советская социалистическая республика
БУНД – Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России
ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина
Викжель – Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия большевиков
ВОКС – Всероссийское общество культурных связей с заграницей
ВРК, военревком – военно-революционный комитет
ВСРК – Всероссийский совет рабочей кооперации
ВТС – Всероссийский текстильный синдикат
Всерабис – Всероссийский союз работников искусств
Всерабочкомсод – Всероссийский рабочий комитет содействия организации социалистического сельскохозяйственного производства
Всеровкомпом – Всероссийский комитет помощи больным и раненым красноармейцам и семьям лиц, погибших на войне
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ВУС – Всероссийский учительский союз
ВЧК – Всероссийская Чрезвычайная комиссия
ВЧК Ликбеза – Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности и малограмотности
ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЦСПС – Всероссийский центральный совет профессиональных союзов
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
Главвоздухфлот – Главное управление рабоче-крестьянского Красного Военно-воздушного флота при Наркомате по военным делам РСФСР

Главискусство – Главное управление по делам художественной литературы и искусства Наркомпроса РСФСР
Главк – главное управление
Главкомтруд – Главный комитет по проведению всеобщей трудовой повинности
Главконцеском – Главный концессионный комитет при СНК
Главкустпром – Главное управление по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации
Главнаука – Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями
Главполитпросвет – Главный политико-просветительный комитет
Главпродукт – Главное управление продуктораспределения
Главпрофобр – Главное управление профессионально-политехнических школ и вузов Наркомпроса РСФСР
Главрепертком – Главный комитет по контролю за репертуаром при Народном комиссариате по просвещению РСФСР
Главсевморпуть – Главное управление Северного морского пути при СНК СССР
Главснабпродарм – Главное управление по снабжению продовольствием Красной Армии
Главтекстиль – Главное управление государственных текстильных предприятий ВСНХ
Госиздат – Государственное издательство
Госплан – Государственная плановая комиссия
Госторг – Государственная экспортно-импортная контора РСФСР
Губком – губернский комитет
Губсовнархоз – губернский совет народного хозяйства
ГУГБ – Главное управление государственной безопасности
Гукон – Главное управление коннозаводства
ИМЛ – Институт марксизма-ленинизма
ДПЗ – дом предварительного заключения
Истпарт – Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП
Исполком – исполнительный комитет
КЗОТ – Кодекс законов о труде
Комвнуторг – Комиссия по внутренней торговле при СТО СССР
Коминтерн – Коммунистический Интернационал
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
Крестинтерн – Крестьянский интернационал
КХП – Комитет хозяйственной политики
МВД – Министерство внутренних дел

МК – московский комитет
МОПР – Международное общество помощи борцам революции
Моссовет – Московский совет рабочих, солдатских и крестьянских
депутатов
МЦРК – Московский центральный рабочий кооператив
Нарком – народный комиссар
Наркомат – народный комиссариат
Наркомвоен – Народный комиссариат по военным делам
Наркомздрав – Народный комиссариат здравоохранения
Наркомзем – Народный комиссариат земледелия
Наркомнац – Народный комиссариат национальностей
Наркомпрод – Народный комиссариат продовольствия
Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения
Наркомфин – Народный комиссариат финансов
Наркомюст – Народный комиссариат юстиции
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКГИ – Народный комиссариат государственных имуществ
НКГК – Народный комиссариат государственного контроля
НКГП – Народный комиссариат государственного призрения
НКИД – Народный комиссариат иностранных дел
НКМД – Народный комиссариат по морским делам
НКМС – Народный комиссариат местного самоуправления
НКП – Народный комиссариат просвещения
НКПС – Народный комиссариат путей сообщения
НКПТ – Народный комиссариат почт и телеграфов
НК РКИ – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции
НКТ – Народный комиссариат труда
НКТП – Народный комиссариат торговли и промышленности
НКФ – Народный комиссариат финансов
НКЮ – Народный комиссариат юстиции
НТО – научно-технический отдел
ОГИЗ – Объединенное государственное издательство
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
Особтоп – Особое совещание по топливу
Рабпрос – профсоюз работников просвещения
РГАЭ – Российский государственный архив экономики
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-поли-
тической истории
Реввоенсовет, РВС – Революционный военный совет
РКП(б) – Российская коммунистическая партия большевиков
РОКК – Российское общество Красного Креста

РОСТА – Российское телеграфное агентство
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
РЦХИДНИ – Российский центр хранения и изучения документов
 новейшей истории
Сельскосоюз – Всероссийский закупочный союз сельскохозяй-
 ственной кооперации
СДЛК – Социал-демократия Латышского края
СНГ – Содружество Независимых Государств
СНК – Совет народных комиссаров
Совинформбюро – Советское информационное бюро
Совнарком – Совет народных комиссаров
Совет Р., С. и К. – Совет рабочих, солдатских и красноармейских
 депутатов
СТО – Совет труда и обороны
Фабзавком – фабрично-заводской комитет
ЦГА – Центральный государственный архив
Цекомрабснаб – Центральная комиссия по снабжению рабочих
Цекопродарм – Центральная комиссия по упорядочению и пра-
 вильной постановке снабжения Красной Армии продуктами
 питания и первой необходимости
ЦЕКУБУ – Центральная комиссия по улучшению быта ученых
Центропленбеж – Центральная коллегия по делам пленных и
 беженцев
Центросекция – Всероссийский хозяйственный центр городских
 и фабрично-заводских потребительских коммун
Центроснаб – Центральное управление снабжения ВСНХ
Центросоюз – Всероссийский центральный союз потребительских
 обществ
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК – Центральный комитет
ЦКК – Центральная контрольная комиссия при ЦК ВКП(б)
ЦКК-НКРКИ – Центральная контрольная комиссия – Народный
 комиссариат рабоче-крестьянской инспекции
ЦМАМ – Центральный муниципальный архив Москвы
ЦРК – Центральная ревизионная комиссия
ЦСУ – Центральное статистическое управление
ЦУГПРОМ – Центральное управление государственной промыш-
 ленности
ЦУПВОСО – Центральное управление военных сообщений
ЯАССР – Якутская Автономная Советская Социалистическая
 Республика

Contents

Foreword to the edition	7
<i>A. Senin, L. Shapovalova</i>	
Tatyana Petrovna Korzhikhina (1932–1994)	9
<i>Introduction</i>	17
“The future seems to me worth of life and redeeming all the adversities”	21
Selecting a path	47
From the illegals to the merchants	73
<i>Notes and commentaries</i>	111
<i>Annexes</i>	143
Chronological index of works	143
Literature on life and work of T.P. Korzhikhina ...	159
Abbreviations	161

Korzhikhina T.P. From the illegals to the merchants. Essay on life and work of V.P. Nogin

The essay is devoted to the life and work of V.P. Nogin, the People's Commissar of Trade and Industry in the first make-up of the Soviet Government. The book also includes an introductory article about the life and scientific work of T.P. Korzhikhina (1932–1994), the doctor in History, professor of the Department of History of State Institutions and Public Organizations of the IAI of the Russian State University for the Humanities and a chronological index of her works.

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Коржихина Татьяна Петровна

ИЗ НЕЛЕГАЛОВ В КОММЕРСАНТЫ

Очерк жизни и деятельности В. П. Ногина

Корректор *О. К. Юрьев*

Компьютерная верстка *Е. Б. Рагузина*

Подписано к использованию 16.02.19

Формат 11,5×19,0 см

Гарнитура Petersburg

Российский государственный
гуманитарный университет

125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: (499) 973-42-06

Электронная версия данной книги подготовлена
Агентством электронных изданий «Интермедиагор»

Сайт: <http://www.intermediator.ru>

Телефон: (495) 587-74-81

Эл. почта: info@intermediator.ru

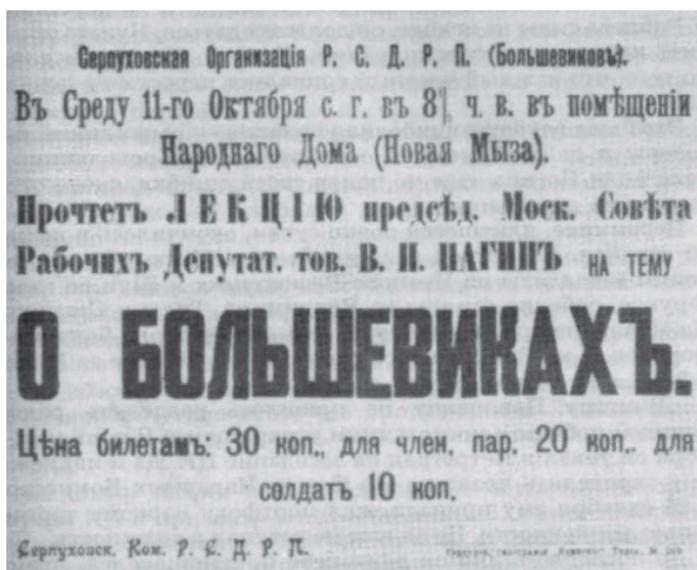
В.П. Ногин, В.Г. Громан, С.В. Андропов и другие
в ссылке в селе Назаровском. [1902]
(Из сб.: *Текстильщики памяти В.П. Ногина*. М., 1925. С. 37)

В.П. Ногин в тюрьме в Ломже (Польша). 1904
(Из сб.: *Текстильщики памяти В.П. Ногина*. М., 1925. С. 31)

В.П. Ногин выступает на митинге
у Исторического музея в Москве
Февраль 1917 г. РГАКФД. Шифр: 0-271417ч/б

Объявление о лекции председателя
Московского совета рабочих депутатов В.П. Ногина
11 октября 1917 г.

Е. Ярославский, В.П. Ногин и другие члены Московского
военно-революционного штаба
[Октябрь] 1917 г. РГАКФД. Шифр: 2-3906 ч/б

Группа членов Исполкома первого созыва
Моссовета после Октябрьской революции.

Сидят (слева направо): 1) Игнатов, 2) Ратехин, 3) Корзинов, 4) Розенгольц,
5) Пискарев, 6) Сальников, 7) Ангарский, 8) Борщевский, 9) Фельдман,
10) Каныгин, 11) Смидович, 12) Горкунов, 13) Сахаров, 14) Рогов,
15) Лисицин, 16) Радзивиллов, 17) Ногин, 18) Певунов.

Стоят (слева направо): 1) Темкина, 2) Илюшин, 3) Меркулов, 4) Рыков,
5) Заморёнов, 6) Будзинский, 7) Обух, 8) Смирнов, 9) Савин, 10) Семашко,
11) Исаев, 12) Вознесенский, 13) Буровцев, 14) Белорусов, 15) Желтов,
16) Булочнинов, 17) Фонченко

Красная Москва. 1917–1920 гг.

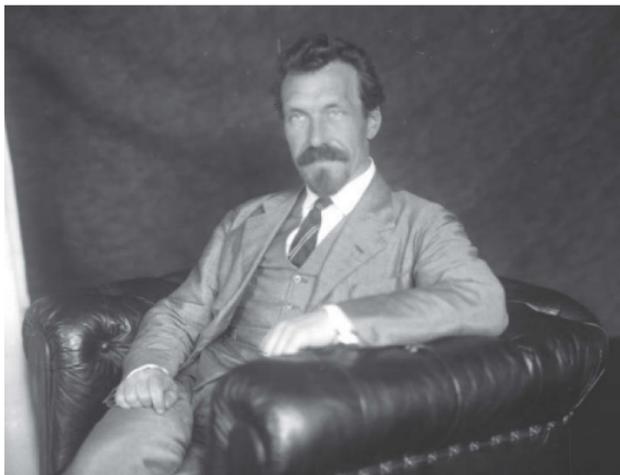
М.: Издание Московского Совета Р., К. и Кр. Д., 1920

Первый Совнарком: В.И. Ленин, И.В. Сталин, А.В. Луначарский,
И.И. Скворцов-Степанов, В.П. Ногин, Г.И. Ломов, А.И. Рыков,
Л.Д. Троцкий, Н.В. Крыленко, В.А. Антонов-Овсеенко (фотомонтаж)
1917. РГАКФД. Шифр: 4-16503/с

В.П. Ногин – нарком
торговли и промышленности
в первом Совнаркоме
РГАКФД. Шифр: 2-5062 ч/б

А.И. Рыков – нарком внутренних дел в первом Совнаркоме
РГАКФД. Шифр: 4-35258 ч/б

Делегаты 5-го Всероссийского съезда советов у входа
в Большой театр
[Июль 1918] РГАКФД. Шифр: В-1774 ч/б

В.П. Ногин направляется
на заседание
5-го Всероссийского
съезда Советов
Июль 1918 г. РГАКФД. Шифр:
В-1715 ч/б

Левые эсеры идут на заседание фракции
РГАКФД. Шифр: В-1770 ч/б

Представители Английского посольства
направляются на заседание съезда
Июль 1918 г. РГАКФД. Шифр: В-1718 ч/б

Художественно оформленный автомобиль Союза металлистов
проходит мимо трибуны на Красной площади 1 мая 1918 г.
*На трибуне: В.П. Ногин, Н.И. Муралов, Н.А. Угланов,
Я.М. Свердлов, Л.Д. Троцкий, В.И. Полонский и другие
1918. РГАКФД. Шифр: В-1955 ч/б*

Председатель Всероссийского совета рабочей кооперации,
член Президиума ВСНХ В.П. Ногин. [1919]
РГАКФД. Шифр: 3-1576 ч/б

В.П. Ногин среди делегатов кооперативного съезда
Апрель 1919 г. Москва. РГАКФД. Шифр: 3-1729 ч/б

Заседание Чрезвычайной комиссии по снабжению рабочих при Наркомате продовольствия РСФСР
Сидят: пятый слева – В.П. Ногин, шестой слева – А.Б. Халатов [1919–1922]. РГАКФД. Шифр: 4-547 ч/б

Чрезвычайная комиссия по снабжению рабочих при Наркомате продовольствия РСФСР. В.П. Ногин – в первом ряду первый справа, А.Б. Халатов – второй справа
[1919–1922]. РГАКФД. Шифр: 4-549 ч/б

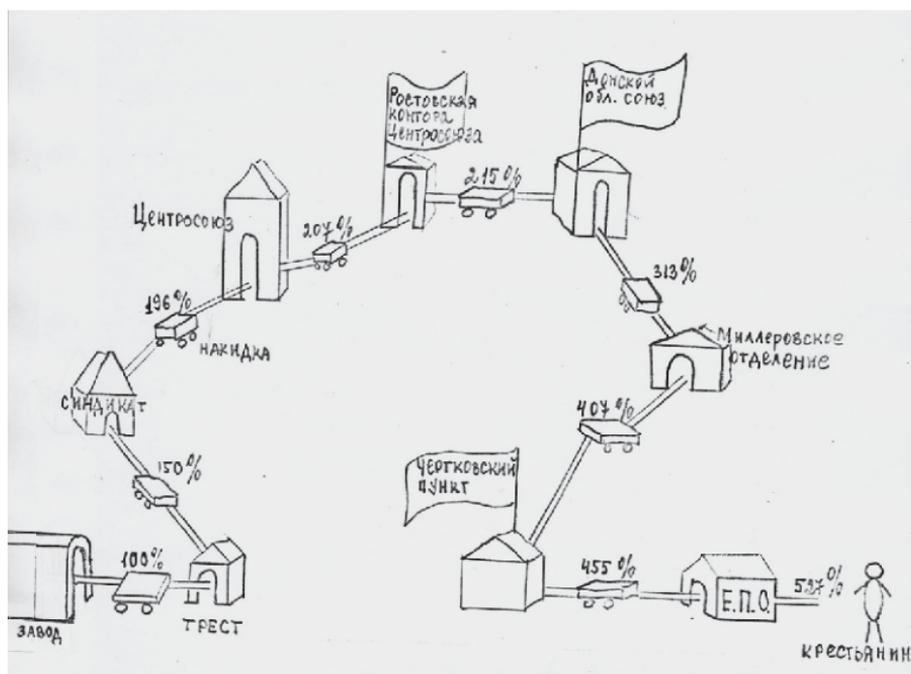

Схема продвижения товаров
государственной промышленности
в деревню в 1922 г.
Составлена Т.П. Коржихиной

Л.Б. Красин, нарком внешней торговли РСФСР(1920–1923),
полпред и торгпред России в Великобритании,
председатель советской делегации в Лондоне в 1920 г.
РГАКФД. Шифр: 2-71314 ч/б

В.П. Ногин. [1921]
РГАКФД. Шифр: 1-21 ч/б

Ф.Э. Дзержинский –
председатель ВСНХ СССР
в 1924–1925 гг.
РГАКФД. Шифр: 4-46 ч/б

В.П. Ногин – председатель
Всероссийского
текстильного синдиката
1924. *РГАКФД. Шифр: 4-22 ч/б*

V съезд уполномоченных Всероссийского текстильного синдиката.
В первом ряду четвертый слева – В.П. Ногин. 1923
(Из сб. *Текстильщики памяти В.П. Ногина. М., 1925. С. 291*)

ТЕЛЕГРАММЫ, ПОЛУЧЕННЫЕ ИЗ АМЕРИКИ ПОСЛЕ
СМЕРТИ В. П. НОГИНА *).

I express to M-r Nogins family and friends and to all good people russia my sincere sympathy. M-r Nogin won respect confidence of all with whom he came in contact and made of friends in America.

William E. Borah.

Перевод.

Выражаю свое искреннее соболезнование семье и друзьям В. П. Ногина и великому русскому народу. В. П. Ногин пользовался глубоким уважением и расположением всех, кому приходилось иметь с ним дело, и приобрел много друзей в Америке.

Вильям Бора.

Friendly russian freedom in America who net Victor Nogin were deeply impressed by his ability, his devetion to welfare russian people, his valiant spirit high intelligence transparent sincerity won for him respect and confidence all americans no other citizen from Soviet Russia made so favorable impression upon all classes in this country. Jshare with his family and friends sense deep personal bereavement in his Intimely death.

Raymond Robins.

*) Редакция помещает телеграммы из Америки, так как в них отразилась оценка В. П., сделанная американскими деловыми кругами.

Телеграммы, полученные
из США после смерти В.П. Ногина. 1924
(Из сб.: *Текстильщики памяти В.П. Ногина. М., 1925. С. 301–302*)

Перевод.

Друзья освобожденного русского народа в Америке, которым приходилось встречаться с В. П. Ногиним, всегда восхищались его дарованиями, глубокой преданностью делу улучшения благосостояния русского народа. Его бодрый дух, глубокий ум, исключительная искренность завоевали ему уважение и доверие всех американцев. Никто из граждан Советской России не производил такого обаятельного впечатления на все слои нашего общества. Я разделяю с семьей и друзьями В. П. Ногина чувство глубокой скорби по поводу его преждевременной смерти.

Раймонд Робинс.

Please convey to Mrs Nogin family my very sincere sympathy. I had the greatest admiration for M-r Nogin and appreciate the sorrow which his death will bring to this family and the loss to his associates.

**Reeve Schley, vice-president
the Chase National Bank.**

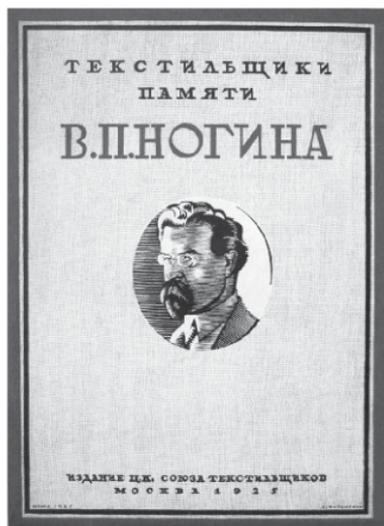
Перевод.

Прошу передать семье В. П. Ногина мое искреннее соболезнование. Я искренно уважал Виктора Павловича Ногина и глубоко чувствую ту скорбь, которая постигла со смертью В. П. его семью, и ту утрату, которую понесли его сотрудники.

**Рив Шлей, вице-президент
Национального Чез-Банка.**

Please convey to M-r Nogin's family and associates my deepest sympathy. I shall always remember his sincerity and honesty of thought and action which impressed itself upon every man met even those who differed with him radically on an economic and political questions respected and admired the man.

Thomas D. Thatcher.

Плакат. 1924
(Из сб.: *Текстильщики памяти В.П. Ногина. М., 1925*)

Обложка издания ЦК профсоюза текстильщиков, посвященного памяти В.П. Ногина. 1925

Камень на месте закладки памятника В.П. Ногину в сквере на Варварской площади (ныне Славянская пл.). 1924
(Из сб.: *Текстильщики памяти В.П. Ногина. М., 1925. С. 259*)